

АМЛОДЫ ОНЛАЙН

• ИГРА •
В ЧЕРТОГАХ СМЕРТИ

Дмитрий Казаков

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Смертельные враги – изуродованный астралом эльфийский маг и хадаганский диверсант, вынужденный скрываться от бывших соратников, – обречены на встречу, хотя еще не знают об этом.

Столкнуться им предстоит в одном из наиболее загадочных мест мира Аллодов – около затерянной в джунглях Святой Земли пирамиды, доступ в которую перекрыт мощными и странными заклинаниями.

Героям придется забыть о вражде, когда станет ясно, что оба – пешки в игре, от исхода которой зависит судьба мира... Вот только неведомые игроки забыли, что сами находятся на той же доске, а пешка может стать ферзем!

- [Дмитрий Львович Казаков](#)

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

Дмитрий Львович Казаков

Аллоды. Игра в чертогах смерти

Оформление серии: *Василий Половцев*

Разработка внутреннего оформления: *Ирина Гришина*

Серия «Аллоды» издается с 2014 года

(<http://allods.ru>)

Глава 1

Как хорошо, что у эльфов не бывает похмелья.

Вечер Головешка помнил смутно, но все же помнил... за исключением некоторых деталей.

Представитель любой другой расы сейчас лежал бы в луже собственной блевотины, маялся головной болью и тошнотой, ну а заодно пытался бы собрать головоломку из сохранившихся в памяти ярких, но разрозненных фрагментов – откуда синяки на роже, куда делись деньги из кармана, и как он вообще дошел домой?

Да, но представитель любой другой расы не стал бы в пьяном виде залезать на стол и вещать оттуда, что жители Быстрицы сплошь уроды, недостойные пребывать на одном аллоде с ним...

Все могло обойтись, если бы в таверне, носившей гордое название «Посох Скракана», в тот момент находились только местные, привыкшие к выходкам Головешки. Ну а те незнакомые мужики, по виду и ухваткам – охотники-промысловики на пушного зверя, оказались не дураки подрасться.

Он вздохнул и с отвращением приоткрыл глаза – сколько бы вчера ни выпил, чего бы ни натворил, нужно вставать и начинать очередной день, провалиться ему в астрал три раза!

Взгляд Головешки уперся в дощатый закопченный потолок.

Скатившись с широкой кровати, на которую ночью плюхнулся, не раздеваясь – ладно хоть сапоги стащил – он с отвращением посмотрел на занимавшую центр единственной комнаты печь. Нужно выйти во двор, где, судя по свету, проникающему через крошечное окошко, наступил день, набрать дров, растопить печь, погреть воды и самостоятельно привести себя в порядок.

Плебейская, грязная, уродская работа!

Невозможная вещь для эльфа, мага и воина, для того, кто творил сотрясающие астрал заклинания, покорял неприступных красавиц, участвовал в Большой Игре и танцевал на Великих Балах!

Да, воистину невозможная.

Но эльф ли он на самом деле?

Головешка скривился, ощущая, как саднят разбитые во вчерашней драке губы, и зашлепал туда, где на стене висело зеркало.

Не осколок слюды в металлической рамке, не отполированная плашка бронзы или стали, нет, настоящая пластина из стекла в изящном обрамлении из серебра и золота.

Осколок прежней жизни, где такие вещи были... да, они были в порядке вещей и воспринимались как нечто привычное, обыденное.

Один из немногих предметов, что он захватил с собой, отправляясь в Сиверию.

Из зеркальной глубины на Головешку глянул некто золотоглазый, высокий и стройный... да, вот и синяки, один под правым глазом, другой на левой скуле, губы распухли, правое ухо слегка расплющено чьим-то кулаком.

Ничего, это к вечеру рассосется, пройдет само собой.

Постарается тело, доставшееся ему от предков, не зря подвергших себя Великому Изменению.

Вот с остальным дело обстоит куда хуже, и это «остальное» не в силах убрать магия, ни та, что принадлежит его собственному народу, ни волшебство людей, ни молитвы поклонников Тенсеса.

Как всегда, глядя на себя в зеркало, Головешка не удержался и заскрипел зубами.

Никаких крыльев, а без них он выглядит неуклюжим, словно орк или даже тролль, вместо волос голову покрывает бурая короста застарелого ожога, того же цвета пятна темнеют на щеках, уродливые отростки вылезают из-под воротника, точно щупальца присосавшегося к телу паразита.

Ох, если бы он мог оторвать эту тварь от собственного тела!

Головешке немедленно захотелось выпить – чего угодно, пусть даже отвратительного первача из свеклы, который гонят в Молотовке поселившиеся среди людей гибберлинги.

Он прошел мимо огромного стола, заваленного свитками и толстыми книгами в переплетах из черной кожи, сложными инструментами из латуни и железа, утыканного свечными огарками из воска разных цветов. Магия – единственная отрада, утеха для ума, источник наслаждения для изгнанника, укрывшегося в диком, малонаселенном краю.

Укрывшегося от всего, от прошлого, от сородичей... от себя.

Хотя нет, не единственная – Головешка поднял крышку стоявшего в углу сундука, грубого, огромного, сколоченного из необструганных досок и обитого полосами железа. Вытащил объемистую бутылку мутного стекла и недовольно прищурился, обнаружив, что она пуста.

– Это как же такое возможно? – пробормотал он, растягивая слова.

Неужели придется после того, как он натопит печь и вымоется, тащиться в деревню, в «Посох Скракана»? Или прямо сейчас, а то от одного взгляда в зеркало стало так тошно, что хоть напивайся заново?

Пара кружек пива... да, пара больших кружек, а лучше три, и Головешка сможет примириться с фактом собственного существования, забыть о том, насколько он уродлив, что он вообще уродлив...

В это мгновение словно легкая, невесомая рука тронула затылок, паутинка скользнула по мозгу, и эльф замер. Его перестала беспокоить собственная внешность, и мысли о самогоне вылетели из головы – он ощутил прикосновение чужого сознания, разума, натренированного в магии астрала.

Значит, рядом находится чародей, причем умелый и опытный.

Но откуда ему взяться посреди дремучих лесов Сиверии, вдали от торговых дорог, в добром десятке километров от крохотной деревушки Быстрица, на берегу безымянного ручья, где лишь три года назад появился дом?

Холодная бестелесная рука отдернулась, но Головешка уже начал действовать. Наклонился к сундуку, полетели в сторону свертки и шкатулки, и через мгновение он выпрямился, держа в руке длинный узкий меч.

Одним движением стряхнул на пол черные ножны – блеснуло лезвие, показалось, что по нему потекли волны серебристого свечения, тусклым алым огнем загорелся украшавший рукоять драгоценный камень.

Одновременно Головешка концентрировал волю, очищал разум, готовясь к магической схватке...

Кто-то сумел найти его, кто-то из прошлой жизни, достаточно терпеливый и умелый, чтобы пройти по нарочито запутанному следу. И вряд ли чужак явился, чтобы вспомнить старые добрые времена, распить бутылочку красного вина с Тенебры, сыграть партию-другую в тавлеи.

Скорее всего, это враг... таковых у Головешки имелось в изобилии.

В те времена, когда его звали иначе.

Первое касание было лишь разведкой, сейчас последует атака, а он не готов, толком не проснулся и не выспался, вечер и большую часть ночи посвятил вовсе не упражнениям в магии...

Но тут снаружи донесся скрип снега под ногами, и Головешка удивленно хмыкнул.

Нет, это не нападение... агрессор не стал бы действовать таким образом.

А тогда что, его отыскал кто-то из бывших друзей, один из родственников, и приехал сюда, чтобы посмеяться над бескрылым изгнанником, над тем, что он больше не эльф, а лишь жуткая пародия на одно из тех существ, что тысячи лет назад вышли из

инкубаторов Великого Изменения?

Горячая волна ярости ударила Головешке в голову.

– Эй, хозяин! – долетел из-за окошка хриплый, неприятный бас. – Ты дома?

Нет, такой голос, немзыкальный и грубый, не может принадлежать эльфу.

Чародей-человек?

Еще более удивительно...

– Дома, – ответил Головешка, понемногу успокаиваясь: ярость уступила место любопытству.

Очень хотелось бы поговорить с незванным гостем на улице, но это невозможно, особенно сейчас, зимой... Он находился в Сиверии, и хотя не любил и презирал ее жителей, грубых, уродливых, невоспитанных, но все же, пусть неохотно, едва не помимо воли соблюдал кое-какие местные обычаи...

За три года они, похоже, как-то въелись в его эльфийскую, благородную кровь.

Ну а если к твоему порогу явился гость без враждебных намерений, особенно в холодное время года, когда стволы деревьев, качаемых ледяным ветром, порой трещат от мороза, то будь добр, пусти чужака в дом, дай обогреться... и в следующий раз так поступят с тобой, и может быть, тем самым спасут твою никчемную и пустую жизнь.

– Сейчас выйду, – недружелюбно буркнул Головешка, и завертел головой, выискивая сапоги.

Но меч пока из руки не выпустил, и на всякий случай приготовил магический щит.

Кто его знает, может быть это хитроумная ловушка?

Выбрался в сени, заскрипели дверные петли, яркий солнечный свет заставил прищуриться. Гость обнаружился там, где ему и полагалось быть – в дюжине метров от крыльца, на опушке, там, где начиналась еле заметная тропка, уводящая в сторону Быстрицы.

И вроде бы Головешка сам маскировал ее так, что не всякому найти.

Но этот отыскал...

Лицо чужака скрывал капюшон, а сам он был облачен в некое подобие черной рясы вроде тех, что носят служители Церкви Света. Под ней угадывалась высокая, костлявая и сутулая фигура, на виду оставались только кисти, неестественно белые, точно алебастровые, скромно лежащие на животе.

– Доброго дня тебе, – сказал гость, отвешивая неглубокий поклон.

– И тебе, – отозвался Головешка, даже не пытаясь изобразить

дружелюбие. – Зайдешь в дом?

– Благодарю за приглашение, – отозвался чужак, разводя руками, и зашагал к крыльцу.

Шел он тяжело, приволакивал ногу.

А Головешка пытался понять, кто перед ним – несмотря на одежду, на церковника не похож, да и Тенсеса ни разу не помянул; уж точно это не представитель его собственного народа; бродячий некромант из тех, что иногда встречаются в диких углах Сиверии?

Или... или это человек из Сыскного приказа?

Если так, то понятно, почему гость не озвучил своего имени и сам не поинтересовался, как называть хозяина. Вполне возможно, что прознатчики Жуги Исаева заинтересовались необычным эльфом, что живет отшельником вдали от сородичей... вот только что им от него нужно?

– Заходи, – велел Головешка, быстрым взглядом изучая окрестности.

Лес вокруг дома выглядит непотревоженным – никто не прячется в заснеженных зарослях, не накладывает стрелу на тетиву, не готовится пустить в ход заклинание из арсенала боевой магии. Лишь шумят качающиеся на ветру кроны, да глухо каркает вдали недовольная жизнью ворона.

Если чужак и из сыскарей, то явился в одиночку, да еще и без оружия.

– Выпить, к сожалению, нечего, – сказал эльф, когда они оказались в комнате. – Растопить печь я не успел, так что...

– Ничего, – добродушно отозвался гость. – Я оставил вещи в «Посохе Скракана». Заодно и позавтракал.

Головешка скрипнул зубами – наверняка еще и послушал сплетни о том, что произошло в таверне Быстрицы вчера вечером, а затем благополучно прошел по следам некоего изрядно перебравшего эльфа.

– Но я явился сюда не для того, чтобы есть или пить, – продолжил чужак, не обращая внимания ни на то, что ему даже не предложили сесть, ни на меч в руке хозяина. – Мне нужен ты, Балдуин ди...

– Еще одно слово, и я выкину тебя за порог, – холодно процедил Головешка. – Понимаешь?

Незванный гость сложил неестественно белые ладони перед грудью и вновь поклонился:

– Вне всякого сомнения.

– Тогда говори, что тебе нужно, и проваливай.

– Есть одна услуга, которую ты можешь нам оказать, – проговорил чужак, и тут эльфу показалось, что хриплый,

раздражающий слух голос доносится не из-под капюшона, а откуда-то из живота. – Мы готовы щедро заплатить, ты не пожалеешь о соб...

Головешка позволил себе усмехнуться – презрительно, холодно, надменно, словно он был не обгорелым уродом, по недоразумению выжившим куском живого существа, а полноценным, да еще и облеченным властью представителем древнейшего и прекраснейшего народа Сарнаута.

Такого смешка всегда хватало, чтобы поставить на место кого угодно, даже тупого орка.

– ...о собственном согласии, – преспокойно закончил незванный гость.

– Да, и чего же такого вы способны мне дать? – поинтересовался Головешка. – Денег? Власти? У меня в свое время было вдоволь и того, и другого!! Понимаешь, ты? Кроме того, кто такие «вы»?

И уже не стеснясь, не особенно задумываясь о последствиях, он пустил в ход ясновидение – заклинание не очень сложное, но изящное и чрезвычайно эффективное, позволяющее разглядеть суть интересующего тебя объекта, неважно, одушевленного или нет.

Вокруг фигуры в рясе и капюшоне вспыхнул синеватый ореол, повеяло запахом сирени, ушей коснулся перезвон далеких струн... но через мгновение все это исчезло, а чужак лишь невозмутимо потер руки, точно стряхивая с них пыль.

А Головешка так ничего и не увидел... вообще ничего!

На мгновение эльф растерялся, но тут же в душе закипел гнев – ах ты так, да, ты спрятался за непроницаемым для чародейства щитом, да еще и прикрылся сверху иллюзией, ну так на любой замок найдется отмычка!

– Мы – те, кому необходим столь опытный и умелый маг, как ты, – сказал гость, и повел рукой в сторону стола, где громоздились свитки, и пылинки в солнечном луче танцевали над инструментами из стекла и латуни. – Тот, кто выжил, оказавшись в астрале. Кто считался одним из одареннейших чародеев своего дома, участвовал в четырех войнах...

– Ты много знаешь обо мне, – мрачно сказал Головешка: гнев ушел, осталась горечь.

– Естественно, – чужак кивнул, – а вот тебе не стоит тратить силы на то, чтобы попытаться узнать что-либо обо мне... эти сведения будет трудно добыть, и они не представляют никакой ценности.

Гладко говорит, но очень странно...

Посланец Сысского приказа не стал бы скрывать, кто он и

кого представляет. Выходит, что могущественная секретная служба Кании тут ни при чем? Кто же тогда переступил порог его дома, неужто один из Великих Магов, скрывшийся под личиной, тот, кто не может надолго покинуть свой аллод, но хочет сделать что-то на другом?

– Что тебе нужно от меня? – спросил Головешка.

В конце концов не обязательно использовать чары, о собеседнике можно узнать многое по тому, что тот говорит... или не говорит... как он строит фразы, какие использует слова... хотя до сего момента его речь была гладкой и безликой, точно древний каменный идол с Джиграна.

– Чтобы успокоить тебя, я готов поклясться чем угодно, что мы не являемся врагами Лиги, народа эльфов или твоего дома... – предложил незванный гость, но Головешка небрежно отмахнулся – клятва недорого стоит, особенно если дает ее прячущийся под капюшоном незнакомец.

– Хорошо, как пожелаешь, – продолжил чужак. – Как ты хорошо знаешь, в джунглях Асэ-Тэпх прячутся пирамиды, выстроенные тысячелетия назад людьми народа Зэм...

Вот как, не «железяками», «возвращенцами» или «мертвяками», а «народом Зэм»?

Так что, этот тип явился из Империи?

Ну да, в данный момент хадаганцы могут свободно путешествовать по землям эльфов и канийцев...

Мир есть мир, и пока его никто не собирается нарушать.

– Тебе нужно будет добраться до одной из них, не самой большой или известной, проникнуть внутрь, и добыть спрятанный там предмет.

– Какой именно? – поинтересовался Головешка. – И почему вы сами не можете это сделать? Ты, как я вижу, чернокнижник не из последних, и наверняка в твою «вы» входит кто-то еще...

– Увы, на нас наложены ограничения, не позволяющие войти в пирамиду, – незванный гость развел руками. – Снять их нам не по силам... а что до искомого предмета...

Зашуршал извлеченный из-под рясы свиток, и глазам эльфа предстал рисунок: изящная подвеска из золота, украшенная топазами и изумрудами, явно работа его сородичей, похоже, что из дома ди Дазирэ, причем не таких давних времен, лет сто-двести назад.

Как эта штука попала в пирамиду Зэм?

И чем она так ценна, чего в этой безделушке такого особенного?

– Что до платы за оказанную нам услугу, – продолжил чужак, делая шаг вперед. – Дай мне левую руку...

Головешка нахмурился, но просьбу выполнил.

Ладонь незваного гостя оказалась не просто холодной, а по-настоящему ледяной. Дотронувшись до плоти эльфа, он даже вроде бы заурчал, будто огромный кот, дорвавшийся до плошки со сметаной, длинные тонкие пальцы огладили пятнышко ожога.

Точно такого же ожога, как на голове и на лице, на груди и на шее, и даже на ногах, разве что маленького.

– Эй! – воскликнул Головешка, его руку кольнуло, словно укусила громадная пчела, вспыхнул зеленоватый свет, окутавший кисть, пронизавший ее насквозь так, что та стала прозрачной, сквозь кожу и мясо проглянули кости.

А в следующий момент эльф, забыв обо всем, усталился на собственную ладонь.

Пятнышко бурой коросты исчезло!

Сгнула крохотная отметина, одна из многих, оставленных на его теле, тех самых, с которыми не смогли справиться лучшие эльфийские целители и мастера канийской святой магии, способные поднимать мертвых!

Головешка сглотнул, закрыл и вновь открыл глаза, думая, что это мираж, иллюзия...

Нахлынули воспоминания о том дне, когда он перестал быть настоящим эльфом, опытным боевым магом, родовитым и уважаемым членом могущественного дома, бойцом и поэтом, достойным восхищения и уважения, истинным воплощением Красоты!

Всего шесть лет назад, а кажется, что прошла целая вечность...

Корабли, много дней идущие по неизведанным глубинам астрала, постоянные стычки, изматывающие вахты, когда нужно следить за пространством вокруг, ожидая атаки откуда угодно, снизу, сверху... и вот обнаруженная разведчиками цель, крохотный аллод с расположенным на нем порталом.

Безумный штурм, кипящая битва, затянувшаяся не на один день, легионы врагов...

Отказавший в самый ответственный момент щит, исчезнувший кусок обшивки перед Головешкой, тогда носившим другое имя, гордое и знаменитое, неудачный маневр, и он выпадает наружу, точно птенец из гнезда.

Мгновение его глаза наслаждаются радужным многоцветьем, а затем приходит боль.

Астрал начинает «переваривать» не защищенное заклинаниями живое тело.

Как его вытащили обратно, эльф не помнил, очнулся он лишь через двое суток, на корабле, увозившем раненых... и только

благодаря этому он и выжил, соратники по походу там и остались, рядом с безымянным аллодом, уродливым осколком скалы, затерянном в недрах астрала...

Головешка часто жалел о том, что оказался среди уцелевших.

– Как ты это сделал? – спросил он, от волнения немного запинаясь.

– В этом мире все возможно, – сказал чужак. – Сам понимаешь, что процедура не будет быстрой и простой, но самое главное, что она будет успешной... это я тебе обещаю.

– Нет... нет... – эльф еще раз моргнул, поскреб то место, где находилось пятнышко, но где теперь не было ничего, помимо кожи, гладкой и чистой, точно у здорового младенца.

Кто же он такой, этот незванный гость, могущий творить подобные вещи?

Неужели и вправду один из Великих Магов?

– Ну так что, как я понимаю, ты согласен? – Головешка не мог видеть лица собеседника, но готов был поспорить на что угодно, что тот улыбается.

На мгновение подозрения вновь зашевелились в душе – обман, необычайно стойкая иллюзия? Нет, невозможно, подобный трюк вскрыется, не сегодня, так завтра или через несколько дней!

Стать таким же, как ранее, избавиться от поганяющих тело ожогов?

Вернуться в общество себе подобных, и не отверженным, оскорбляющим чужие взгляды уродом, живым позором для дома и народа эльфов, каким он стал после того, как «искупался» в астрале...

Да, это стоит того, чтобы выполнить одно небольшое поручение...

– А крылья? – внезапно охрипшим голосом поинтересовался эльф. – Они... тоже?

– Будем рассматривать это как премию. За быструю и качественную работу.

– Ну тогда... когда выезжать?

Бросить халупу, затерянную в чащах Сиверии, вернуться в большой мир, вновь ощутить себя полезным, живым, настоящим... только от одной мысли о подобном кровь быстрее бежит в жилах, а руки сами сжимаются в кулаки.

– Спешить нет смысла, – даже намек на улыбку исчез из голоса незванного гостя. – Одному, даже столь умелому и опытному магу, в пирамиду не проникнуть, поэтому тебе понадобятся спутники.

Головешка поморщился – кто? зачем?

– Ты встретишься с ними в Новограде, – продолжил чужак, не

обращая внимания на недовольную мину хозяина, – на постоялом дворе «Канийская доблесть», через десять дней, начиная от сегодняшнего.

Ну что же, кто платит, тот и заказывает музыку...

– Как я их узнаю? – спросил Головешка. – Где точно находится ваша пирамида? Куда нам нужно доставить извлеченный из нее предмет?

– Соратники сами узнают тебя. Что до остального, то все на обороте пергамента, – и незванный гость протянул эльфу рисунок подвески с изумрудами. – И помни, десять дней.

Чужак развернулся, хлопнула дверь, и эльф остался один.

Еще не поздно отказаться, решить, что это чья-то злая шутка, попытка выдернуть его из добровольного изгнания... но что тогда, очередные попойки и драки в «Посохе Скракана», трактаты по магии и опыты с новыми заклинаниями, ежедневный плебейский труд, холода и снега Сиверии?

Ну уж нет, спасибо – за три года это надоело хуже горькой редьки.

Лучше рискнуть, испытать себя в настоящем деле, а это значит, что придется ехать в Новоград – сначала пешком до Быстрицы, затем на попутных санях до Молотовки, большого торгового поселка, где можно купить лошадь, а при удаче и что-нибудь посерьезнее вроде ковra-самолета.

Головешка не успел поинтересоваться, кто именно будет ждать его в Новограде, ему не дали времени даже сформулировать вопросы, что только начали зарождаться в глубинах сознания.

Но ничего, рано или поздно он добудет ответы.

Даже те, которые его таинственный наниматель не собирается озвучивать.

Глава 2

Громадные жвала клацнули перед самым лицом Расина, кислый едкий запах пощекотал ноздри.

Одной капли яда, коим вооружен гигантский паук, хватит, чтобы свалить с ног лошадь. Так что стоит ему коснуться тебя, и все, ты станешь еще одним иссушенным трупом, которых так много в пустынях Суслангера.

Рывок в сторону, и выпад копьём, такой стремительный, что рукоять едва не выскальзывает из пальцев.

Уродливую бурую тушу бестии покрывают твердые, как сталь, пластины, и уязвимое место есть только на боку, там, где начинается самая длинная лапа... небольшое, в ладонь величиной, и если ты не попадешь в него с первой попытки, то времени на вторую у тебя, скорее всего, не будет.

Паук издал удивленный свист, грациозно развернулся на месте, и тут ноги его подломились.

Расин выждал мгновение, а затем двинулся к поверженному монстру, обходя его по сужающейся спирали – способных на хитрость мозгов в этом огромном теле нет, зато живучести очень, очень много.

Из раны капает густая, мало похожая на кровь жидкость, но это мало что значит.

И только когда второе копьё вонзилось между похожих на черные бусины глаз, он позволил себе немножко расслабиться – получил небольшую паузу, и лучше воспользоваться ей, чтобы оглядеться и прислушаться.

Опасность в пустыне Суслангера чаще всего подкрадывается на мягких лапках, скользит бесшумно.

Вокруг тихо, плавают под беспощадным солнцем черные и бурые валуны, разбросанные по каменистой, слабо всхолмленной равнине, застыли ветви сухих кустов. Движение видно лишь над самым горизонтом, где в блеклой синеве неба кружатся черные точки – может быть, песчаные грифы, может быть вороны, а может еще кто похуже...

Нужно вытащить копьё, аккуратненько, чтобы не повредить паучьих глаз, и приступить к разделке.

Когти с длинных лап, мешочки с ядом, пластины с брюха, поросшие серо-желтой щетиной, жвала – все это ценный материал для алхимика или для занимающегося некромантией мага.

А деньги... они требуются даже здесь, на Суслангере.

Расин сделал глоток теплой вонючей воды из висевшего на поясе бурдючка. Сбросил с плеч мешок, вытащил из ножен

разделочный нож с двумя лезвиями, и принялся за дело.

Огромную тушу распластал несколькими уверенными движениями, на поднявшийся смрад не обратил внимания.

Брезгливые в этих местах живут не дольше, чем слабые или неловкие.

Он вырезал спрятанную в задней части брюха паутинную железу, похожую на лилового червяка в руку размером, когда уловил за спиной приглушенный шорох. Развернулся, припадая к земле так, чтобы брошенный в затылок нож или топор пролетел выше, и одновременно готовя копье.

Высокий и тощий незнакомец стоял на расстоянии шагов в двадцать, подняв пустые ладони.

Демонстрирует, что у него мирные намерения... ладно, это вполне может оказаться правдой. Но откуда он взялся, и как сумел подобраться так близко... еще мгновение назад рядом не было никого крупнее пустынной гадюки, что затаилась в засаде вон там, под камнями?

Подземелья в окрестной пустыне Расин знал наперечет.

Ну ладно, посмотрим... может быть, все просто, и ему не придется нести только что добытый товар на черный рынок.

– Доброго дня, – сказал незнакомец, делая шаг в сторону хадаганца.

– И тебе, – отозвался тот.

Копье из руки не выпустил – мало ли что, ведь здесь, на Суслангере встречаются разумные существа, которым для убийства не нужно ничего, кроме жеста или слова, а иногда может хватить и мысли.

– Сколь приятно встретить в этом пустынном месте столь одаренного достоинствами человека, – голос у чужака был мощный, глубокий, а сам он выглядел странно, хотя в чем эта странность, Расин понять не мог.

Узкое лицо в буграх и выступах, близко посаженные глаза, высокий и худой, точно Зэм, облачен в длинный балахон и тюрбан... ага, на руках перчатки с нашлепками на кончиках пальцев, наводящих на мысли о том, что под ними прячутся острые когти.

Хм, очень интересно...

Расин стоял и ждал продолжения – этому типу что-то нужно от него, а не наоборот, а значит, нет смысла суетиться.

– Человека, прославленного воинскими умениями, шесть лет назад отличенного самим...

– Ты ищешь смерти? – поинтересовался Расин, поднимая копье.

Здесь, в Суслангере, никто не знал его настоящего имени, не

ведал о том, чем и где жилистый охотник на пустынную живность занимался в недавнем прошлом. Незнакомец, похоже, обладал этими сведениями, а значит, представлял собой угрозу, куда более серьезную, чем тот же гигантский паук или даже обитающие в подземельях червелицы.

– Нет, помощи, – очень серьезно сказал чужак.

– Да ну? И чем же я могу тебе помочь? И кто ты такой, ради милости Незеба? – копьё Расин опустил, но зато левой рукой взялся за рукоять того ножа, что висел на поясе сзади, за спиной.

Короткий тяжелый клинок, а лезвие смазано одним малоизвестным и очень дорогим ядом – таким при некоторой удаче можно если не убить, то на какое-то время вывести из строя даже дракона.

– Достаточно того, что я знаю, кто ты такой, и способен дать тебе то, в чем нуждаешься ты, – кем бы ни был незнакомец в чалме и балахоне, он обладал склонностью к пафосным речам.

– И что же?

– Безопасность! – палец, такой длинный, словно в нем имелось пять или шесть суставов, уткнулся в пышущее зноем небо. – Возможность скрыться от тех, кто ищет тебя. Они ведь ищут, уж не сомневайся.

Расин выругался про себя – он предпочитал думать, что люди из Комитета потеряли след, или просто решили не тратить время на столь мелкую сошку, как один из сотников отряда «Молния».

Из этого подразделения, созданного некогда на аллоде Ях магом Гурлусхором, уцелел только один человек.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – сказал он, покачив головой.

Мелькнула мысль, что может быть лучше убить собеседника прямо сейчас, не откладывая дело в долгий ящик. А потом рвануть через пустыню с максимальной скоростью, чтобы добраться до ближайшего астрального порта и поискать убежища на другом аллоде.

Если Расина сумел отыскать этот тип, то найдут и ищейки из Комитета.

Но нет, обладатель близко посаженных глаз, мощного голоса, а также тюрбана с балахоном наверняка готов к подобному варианту... метательный нож летит быстро, но опытный боевой маг способен наложить заклинание еще быстрее.

– Знаешь-знаешь, – чужак тоже покачал головой, обнажились в улыбке кривые желтые зубы. – Но не страшись, ибо мне нет выгоды предавать тебя в руки недругов. Выгадать же в том случае, если ты согласишься помогать нам, я могу очень многое... уж не сомневайся.

– Что тебе нужно и что я получу за это?

– На аллоде большом, именуемом Святой Землей... – начал незнакомец с той интонацией, с какой рассказывают сказки.

Расин слушал его и думал, что тогда, пять лет назад, он мог ведь встать и на другую сторону... кое-кто сумел перебежать от Гурлусхора к Яскеру, и сейчас наслаждается жизнью на командном посту в армии Империи.

Хотя предать соратников, тех, с кем сражался и ел из одного котелка?

Нет, все же не мог...

Чужак тем временем вытащил из-под балахона карту Асээ-Тэпх с отметками – вот здесь расположена пирамида, в которую нужно проникнуть, а вот на обратной стороне нарисован предмет, что спрятан внутри и является предметом вожделений любителя пафосных речей.

Скромный на вид жезл из черного дерева, верхушка изображает пузатого человечка со злобными глазами навывкате, в каждый вставлено по крошечной жемчужинке так, что получились зрачки.

– Несомненно, что ты задаешься вопросом, почему мне понадобился ты, почему я сам не могу проникнуть внутрь... – продолжал вещать чужак, а Расин слушал, пытаясь выудить из словесного потока максимум информации, понять, с кем точно он имеет дело.

Скорее всего, к нему и в самом деле явился один из вольных некромантов, что нашли убежище в пустыне Суслангера. Но стоп, откуда тогда он узнал о прошлом охотника на пустынных тварей? Обычному колдуну, сколь угодно ловкому, такие сведения взять просто неоткуда.

Или этот тип из Комитета, а люди Рысиной решили, что бывшего бойца «Молнии», после поражения Гурлусхора получившего клеймо предателя и вынужденного скрываться под чужим именем, выгоднее использовать?

Тоже не очень похоже, в этом случае собеседник начал бы с угроз.

– Что же касается твоей платы, то, во-первых, ты получишь достаточно денег, чтобы уехать на любой из аллодов не только Империи, но и Лиги, ну а кроме того... – чужак усмехнулся, вскинул руки, будто собираясь снять с блеклого неба округлый желток солнца, – кроме того, мы изменим твою внешность так, что враги не смогут узнать тебя.

– Откуда я знаю, что ты не врешь?

– Доказательств я предъявить тебе не могу, так что ты должен мне просто верить.

– Не очень убедительно, – сказал Расин.

– Но я могу подтвердить, что мне по силам истинная трансформация живого, – и незнакомец решительно зашагал в сторону черного валуна, окруженного россыпью камней поменьше.

Нагнулся, а когда распрямылся, то в руке его бессильно извивалась пустынная гадюка, желтая, с серыми пятнами – еще более ядовитая, чем гигантский паук, и не менее опасная в силу умения хорошо прятаться.

Очертания высокой фигуры на мгновение расплылись, точно ее окунули в горячее марево. Задергалась упавшая на валун короткая тень, змеиное шипение смолкло, превратилось в кашляющий, царапающий уши звук, а тот трансформировался в мягкое посвистывание.

Змея укоротилась, свернулась в бесформенный, бьющийся в судорогах комок плоти, и через миг на ладони у чужака обнаружилась крошечная, черная с алыми пятнышками на крыльях птица.

– Милость Незеба... – пробормотал Расин.

– Ты можешь сказать, что это иллюзия, что через час-другой чары спадут, ведь так? – возгласил незнакомец. – Чтобы ты понял, насколько беспочвенно подобное обвинение, я пошлю это живое существо с тобой, и оно пройдет весь путь до Святой Земли.

– Фьююют! – сказала птица и, затрепетав крылышками, перелетела на плечо Расину.

Тот с трудом удержался от того, чтобы не стряхнуть ее – прикосновение острых коготков не было болезненным или неприятным, но сохранялось опасение, что внутри крошечного существа прячется все та же гадюка, и что обратная трансформация может произойти в любой момент.

Мало ли что мнит и рассказывает о себе этот колдун?

– Как я понимаю, у меня нет выбора, – сказал Расин.

– Почему нет? – тонкие полосы бровей поднялись к самому тюрбану. – Все не так. Если ты откажешься, я вовсе не побегу в Комитет с сообщением, что видел тебя в окрестностях пещерного поселка изгоев... но они и так уже знают, что ты где-то в этих местах, и времени у тебя на самом деле немного.

А на вопрос «откуда ты все это знаешь?» собеседник не ответит, не стоит даже и пытаться. Интересоваться «кто ты такой?» тоже смысла нет, вряд ли услышишь что-то похожее на правду.

Так что же делать?

Есть, конечно, шанс, что чужак выдумывает насчет Комитета, тогда можно смело отказаться. С другой стороны, имеется

вероятность, что он говорит правду, но честно говоря, не очень большая.

В любом случае Расин сам, без чьей-либо помощи водит преследователей за нос вот уже пять лет – он сумел уцелеть во время похода, позже названного Великим Астральным; выжил в гражданской войне, в последней, решающей битве у столицы, когда войско Гурлухора потерпело страшное поражение; смог уйти из лап врага, что охотился и до сих пор охотится за сторонниками мятежного мага.

Справится и сейчас.

– Спасибо, но нет, – сказал Расин, и поднял руку, сгоняя птичку с плеча.

Та возмущенно засвиристела, поднялась в воздух, но улетать не пожелала.

– Дело твое, – вопреки ожиданиям, незнакомец воспринял отказ равнодушно, не стал ни угрожать, ни уговаривать. – Но если передумашь, то в течение суток приходи на это самое место... ну а доказательство, – он указал на кружившее в вышине крылатое существо, – все это время побудет рядом с тобой.

Расин посмотрел, как чужак удаляется в ту сторону, где необитаемая пустыня тянется на сотни километров, до самых лагерей для новобранцев имперской армии, и когда тот скрылся из виду, вернулся к работе.

Паука нужно разделить быстро, иначе придется драться за останки с падальщиками. Замешкаешься, и у тебя на пути окажется стая гиен, явившийся на запах смерти баньши или еще кто похуже.

Закончив дело, хадаганец вытер лезвие разделочного ножа, и тут обнаружил, что крохотная черная птичка, красные пятна на крыльях которой напоминают капли крови, сидит на валуне и наблюдает за ним.

– А ты что, еще тут? – спросил он.

– Фьюють, – отозвалось «доказательство», поднимаясь в воздух.

Расин потянулся к метательному ножу, но сначала задержал, а затем убрал руку – ладно, пусть порхает, вреда от нее никакого, да и выглядит, честно говоря, симпатичнее, чем та же пустынная гадюка.

Лишь бы только не превратилась обратно.

Знаменитый черный рынок Суслангера прятался в ложбине у подножия группы бурых скал, напоминавших слегка подгнившие зубы. Именно к ним приезжали некроманты, алхимики и маги всех мастей, когда им требовалась какая-нибудь редкость из тех,

что можно добыть лишь на пустынном аллоде.

Расин добрался сюда, как обычно, ближе к закату, когда жара начинает спадать, но еще достаточно светло, чтобы обходиться без факелов.

Чужак легко бы заблудился в этом лабиринте из спрятанных под тентами столов и разномастных палаток, кривых переулков между ними, похожих друг на друга будто песчинки, вонючих тупиков, где справляли малую нужду все кому ни лень, и редких деревянных строений.

Расин окунулся в привычную для этого места толчею, не вызвав особого интереса – худощавый невысокий человек в пропыленном, обычном для этих мест одеянии, с лицом, что с помощью шейного платка спрятано от пыли и солнечного света.

Заглянул к продавцу воды, где наполнил бурдючок – после того, как завершит дела здесь, еще идти домой, а это пусть даже не в жару, но не один километр, и колодцев, а также рек с ручьями по дороге не будет.

Обогнул постоянный двор «Веселая вдова», где останавливались денежные гости, и оказался перед большой палаткой в красную и оранжевую полоску. Стоявший у входа орк в безрукавке нахмурился, на ручищах толщиной в ляжку мужчины заиграли мускулы, так что Расину пришлось открыть лицо.

– А, это ты... – проворчал орк, откидывая полог. – Заходи.

Кого попало сюда не пускали, гоблин по прозвищу Ириска вел дела только с проверенными людьми... ну и с нелюдьми тоже, если они могли оплатить его товары или принести из пустыни что-нибудь интересное.

Из палатки повеяло вином, пряностями и еще чем-то вроде духов.

Шагнув внутрь, Расин едва не уткнулся в украшенную крыльями спину высокого эльфа.

– Ха, кто это тут? – спросил тот, поворачиваясь.

– А, один из поставщиков, – отозвался Ириска, черный и маленький, точно конфета, давшая ему прозвище, и с приторно-сладкой улыбочкой, что вязла обычно в чужих зубах. – Заходи, Игш, мы уже заканчиваем...

Расин назвал себя так в честь столичного аллода Империи, едва появившись на Суслангере, и пользовался этим именем много лет, даже привык к нему.

– Итак, за все про все, – продолжил гоблин, потирая руки. – Шесть сотен ровно.

Эльф торговаться не стал – то ли знал, что это бесполезно, то ли для него эта сумма не составляла проблемы, хотя тот же Расин

на подобные деньги жил бы полгода, а то и больше.

Мешочек с приятно звякнувшими монетами перешел из рук в руки, Ириска небрежно взвесил его и радостно осклабился. Покупатель забрал с прилавка ларец из черного дерева, достаточно большой, чтобы в нем поместился взрослый кот, и неспешно удалился.

Хлопнул опустившийся полог, буркнул что-то орк-охранник.

– Ну, что принес? – спросил Ириска, лыбясь умильно-умильно, словно в гости к нему явился любимый внук.

– Ничего особенного, – сказал Расин, выкладывая на стойку заплочный мешок. – Смотри.

Гигантский паук – не самая редкая добыча, но кое-что за него можно получить.

– Неплохо-неплохо, – пробормотал гоблин. – Кое-что я продам прямо сегодня, ага... Давненько тебя видно не было... где шлялся?

Расин только плечами пожал:

– В пустыне.

– Ну да, ну да... – Ириска подмигнул – мол, все знаю про тебя. – А у нас новости...

И начал трепаться, пересказывая сплетни, до которых был большой охотник – и про заявившегося сегодня на рынок богатого эльфа из дома ди Ардер, и про то, что в борделе у Матушки Илли появились новые девочки, и про то, что в «Веселой вдове» остановился странный тип... ничего не покупает, хотя ходит и приценивается, и еще вопросы задает.

Тут Расин прислушался – не тот ли это чужак, что разговаривал с ним в пустыне?

Но из слов гоблина выходило, что незнакомец выглядит совсем иначе, что он невысок, толст, круглолиц и вовсе лишен магических способностей, по крайней мере никто из завсегдатаев рынка таких не обнаружил.

– Все хочет знать, кто и где тут живет, и часто ли у нас новые люди появляются, именно люди, ага? – рассказывал Ириска, продолжая сортировать принесенный товар. – Получается всего... двадцать пять динаров.

Расин покачал головой:

– Сорок.

У него, в отличие от того же эльфа, есть шанс выбить что-то у жадюги-гоблина... давненько не был у той же Матушки Илли, а уж если у нее появились новые девочки, то тем более стоит заглянуть, размяться.

– Тридцать... – проворчал тот, и неожиданно добавил: – И оружие у него странное. Сам не показывает, но Косой Фахрел

видел, когда тот пиво покупал, и плащ распахнулся... Арбалет, только маленький, с ладошку величиной, прямо как игрушка, ага.

– Тридцать пять... – сказал Расин, хотя в один момент ему стало не до денег и не до Матушки Илли с ее барышнями.

Подобное оружие носят люди из Комитета.

Неужели одна из ищеек добралась до этих мест и разыскивает тут именно его?

Но почему одна?

Скорее всего, у круглолицего толстячка есть напарник, вот только прибыли они по отдельности, и второй держится в тени, ведет себя более естественно и собирает сведения не столь прямыми путями.

Интересно, что они успели выяснить?

И... выходит, что тот чужак в пустыне, умеющий превращать змей в птиц, говорил правду!

– Тридцать две! – Ириска сжал кулачки, точно собрался ринуться в драку. – Ага?

– Ладно, уговорил, – Расин постарался, чтобы голос его звучал как обычно.

Поход в бордель отменяется, и вообще, нужно исчезнуть с черного рынка как можно быстрее. Вернуться в пещерный поселок, где у него припрятаны кое-какие вещи, а потом двинуться прочь... вот только куда?

Надо покинуть Суслангер, это ясно, но каким путем?

Где можно укрыться от длинных рук Комитета?

– Вот твои деньги, – сказал Ириска, отсчитав тридцать две монеты с изображением Яскера на одной стороне, и с гербом Империи на другой. – Еще что добудешь, заходи. Знаешь, где меня найти, ага.

– Вот эти две замени, – велел Расин, указывая пальцем. – Фальшивые.

– Как можно? – гoblin сделал вид, что обиделся, но динары мгновенно поменял на полновесные.

Хадаганец смел монеты в поясную сумку, кивнул и выбрался наружу.

Так, шейный платок нужно надвинуть обратно... незачем кому-либо видеть его лицо.

– Милость Незеба, – прошептал он, обнаружив, что приземистый толстяк с круглым, будто кулачный щит лицом внимательно изучает безделушки из обсидиана в лавке напротив.

И выпуклость под плащом на левом бедре сообщает внимательному взгляду, что там прячется тот арбалет, о котором упоминал Ириска – маленький, но мощный, такой, что на расстоянии в десять метров запросто пробьет сосновую доску в

палец толщиной.

Расин когда-то давно имел дело с подобным оружием.

Так, во-первых, нужно не дать посланцу Комитета понять, что он замечен и опознан, и во-вторых, обнаружить его напарника, а сделать это в толпе будет не очень легко.

Ну а потом... он знал, что делать.

Расин шлялся по рынку на первый взгляд бесцельно, останавливался у лотков, изучал товар... поторговался с мастером-оружейником, но так и не взял короткий нож из вороненого металла, выпил кружку отвратительного разбавленного пива в «Зубе пьяного дракона», постоял у входа в заведение Матушки Илли, точно раздумывая, зайти или нет.

И все это время он, не вертя при этом головой и не стреляя глазами, изучал окружающих. Толстяк волочился следом, не особенно рьяно маскируясь, но с ним все ясно, куда важнее было опознать второго... неужели вон тот орк со шрамом от удара мечом через лицо?

Больно уж приметная внешность, хотя это наверняка сделано специально.

Шрам, скорее всего, не настоящий, а если нужно замаскироваться, то его достаточно уничтожить. Люди обычно запоминают самую яркую деталь внешности, строят на ней общую картину, и если эту самую деталь убрать, то конструкция рухнет, как дом во время землетрясения.

Ну верно, он и есть, попадаетея на глаза постоянно, так еще и пялится куда не должен...

Теперь Расин мог в принципе оторваться от «хвоста», но это проблемы не решало.

Нужно сделать так, чтобы в Незебграде, не дождавшись донесений от отправленных на Суслангер агентов, начали тратить время на то, чтобы разузнать об их судьбе, а получив сведения, искать и готовить новых людей, знающих беглеца в лицо и способных его найти...

Так что вариант только один.

Трупам на черном рынке никого не удивишь, и главное, чтобы этим трупом не стал он сам.

Да, похоже, что вернуться в поселок, где прожил несколько лет, ему не суждено – там может ждать засада, ну а кроме того нужно как можно быстрее покинуть Суслангер, и почему бы для этого не воспользоваться предложением разговорчивого чужака из пустыни?

– Фьюить! – чирикнули над самой головой, и Расин обнаружил, что «доказательство» тут как тут, кружит над ним.

А значит, хватит раздумывать, пора действовать.

Он свернул в очередной переулок, и тут же шагнул вбок, в палатку, где раньше торговал беглый каниец Симон Змеиная Кожа, но последние два месяца стоявшую пустой. Вытащил нож, и затаился в сумраке, вслушиваясь в доносившиеся из-за парусиновой стенки звуки, стараясь выделить шаги преследователя.

Солнце зашло, мрак понемногу сгущался, кое-где зажигали факелы, кое-где, но не здесь, рядом с притоном Ползуна, где торгуют дурманящими грибами-симбионтами и дарующим сладкие грезы дымом...

Расин не зря выбрал это место.

Он начал двигаться за мгновение до того, как толстяк появился в поле зрения, атаковал, ориентируясь на шаги и дыхание человека из Комитета. Тот успел лишь удивленно всхрипнуть, когда острое лезвие вонзилось в шею, замолотил руками, но через миг те бессильно обвисли.

Расин затащил труп в палатку, аккуратно уложил наземь.

Неплохо бы обыскать тело, но на это нет времени.

– Э? – сказал орк со шрамом на физиономии, обнаружив, что человек, которого им поручили найти, идет навстречу.

Он оказался необычайно шустрым для своих габаритов, и успел даже схватиться за оружие. Вот только метательный нож, чье лезвие маслянисто блеснуло в свете звезд, вонзился здоровенному нелюду в глазницу, и крохотный арбалет вывалился из разжавшейся ладони.

У этой смерти оказались свидетели – кто-то кинулся прочь с изумленным писком.

Но Расина это мало заботило – его самого в темноте опознать не могли, а искать убийцу чужака никто не будет, труп обыщут, заберут все ценное, а орка уволокут в ров по ту сторону скал, где им сегодня же ночью поужинают гиены.

Он вытащил метательный нож, отбросил лезвие и зашагал прочь.

Трепетание крылышек над головой извещало, что крохотная птичка с алыми пятнами на крыльях по-прежнему тут.

Осталось найти во мраке дорогу к тому месту, где он сегодня убил паука, и при этом не нарваться ни на одну из обитающих в пустыне тварей, что так падки до человеческой плоти.

Но ничего, обошлось, за проведенное в пути время Расин не встретил никого.

До места добрался примерно к полуночи.

Любители мертвечины не только уничтожили останки ядовитой твари, но и сами убрались подальше. Однако характерных очертаний валун остался на том же месте, как и поросль колючих кустов на склоне холма.

Вот только где чужак в чалме и балахоне?

Темная фигура, бесшумно поднявшаяся над камнями, показалась в свете звезд нечеловечески уродливой, но голос прозвучал знакомый, мощный и зычный, как у священника Триединой церкви:

– Как я понимаю, ты согласен?

Глава 3

Новоград всего за три года разительно изменился.

Это Головешка понял, едва поднявшись на склон холма, откуда открывался вид на город. Не удержался, изумленно хмыкнул, и даже натянул поводья, останавливая могучего скакуна, белого, точно вылизанная языком времени кость.

Стены остались теми же самыми, разве что на башнях появилось нечто новое – каждую увенчал острый, указывающий в небо кристалл высотой в человеческий рост. Наверняка, какая-нибудь штуковина, способная обнаружить возмущение астрала и появление демонов.

После гибели старой столицы канийцы стали очень внимательны к таким вещам...

Зато в западной части города, где раньше был пустырь, поднялись купола и башни нового собора. Количество верфей, где строятся астральные корабли, вроде бы даже увеличилось, зато лес, располагавшийся к востоку от тракта, исчез, остались только пеньки.

Да, и судя по тому, что Головешка целый день обгонял вереницы возов, нагруженных аккуратными бревнами и тесаным камнем, строительство в Новограде активно продолжается.

В паре мест торчали остовы высоких зданий, завернутых в сетчатый кокон строительных лесов.

– Дорогу! Дорогу! – донеслось сзади, и Головешка неспешно съехал к обочине.

Послышался раздраженный клекот, и мимо промчалась группа эльфов на грифонах – впереди глашатай, по сторонам и сзади охранники с оружием наготове, а посередине тот, кого они оберегают.

Длинные волосы выются на ветру, надменное лицо, белоснежные крылья.

Головешка ощутил укол зависти, захотелось догнать этого типа, сбросить с седла в грязь, да еще и потоптаться сверху.

– Провалиться тебе в астрал! – пожелал он.

Сам путешествовал, натянув на голову капюшон дорожного плаща, чтобы никто не заподозрил, что одинокий странник имеет отношение к древнейшему из народов Сарнаута...

Скакуна купил, как и предполагал, в Молотовке, и двинулся по широкому, наезженному тракту, что ведет через Сиверию и Светолесье к столице Кании и всей Лиги. На дорогу потратил девять дней, еще один извел на то, чтобы хорошенько припрятать оставленные в доме книги, магические инструменты и прочие

ценности, за которыми планировал вернуться позже.

Срок в десять суток, установленный нанимателем, истекает сегодня.

Но ничего, не опоздал, несмотря на зимние дороги, морозы и метели, а также мелкие путевые неприятности. Слава предкам, оружие или магию в ход не пустил ни разу, не встретил ни бродячих умертвий, поднятых неумелым некромантом, ни мятежных наемников, ни обыкновенных разбойников.

Даже как-то скучно.

– Ладно, поехали, – сказал Головешка, и тряхнул поводья.

Белый скакун отзывался на кличку Валун, и это имя вполне соответствовало характеру – животное отличалось на удивление мирным и спокойным нравом, ничто не могло вывести его из себя.

Они спустились с холма, и тут пришлось обгонять новый обоз.

Судя по тому, что груз был тщательно укрыт от посторонних глаз, по вооруженным возчикам и многочисленной охране, везли что-то ценное – может быть, золото, может адамантин для особо прочных доспехов или метеорит, без которого не отойдет от суши ни один астральный корабль.

Когда Головешка подъехал к воротам, там шел жаркий спор между громадным мужиком в бобровой шубе и краснорожим десятником, что командовал башенным дозором: из рук в руки переходила бумага, украшенная красными печатями, летела слюна, изо ртов спорщиков вырывался пар.

Эльф надеялся проскользнуть незаметно, но не тут-то было.

– Наливайко! – гаркнул краснорожий, вроде бы даже не повернувший головы, и наперерез всаднику двинулся один из стражников: широкоплечий, хоть и сутулый, в блестящей кольчуге и остроконечном шлеме.

– Кто таков будешь, добрый человек? – спросил он голосом тонким и противным. – Ведомо ли тебе, что нужно заплатить пошлину, прежде чем будешь ты допущен в город? За себя и за скакуна своего... а кроме того, должны мы убедиться, что не принадлежишь ты к числу ведомых нам злодеев, что умышляют против Кании и Лиги...

Ясно, придется открыть лицо.

Головешка поморщился и откинул капюшон.

Физиономия стражника вытянулась, челюсть отвисла чуть не до пупка, а вот рот брезгливо искривился.

– Трахни меня тролль... – пробормотал он. – Это... это... как?!

Золотые эльфийские глаза не подделаешь, но при этом

никакого следа крыльев за спиной, да и сам обладатель этих глаз не выглядит холеным красавцем... если честно, то этой образиной можно пугать детей.

Головешка не раз видел такую вот смесь изумления и гадливости на чужих лицах.

– Так и будешь пялиться или деньги возьмешь? – спросил он, накидывая капюшон обратно.

– Ы... да, – сказал стражник, протягивая широкую, точно лопата, ладонь. – Четыре. Три за себя, один за лошадь. И напоминаю, что в Новограде обнажать оружие запрещено.

Головешка кивнул, вытряхнул из кошелька четыре монеты.

Проплыл над головой свод прохода, устроенного в надвратной башне, распахнулась забитая торговцами площадь по другую ее сторону. Всадника тут же ухватили за сапог, предлагая отведать горячего сбитня, остановиться у сестрицы Велены и купить отличный новый меч, а наглому воришке, что попытался залезть в седельные сумки, пришлось дать по рукам.

Выбравшись из толпы, эльф завертел головой, пытаясь вспомнить устройство города – не был тут давно, чуть ли не семь лет; когда ехал в добровольное изгнание, в столицу не заглядывал.

Так, «Канийская доблесть» расположена на Кожевенной улице, что рядом с рынком.

– А это значит, что мне туда, – пробурчал Головешка, разворачивая Валуна.

Постоялый двор обнаружился там, где эльф и думал, разве что оказался несколько больше, чем подсказывали воспоминания – может быть, перепутал что-то, а возможно, «Канийскую доблесть» перестроили и расширили.

Прежде чем въехать на широкий двор, он на мгновение задержался.

За проведенное в пути время не раз спрашивал себя, что за спутники ждут его в Новограде. Раз за разом прокручивал в памяти разговор с таинственным чужаком, что заявился к нему домой, пытался уловить нюансы, которые упустил во время беседы.

Но ничего интересного так и не надумал.

Остается надеяться, что Головешку и вправду узнают, и что ему для этого не придется открывать физиономию.

– Добрый господин желает остановиться у нас? Надолго? – спросил мальчишка, подскочивший к эльфу, едва тот остановился у крыльца. – Могу позаботиться о лошадке, если пожелаете, и овса ей насыплю, и вычищу, и в теплое стойло поставлю, и воды ключевой налью, я...

– Позабойсьа, – сказыа Голувешка, затыкая эаа фантан красноречия мелкой монеткой. – Одну ночь я у вас проведу навярняка, а даальше... кто знает? Понимаешь?

– Конечно, добрый господин, – закивал мальчишка и потянул за повод, увояа Валуна за собой.

А эльф, отряхнув сапоги от налипшего снега, поднялся на высокое крыльцо. Скрипнула дверь, и он окунулся в запахи жареного мяса и горелого лука, прелой соломы и пропотевшей одежды.

– Ой, простите, господин! – воскликнула дебелая служанка, едва не налетевшая на Голувешку. – Проходите вот сюда... свободное местечко как для вас осталось, у окошка.

Народу внутри было точно в храме на праздник – в основном люди из зажиточных горожан, но попадались и гибберлинги, сидевшие, как обычно, большими и очень шумными компаниями.

На нового гостя вроде бы никто даже не глянул.

Голувешка прошел туда, куда ему указали, бухнул седельные сумки на соседний табурет.

– Вина, – попросил он. – Самого простого, какое есть. И пожрать чего-нибудь...

Служанка вильнула похожей на две подушки задницей и умчалась в сторону кухни. Эльф остался сидеть, не снимая капюшона и осторожно разглядывая гостей постоялого двора.

Могучий храмовник, один из свяаого воинства, грызет свиную ногу так, что огрызки летят в стороны... орава мелких пушистых гибберлингов, от щебета и смеха которых звенит в ушах... несколько мастеровых с подпалинами на одежде, едят торопливо, прихлебывают пиво... купчина, такой жирный, что с трудом умещается на двух стульях, взгляд сальный, на толстых пальцах посверкивают перстни с драгоценными камушками...

И кто здесь те самые спутники, что пригодятся в походе на Асээ-Тэпх?

– Ваше вино, – сказала служанка, наклоняясь над столом так, чтобы Голувешка мог заглянуть в вырез ее платья, где колыхались розовые груди. – Я принесла рыбы и хлеба, если желаете чего-то еще, то придется немного подождать, наши повара очень заняты...

– Не желаю, – сказал эльф, и она упорхнула к соседнему столу, где веселившиеся гибберлинги чуть не стояли друг у друга на голове.

Раньше, когда Голувешка еще носил другое, нормальное имя, эти существа, слегка похожие на белых прямоходящих котов, были ему безразличны, сейчас же вызывали отвращение. Может быть потому, что они могли себе позволить беззаботно орать и

скакать, не думая о том, как выглядят в глазах окружающих?

Ладно, в конце концов, ему сказано, что спутники должны сами его найти, так что нечего напрягаться!

– Провались все в астрал, – буркнул Головешка, и принялся за вино.

Мерзкое, конечно, но в той же Сиверии пивал вещи и похуже.

Расположившийся на возвышении у очага бард из канийцев ударил по струнам лютни.

– И плыли без волн и без ветра они, без света и тьмы отмеряя все дни! – затянул он.

Ну так и есть, песня о том самом походе в астрал, во время которого Головешка стал тем, кем стал.

Интересно, сколько этот уродливый козел с лютней попросит денег, чтобы заткнуться? Замолчать на весь вечер, или по крайней мере не вспоминать о том, что почти все именовали «подвигом»?

Можно сказать, что все, кроме одного бывшего эльфа.

Головешка отодвинул тарелку с недоеденной рыбой и мрачно огляделся.

Никто не спешил опознавать его, не подкатывал с предложением выпить за знакомство... Может быть, у него есть время развлечься, а то уже десять дней как толком не напивался и не веселился?

В этот момент дверь открылась, внутрь шагнули трое мужчин: куртки из кожи, что обычно носят наемники средней руки или стражники, обветренные суровые лица, на поясе у каждого нож и меч.

Служанка подскочила к ним, спросила что-то, а затем повела новых гостей к тому столу, за которым сидел Головешка.

– Ох, господин, простите нас, – затараторила она, всплескивая полными руками. – Все столы заняты, и...

– Пусть проваливаются, – сказал эльф.

– Что? – девушка растерянно заморгала.

– Я не хочу, чтобы эти уроды сидели со мной, – раздельно проговорил Головешка. – Понимаешь? Пусть поищут себе место среди тех псов, что дерутся за кости под столами.

– Ты сумасшедший? – спросил самый высокий из троих, блондин с холодными голубыми глазами.

– А какая разница? – пожал широкими плечами второй, рыжий, как пламя костра. – Выкинем его, и вся недолга.

Третий не стал тратить время на слова, он просто ударил Головешку в ухо.

Если бы эльф не ждал именно такой атаки, его бы снесло со стула и шарахнуло о стену. А так он пригнулся, так что кулак лишь зацепил капюшон, и врезал в ответ, целясь противнику в

живот.

Попал, и один из обладателей кожаных курток согнулся, утробно кашляя.

Рыжий и голубоглазый двинулись вперед, но Головешка уже вскочил на столешницу. Пнул в голову того, что подходил справа, но промахнулся, только задел светлые волосы, с трудом удержал равновесие.

А в следующий момент его так дернули за лодыжку, что земля вылетела из-под ног эльфа. Перед глазами мелькнул потолок, и он спиной хрястнулся о стол. На пол полетели осколки кувшина.

– Ну все, ты труп! – рявкнул, судя по голосу, рыжий, и тут же тон его изменился: – Кто это?..

Головешка сообразил, что в пылу драки с него слетел капюшон.

От удара голова зазвенела, точно пустой котел, по которому врезали поварешкой. Попытался перекатиться вбок, но его держали крепко, и от нового тычка хрустнули ребра, боль отдалась в спину.

– Во имя Тайны Воскрешения, остановитесь! – рявкнул кто-то так мощно, что под потолком колыхнулось тележное колесо, усаженное свечными огарками. – Немедленно!

– Да кто ты такой?.. – начал было голубоглазый, разворачиваясь. – Да ты...

– Это заблудшее дитя Света находится под моей опекой! – прогремывали совсем рядом, так что башка Головешки зазвенела вновь.

Решив проморгаться, тот обнаружил, что глаза заливают непонятно откуда взявшаяся кровь. Сумев поднять руку и вытереть лицо, увидел, что раскатыстый бас принадлежит тому самому могучему храмовнику, что отважно сражался со свиной ногой.

Величественный и грозный в своей рясе, с пылающими глазами и воинственно торчащей бородой, он вздымал над головой символ веры в жертву Тенсеса – вырезанную из дерева свечу, символическое изображение «искры», истинной сущности любого разумного существа.

И кончик ее светился белым огнем.

В «Канийской доблести» царила тишина, посетители хлопали глазами, наслаждаясь бесплатным развлечением.

– Я повторяю! – взревел служитель церкви. – Это дитя Света под моей опекой! Повелеваю вам оставить его в покое, иначе рискуете вы тем, что я вынужден буду обратить против вас всю мощь той силы, что дарована мне вышней силой...

– Потихе, дядя, – сказал Головешка. – У меня от твоих

воплей голова болит.

– А ты заткнись, исчадие! – рыкнул храмовник.

– Ладно, пошли, парни, – сказал рыжий, бросив на эльфа полный ненависти взгляд. – Встретимся если еще, вот тогда...

– Как пошли? – выдавил тот, которому досталось в живот. – Да я его!

– Уходим, – голубоглазый ухватил товарища за плечи, фактически потащил к двери. – Поужинаем в другом месте.

Храмовник опустил свечу, протянул руку и с такой легкостью сдернул Головешку со стола, будто тот вообще ничего не весил. Эльф покачулся, но устоял, на пол шлепнулось блюдо с раздавленными в лепешку остатками жареной рыбы.

– Он за все заплатит, и за беспокойство тоже, – пообещал служитель церкви, обращаясь к служанке, что стояла, открыв рот и выпучив глаза, и к тощему мужику в фартуке, что выскочил из ведущей на кухню двери. – Но сначала мы с ним побеседуем! По душам!

Головешка хотел было намекнуть храмовнику, что тот много берет на себя, но ему не дали шанса даже открыть рот. Могучая пятерня вцепилась в рукав и поволокла за собой – в дальний конец зала, туда, где пряталась лестница, ведущая на второй этаж, к комнатам для постояльцев.

Под ногами закрипели ступеньки, гроыхнули одна за другой две двери, и они очутились в просторной, но скудно обставленной комнате – два больших сундука, две кровати, колченогий стол, три табуретки, бадья для умывания, а на стене дешевая икона с изображением изможденного старика в рясе, державшего в ладонях крошечный шарик света.

Похоже, это был Великий Маг Тенсес.

– Меня зовут Велигор, – мрачно сказал храмовник, усаживаясь на одну из кроватей. – Твое имя мне неизвестно, но я знаю, что ты тот, кто должен отправиться со мной на Святую Землю.

– Вот это ничего себе... – протянул Головешка.

Меньше всего ожидал, что одним из спутников окажется воинственный святоша, принадлежащий к церкви Света.

– И думается мне, что ты не из тех эльфов, что приняли истинную веру, – продолжил храмовник. – Как можешь ты жить, зная, что Тенсес, да святится имя его, принес себя в жертву ради всего живущего, и тем самым обрек себя на мучения истинные, нескончаемые? Как можешь ты дышать, не испытывая угрызений совести, что подобна...

– Вот только проповедей не надо, – буркнул Головешка. – Ты не в храме, приятель.

Велигор засопел, сжал кулаки, вполне достойные орка.

– Хоть бы спасибо сказал, что я тебя выручил! – рявкнул он.

– А я тебя о помощи не просил! – огрызнулся эльф.

– Ах так? – храмовник поднялся, борода его воинственно встопорщилась. – Пусть сие и не будет достойно истинного отпрыска Света, я сейчас отделаю тебя, исчадие, так, что ты собственного имени не вспомнишь...

– А ну попробуй! – Головешка тоже вскочил. – Спаситель хренов!

Как ни странно, оба услышали, что распахнулась вроде бы закрытая дверь, и одновременно повернули головы.

– Это еще что? – пробормотал эльф, когда в комнату один за другим протиснулись три гибберлинга.

Один, покрупнее, с черными подпалинами в белом меху, вроде бы был женщиной, которая выглядела весьма решительно. Двое других носили кинжалы, что для представителей низкорослого народца сходили за мечи, один мог похвастаться шрамом на груди, второй – потерянным где-то ухом.

– Не смейте сражаться друг с другом! – заявила гибберлингша, бесстрашно шагая вперед. – Ибо Нити ваши соплетены друг с другом, а также с нашими, и причиняя вред другому, вы наносите его себе же!

– Ага! – подтвердил тот ее сородич, что обходился без уха. – Ульфа дело говорит!

Третий просто засопел и закивал так истово, что мохнатая голова не отвалилась только чудом.

– Это что, провалиться мне в астрал? – пробормотал Головешка. – Еще и вы?

Отправиться на Святую Землю, в край вечной войны, напичканный опасностями, будто медведь клещами, в компании полоумного святоши и троицы гибберлингов, которые, как известно, все не в себе?

Ну, нет, это точно чья-то злая шутка. Гость, посетивший дом эльфа-отшельника десять дней назад, сейчас должен помирать со смеху.

– Всякое существо, искрой наделенное, равно дорого и ценно перед ликом Тенсеса, – заявил Велигор.

– Так вот пусть Тенсес с ними в Асээ-Тэпх и отправляется! – буркнул Головешка.

– Тише, – сказала гибберлингша, которую, похоже, звали Ульфой. – У стен есть уши. Стоит наш разговор услышать тому, кому не положено, и мы рискуем влипнуть в крупные неприятности. Истинно.

Откуда она это знает, можно было не спрашивать. Все

гибберлинги в той или иной степени обладали даром предсказания будущего. Но эта троица, судя по их виду и ощущениям Головешки, могла заглядывать в грядущее с такой же легкостью, с какой обычный человек проверяет содержимое собственных карманов.

– Значит, мне от вас не отделаться, – пробормотал он, даже не пытаясь убрать неприязнь из голоса. – Интересно, что такого вам пообещал тот тип? А тебе, сын Света? – И перевел взгляд на Велигора.

– Ну... – тот неожиданно покраснел. – Укрепление истинной веры позволяет... Многое разрешено ради того, чтобы обрести частицы святой плоти...

Ясно – храмовникам посулили добыть мощи Тенсеса.

Ну что можно пообещать гибберлингам?

– Я не буду отвечать на твой вопрос, горелый эльф, – твердо проговорила Ульфа. – Зато и не стану ни о чем спрашивать тебя. Моих братьев по ростку зовут Свен и Тронд.

– Я Свен, – подтвердил одноухий, названный в честь героя легенды об открытии способа путешествовать через астрал.

Третий гибберлинг, до сих пор не произнесший ни слова, опять промолчал.

– Ну хорошо, ладно, – сказал Головешка, понимая, что деваться некуда, остается только смириться с судьбой. – Отлично, теперь мы с вами спутники, соратники и все такое... Нужно собраться, обсудить, что нам известно о цели путешествия, и что делать дальше... Понимаете? Только давайте сделаем это завтра утром, и ночевать в одной комнате с вами я не намерен.

И эльф решительно направился к двери.

Если кто и имел мысль оспорить такой план действий, то благоразумно оставил возражения при себе.

Ранним утром «Канийская доблесть» выглядела куда менее оживленной, чем в вечернее время. Помимо хозяина, того самого тощего мужика в фартуке, что вчера наблюдал за дракой, в зале находились только они пятеро, причем гибберлинги втроем могли сойти за одного.

– ...так по воле Света, взыскав духовного ратовища, я тут и оказался, – закончив рассказ, Велигор облегченно вздохнул и сделал добрый глоток из деревянной кружки, где плескалось молоко.

Головешка хмыкнул и почесал в затылке.

– Негусто, – сказал он. – Никто не знает, кто наш наниматель, даже догадок нет.

Проезжая через Быстрицу, он поспрашивал на постоялом

дворе, но там никого похожего не видели, и ни один из местных с белоруким чародеем знаком не был, даже не слышал никогда.

Ульфа досадливо покрутила головой, ее братья стыдливо потупились, а Тронд даже стукнул кулачком по столу.

Все трое являлись сильными провидцами, но в отношении человека, нашедшего их в астральном порту Ингоса, дар оказался бессилён. Как сказала Ульфа, пытаясь описать свои ощущения в момент встречи с нанимателем – «словно там, где положено быть его Нити, в Полотне Мира нет ничего, и это ничего отбрасывает тень на соседние Нити, и это мешает видеть. Ужасно».

Но он обещал что-то достаточно значимое, и гибберлинги согласились.

Велигору незнакомец в скрывающем лицо капюшоне предложил кусочек нетленной плоти Тенсеса – фалангу мизинца, неведомым образом уцелевшую после того, как сам величайший чародей Сарнаута погиб во время попытки закрыть врата, ведущие в мир демонов. И даже показал мощи, чтобы храмовник, наделенный даром святой магии, мог понять, что перед ним не подделка.

С Головешкой все было ясно без слов, стоило лишь взглянуть на его лицо.

Все трое получили одно и то же задание, карту Асээ-Тэпх с отмеченной на ней пирамидой Зэм, где непонятно как оказалась подвеска, изготовленная одним из ювелиров ди Дазирэ. Храмовнику кроме того описали внешность спутников, и велели ждать их в «Канийской доблести» в назначенный день.

И ни эльф, ни гибберлинги, ни каниец не сумели понять, с кем имели дело.

Вполне возможно, догадка насчет того, что это один из Великих Магов, имела под собой основания.

– Ну ладно, – сказал Головешка. – Делать нечего, соратники и спутники... Совершенно уверен, что я не особенно вам нравлюсь, ну и сам должен заявить, что вы у меня тоже симпатии не вызываете.

Гибберлинги на подобное заявление не отреагировали, Велигор сердито засопел.

– Но предстоит нам друг друга как-то терпеть, – продолжил эльф, а про себя добавил: «И достаточно долго».

Судя по инструкциям, полученным Ульфой, доставить находку следует сюда же, в «Канийскую доблесть». Путешествие до Святой Земли и обратно займет не один день, да и на месте придется повозиться, для начала отыскать пирамиду, затем проникнуть в нее...

Вряд ли это дело пройдет так легко.

– Нет ли у вас своего корабля? – спросил Велигор, обращаясь к гибберлингам.

Все трое покачали головами.

– Нет, и это главная причина, по которой мы согласились пойти на эту авантюру, – заявила Ульфа. – Астральное судно, построенное еще нашим отцом, погибло во время экспедиции на Кольцо Дракона, и мы остались ни с чем... но у нас есть задаток. Немало.

Тронд почесал шрам на груди.

– И у меня имеются деньги, – сообщил Велигор. – Милостью Света не бедствуюем.

– Значит нам пора в порт, – и Головешка поднялся из-за стола.

– Пора, но я не очень понимаю, с чего это ты принялся командовать? – храмовник выпятил грудь. – Меня назначили главным, клянусь Тайной Воскрешения, и именно я должен вас собрать и вести к успеху!

– Вести куда? – Ульфа смерила Велигора взглядом. – Разве что в пропасть.

– Ага, – как обычно поддержал сестру Свен.

– Вы оба не видите дальше собственного носа, хотя мните себя могущественными. Слепцы!

Головешка испытал сильное желание припечатать наглуую карлицу заклинанием – наложить на нее, скажем, проклятие Виндавала, чтобы плоть начала медленно слезать с костей, или поразить ее слабоумием на пару часов. Попускает слюни, забудет, как зовут ее саму и братьев, и станет сговорчивее. Ясно, что он единственный, кто достоин быть командиром – он эльф и маг, а значит, знает и умеет больше прочих!

– Ох, милость света... – Велигор, судя по сжатым кулакам и побагровевшему лицу, боролся с искушением придушить всех трех гибберлингов разом. – Да ты... да я тебя... Потом покаюсь, но ныне...

– Тихо, не буянь, – Головешка сел обратно. – Этот вопрос нужно решить сейчас.

Силой тут ничего не добьешься, при некоторой удаче он сможет с помощью чар подчинить остальных, но что потом?

– Кто из вас командовал хотя бы десятком воинов на поле боя? – продолжил эльф. – Был на Святой Земле?

– Ну, нет... – признался Велигор, и дернул себя за бороду.

Ульфа не ответила, казавшиеся слепыми глаза ее смотрели в сторону, уши судорожно подергивались, а с угла приоткрытого рта вниз тянулась ниточка липкой слюны.

– Это еще что? – изумился Головешка.

– Она в трансе, – торжественным голосом сообщил Свен. – Прозревает будущее!

Его брат кивнул.

Руки, скорее даже лапки обоих, хрупкие и слабые на вид, лежали на рукоятках кинжалов – гибберлинги были готовы защищать сестру, временно оказавшуюся неспособной постоять за себя.

– А-а-а-ах-х-х... – не произнесла, а скорее выдохнула Ульфа, и взгляд ее стал осмысленным. – Мир слишком прост, чтобы отразить сложность истинного Полотна. Командуй.

Последняя фраза была обращена к Головешке.

– Почему он? – возмутился Велигор.

– Он способен увести нас дальше, чем ты или я, – отрезала провидица. – Истинно.

– И стоило огород городить, – пробормотал очень довольный таким исходом эльф. – Пошли в порт.

На улице шел снег, крупные хлопья сыпались с серого, похожего на дерюгу неба. Головешка шагал по запруженным народом улицам, ежился от порывов ледяного ветра и думал о том, что скоро они будут мечтать о прохладе в знойных джунглях Асээ-Тэпх, где зимы не бывает никогда.

Астральный порт находился на краю города и на краю всего аллода, там, где твердь заканчивалась, и за обычным небом прятался астрал, колеблющееся, меняющее цвет марево, иногда прозрачное, в другие моменты густое, будто сметана, но всегда опасное, алчное и бездонное.

Головешке, откровенно говоря, даже смотреть на него не хотелось.

Не только насмотрелся шесть лет назад, но еще и прочувствовал на собственной шкуре, что это такое.

Корабли стояли на уложенных под наклон, смазанных жиром полозьях, удерживали их на месте толстые канаты – развяжи пару узлов, судно скользнет вперед, и повиснет в пустоте за краем обжитого пространства. Маленькие и юркие для скоростных переходов через астрал, для перевозки быстро портящихся грузов и спешащих пассажиров, огромные и пузатые «купцы», военные, чьи борта щетинились пушками.

По сходням спускались и поднимались грузчики, волокли мешки, бочонки и ящики, слышалась брань и скрип досок, запах свежего дерева мешался с ароматом смолы и гнилым смрадом.

– Нас пятеро, – сказал Головешка, когда они достигли крайнего из кораблей. – Нужны три каюты... еще мой конь.

– И Пожиратель Грехов, – добавил Велигор.

– Это еще кто? – удивился эльф.

– Мой лев, – буркнул храмовник. – И оставить его я не могу, ибо он как брат мне. Истинно говорю сие, а не ради корысти человеческой, не ради корысти пребывания в обыденном благоугодии...

Тут он запутался в высокопарных словесах и замолчал.

– Значит три каюты и место для двух ездовых животных, – подвел итог Головешка. – До Святой Земли.

Не дешево, но денег должно хватить.

– Эй, парень! – окликнул эльф пробежавшего мимо мальчишку в округлой шапке, в каких обычно ходят матросы, и в руке его блеснула украшенная гербом Кании монета. – Понимаешь меня?

– Еще как! – мальчишка остановился, точно вкопанный, глаза его алчно блеснули. – Что надо?

– Кто сегодня или завтра отходит к Святой Земле и может взять пассажиров?

Мальчишка задумался лишь на мгновение, а затем выпалил:

– «Огненная лилия», «Победитель демонов» и «Три короны», все к вечеру отчалят. Зуб даю, не вру.

– Держи, – Головешка бросил монету, и та мгновенно исчезла в грязной мозолистой ладошке.

– Ты ему веришь? – спросил Велигор, когда мальчишка умчался прочь.

Эльф пожал плечами:

– Почему нет?

Но тут в разговор вмешался Тронд, до сего момента ни разу не открывший рта:

– За нами следят.

Настала очередь Головешки удивляться:

– Что? С чего ты взял?

– Такие вещи наш брат чувствует очень хорошо, – сказала Ульфа. – Касание к Нити. Даже к Нитям, сплетенным воедино.

– А может сказать, кто именно? – эльф огляделся.

Народу вокруг полно, все орут, бегают, и соглядатаю укрыться в подобной толчее проще простого.

– Нет, – Ульфа покачала головой, и то же самое проделал молчаливый гибберлинг. – Невозможно.

С одной стороны, вполне вероятно, что за ними приглядывает наниматель – чтобы быть уверенным, что собравшаяся в «Канийской доблести» компания делает то, что нужно. Но с другой, может быть, у него есть конкуренты, вовсе не желающие того, чтобы тип с белыми руками добился успеха.

И если так, то слежкой дело не ограничится.

– Ладно, поглядывайте по сторонам, – сказал Головешка, и они пошли дальше.

Если бы была возможность пустить в ход чары, то же ясновидение, он бы запросто раскрыл соглядатая, но здесь, в толпе, в столице Лиги, на глазах у многих сотен людей и не только людей... пожалуй, что не стоит привлекать к себе внимание подобным образом.

Первым им на глаза попался корабль с тремя золотыми коронами на черном борту. Головешка собрался заговорить со стоящим у трапа матросом, когда вновь неожиданно вмешался Тронд.

– Нет, – сказал он.

– Что на этот раз, какое исчадие потревожило твой покой? – поинтересовался Велигор.

– Над ним тень смерти, – сообщил молчаливый гибберлинг.

– Нить этого корабля и всех, кто на нем, может оборваться в ближайшем будущем, – расшифровала его слова Ульфа. – Отправляться на нем в плавание – большой риск. Истинно.

– Слава предкам, что у нас есть с собой карманный прорицатель, да и не один, – проговорил Головешка, не скрывая иронии.

«Победитель демонов» стоял по соседству, и тут Тронд ничего не сказал, даже когда эльф покосился в его сторону. Но переговоры закончились быстро, когда выяснилось, что животных на борт здесь взять не могут.

Осталась «Огненная лилия», украшенная изображением громадного пламенеющего цветка.

– Быстрый, зато небольшой, – протянул Велигор, мрачно дергая себя за бороду. – Как бы и тут нас не завернули, клянусь Тайной Воскрешения...

И забормотал себе под нос нечто похожее на молитву.

Капитан «Огненной лилии» оказался дороден, точно супоросая свинья, но на камзоле его красовался герб одного из знатных канийских родов, имеющего обширные владения в Темноводье – черный олень с золотыми рогами.

– Взять вас с собой? – спросил он, выслушав Головешку. – Три каюты и два стойла? Сколько платите?

– Для тебя должно быть честью помочь странникам, взыскующим духовной цели! – влез храмовник.

– Духовной? – капитан брезгливо оттопырил нижнюю губу и разразился дребезжащим смехом. – Тебя только в плуг запрягать, эти трое явно выпить не дураки, ну а длинный вовсе не зря морду под капюшоном прячет... а если я стражу позову, что будет?

– Ничего, – ответил Головешка, пожав плечами. – А что насчет платы...

И он назвал сумму.

Капитан, убедившийся, что угроза действия не возымела, закричал и принялся торговаться. На то, чтобы слегка умерить его алчность, ушло чуть ли не полчаса, и эльф за это время слегка взопрел.

– По рукам, – наконец сказал толстяк. – Третью сейчас, остальное – по прибытии. Отправляемся на закате, опоздавших не ждем.

Монеты капитан пересчитывал тщательно, плямкая губами, и только осознав, что его не надули, позволил себе улыбнуться.

– Вот что значит для детей Света вовремя обратить свой дух к искренней молитве! – пылко сообщил Велигор, когда они покинули борт корабля и зашагали в сторону «Канийской доблести».

Головешка не был уверен, что дело тут именно в молитве, но спорить не стал.

Глава 4

Солнце поднималось над пустыней медленно, расправляло над горизонтом крылья оранжевого пламени.

Расин встретил рассвет на ногах, позади остался ночной переход, запомнившийся разве что холодом, необычайным даже для славящегося ночными морозами Суслангера. Колодец, где планировал пополнить запасы воды, нашел легко, и за право им воспользоваться даже не пришлось сражаться.

Но до сего момента он шел по местам знакомым, где постоянно охотился.

Дальше будет сложнее – вон за той грядой скал начинаются земли, где Расин не бывал.

Когда только прибыл на пустынный аллод несколько лет назад, проследовал несколько восточнее, и двигался тогда не один, а в качестве одного из охранников большого каравана. Сейчас решил срезать, пройти через необитаемую пустыню, чтобы уж точно не попасться никому на глаза.

Кто знает, вдруг эти глаза принадлежат тому, кто работает на Комитет?

– Ладно, привал, – сказал Расин сам себе.

В скалах можно найти убежище от солнца, еще не вылезшего целиком, а уже невыносимо жгучего. Переждать часок, дать отдых ногам, и двинуться дальше – примерно до полудня, когда воцарится настоящее пекло.

А ведь сейчас конец зимы... что ждет Суслангер летом?

На привале Расин ухитрился даже поспать, впол-уха, чтобы мгновенно вскочить при намеке на опасность. Когда снова пустился в дорогу, поднялся ветер, несущий мелкий, секущий кожу песок, так что пришлось надвинуть платок на лицо.

Скалы, в тени которых отдыхал, остались позади и вскоре совсем исчезли из виду.

Поднялся на пологий холм с плоской верхушкой, и обнаружил, что впереди, в ложбине, из песка торчат колонны черного камня, потрескавшиеся, разбитые на куски плиты из того же материала.

Что за народ обитал в этих местах, когда – неизвестно, ясно только, что было это задолго до Катаклизма, превратившего единый Сарнаут в набор раскиданных по астралу островов-аллодов. На оставшиеся от джунов руины не похоже, еще меньше напоминает постройки людей племени аро.

Развалины не понравились Расину с первого взгляда, хотя чем, он не понял.

– Милость Незеба, – пробормотал он, пытаясь сообразить, в чем же дело.

Новый порыв ветра толкнул в бок, песчаная плеть хлестнула по лицу, и тут между каменных колонн поднялась еще одна – извивающийся смерч, внутри которого угадывалась темная, бешено танцующая фигура. Истощенный вой, перешедший в визг, заглушил прочие звуки, и жар пустыни на мгновение отступил, сменившись ледяным холодом.

Все ясно, баньши, кровожадная безумная тварь, которую очень трудно убить.

Смерч, дергаясь и качаясь, не обращая внимания на встречный ветер, двинулся наперерез Расину.

Тот поспешно скинул с плеча дорожный мешок и зашарил внутри... не то, не то, ага, вот оно. Пальцы сомкнулись на округлом сосуде из стекла, а когда извлек его, то в лучах солнца блеснула насыщенная золотыми искрами темно-синяя густая жидкость.

За это зелье в свое время пришлось отдать колдуну десять полновесных динаров!

Расин выдернул пробку и, не обращая внимания на болотную вонь из горлышка, опрокинул сосуд. По горлу прокатилось нечто горячее, обжигающее, но в желудок ухнул уже ледяной твердый комок.

Баньши завопил вновь, по телу прошла волна дрожи, и мир вокруг изменился.

Мчавшиеся над пустыней полотнища из серого и желтого песка замедлили полет, смерч убавил скорость. Фигура внутри него обозначилась куда отчетливее – похожая на яйцо голова, зубастый рот во всю ее ширину, выпученные глаза цвета обсидиана, тонкие длинные ноги и руки, в одной зажат топор на короткой рукояти, лезвие из светлого металла заляпано черным.

Сложность с баньши не в том, что они неуязвимы для простого оружия, а в том, что по ним трудно попасть.

Расин с помощью ускоряющего зелья эту проблему решил.

Повесив мешок на место, он вытащил из ножен два ножа и двинулся навстречу смерчу. Баньши, обнаруживший, что потенциальная жертва сравнялась с ним в скорости, распахнул пасть.

Топор взлетел и ударил туда, где только что стоял человек.

Но Расина там уже не было, он ускользнул вбок и сделал собственный выпад. Выброшенную вперед кисть резануло болью, когда угодил в кокон смерча, но остро заточенный нож достиг цели.

Лезвие встретило сопротивление, а баньши истощно завопил.

Хадаганец прыгнул вбок, затем назад, разрывая дистанцию, топор прошел рядом с головой, едва не зацепил плечо. Пригнулся, пропуская тяжелое оружие над собой, и вновь атаковал, и опять удачно, на этот раз резанул баньши по лодыжке, очень похожей на человеческую.

Вот только из раны потекла не кровь, а зеленая слизь.

Пустынная тварь остановилась, вихрь из песка, крутившийся вокруг нее, осыпался с мягким шорохом.

– Задущ-ш-шу-у-у... – прошипел баньши, показывая, что владеет человеческой речью. – Х-кто бы ты ни был!

Расин на подобных созданий не охотился исключительно потому, что взять с них нечего. Эта плоть выглядит твердой, пока пустынный дух жив, но стоит его убить, как она рассеется дурно пахнущим дымом.

Выпад, еще один, и топор все же цепляет рукав куртки, ткань расходится с противным треском.

– Ах-х-х-р-р-р! – в голосе баньши прозвучало торжество. – Я тебхя-а...

– А вот это вряд ли, – сказал Расин, воспользовавшийся мгновением, когда противник открылся и остановился, чтобы метнуть второй нож, который до сих пор не пускал в ход.

Баньши перевел взгляд вниз, обнаружил, что у него из груди торчит черная ребристая рукоятка. Топор выпал из разжавшихся пальцев, тонких и длинных, без следа ногтей, и начал таять, растворяться.

Вой зазвучал вновь, но на этот раз приглушенно, едва не жалобно.

А когда он затих, остался лишь упавший на песок нож.

Расин выждал некоторое время, и только затем осторожно подошел, чтобы забрать оружие. Теперь нужно посидеть на месте, желательно не двигаясь, пока действие зелья не прекратится.

Телу, подстегнутому до предела, нужен отдых, и еда, кстати, тоже.

Он успел съесть кусок вяленого мяса, и тут на плечи обрушилась такая тяжесть, словно на них сел медведь. Сердце заколотилось, словно бешеное, судорога перекутила мышцы обеих ног и правой руки.

Некоторое время Расину казалось, что он вообще не сможет двинуться с места.

Но затем ничего, поднялся, аккуратно обошел развалины, где обитал баньши – кто знает, какая там еще может быть пакость? – и двинулся дальше на север, туда, где за горизонтом прячется небольшой, не отмеченный на официальных картах Суслангера порт, вотчина Свободных Торговцев.

Тому, у кого неприятности с Комитетом, лучше покинуть аллод этим путем.

Наниматель, с которым хадаганец второй раз беседовал в ночном мраке, сказал, что у него будут спутники, и что они присоединятся по дороге, вот только не сообщил, кто, и когда они появятся.

– Фьють-фьють! – просвистели в ухо, и черная птичка с алыми пятнами на крыльях бесстрашно села ему на плечо.

Доказательство того, что истинная трансформация плоти возможна.

– Опять ты? – сказал Расин.

Птаха наклонила голову, словно изучая человека, и, чирикнув, умчалась прочь.

Солнце грело все свирепее и свирепее, и он начал искать место для долгого полуденного привала. Очень кстати попался овраг, узкий, как след от исполинского меча, и даже со следами воды на дне.

Иссушающие лучи сюда попадали утром и вечером, и на склонах росли колючие кусты, пучки жесткой травы.

Вновь пустился в дорогу вечером, когда зной несколько ослабел, а светило повисло над горизонтом словно исполинский, насосавшийся крови комар. Миновал еще одни руины, но эти то ли оказались необитаемыми, то ли местные твари решили не связываться с одиноким путником.

На восточном горизонте показалась вонзающаяся в небосвод черная тонкая игла – башня некроманта Холая, где, если судить по слухам, вот уже много столетий творятся жуткие вещи.

Расин не ждал неприятностей с той стороны, но на всякий случай дал крюка к западу.

Золотистое мерцание обнаружил, когда солнце почти наполовину ушло за край аллода – словно искрящаяся пыль висела в воздухе, полотнищем закрывая проход между двух черных скал.

Поначалу решил, что показалось, но когда моргнул, «пыль» никуда не исчезла.

Расин подошел ближе, посмотрел, как плавают туда-сюда крохотные искорки, и двинулся в обход – он не знал, что это такое, а в пустынях Суслангера незнакомое может быть либо опасным, либо смертельно опасным.

Обогнул правую скалу, когда вновь уловил мерцание краем глаза.

Обернувшись, увидел, что шлейф из золотистых искорок плывет следом, и что по земле под ним ползет непонятно чем отброшенная тень, неприятно раскоряченная, пульсирующая,

бесформенная.

– Милость Незеба, – пробормотал Расин, и перешел на бег.

Если эта штуковина охотится за ним, то можно попробовать оторваться...

Через час стало ясно, что нельзя – облако мерцания плыло следом, неуклонно сокращая расстояние, несмотря на встречный ветер, и резкая смена направления помогла не больше, чем щит из соломы против стрелы.

После рывка на максимальной скорости Расин слегка выдохся, ноги его дрожали, по спине и лицу тек пот.

В окутавшем пустыню ночном мраке рой золотистых искорок выглядел даже красиво. Он двигался рывками, выбрасывая перед собой короткие «щупальца», и была в его перемещениях злобная целеустремленность.

Когда впереди, на фоне звездного неба, встали колонны и разрушенные башни очередного покинутого города древних, Расин понял, что больше убежать он не в силах. Придется принять бой здесь, положиться на свои силы и милость судьбы.

– Ну, иди сюда, – сказал он, разворачиваясь к преследователю и вынимая оружие из ножен.

Мелькнула мысль воспользоваться еще каким-нибудь зельем из тех, что оставались в мешке. Но тут же ее отбросил – да, можно добавить себе силы или зоркости, да только поможет ли то или другое сейчас?

Облако золотого мерцания наплывало медленно, бесшумно, и на мгновение ему показалось, что это сон. Что стоит ущипнуть себя за руку, моргнуть, и он проснется в той нише, что заменяла ему кровать последние несколько лет.

Накатила волна холодной, ознобной слабости, искорки оказались сверху, с боков.

– Получи... – вместо крика издал лишь слабый шепот, а удар ножа вышел слабым, точно у ребенка.

Да и не попал он никуда, честно говоря.

Почувствовал острый укол, словно пчела ужалила в щеку, Расин вскинул руку, чтобы стряхнуть насекомое. Но ничего не обнаружил, а его укололи повторно, в затылок, третий раз, в живот, прямо сквозь одежду.

Жуткая ситуация, когда непонятно, с кем сражаться, какие удары отражать.

Расин зарычал, принялся размахивать ножами, не обращая внимания на болезненные «укусы» – скорее всего, ему не выжить, но хотя бы нужно зацепить эту тварь прежде, чем она проглотит его целиком!

Споткнулся и едва не полетел кувырком.

Правая рука онемела, повисла плетью, от целой серии уколов в ноги он упал на колени. Нашел силы поднять голову, и обнаружил, что со стороны развалин, по которым ползают золотистые блики, шагает некто высокий и тощий, и руки его вскинуты над головой.

Расин ощутил прикосновение холодного ветра к лицу, и все поглотила тьма.

Очнувшись, он понял, что лежит на спине.

Глаз сразу открывать не стал, несколько мгновений полежал, вслушиваясь в то, что происходит вокруг – треск пылающего костра, бульканье воды в котелке, шорох одежды, какое-то поскрипывание.

Ладно, если бы его хотели убить или лишить свободы, то давно это сделали бы.

Расин открыл глаза и резко сел.

– А, ты очнулся, – равнодушно сказал высокий худой человек, сидевший у костра и помешивавший в котле ложкой.

Когда он повернулся, стало видно, что лицо его скрывает маска из светлого металла. Зэм, один из восставших, из тех, кто воскрес после тысячелетий пребывания в лапах смерти!

– Да, – Расин осторожно ощупал лицо, зудевшее после многочисленных уколов: ран, царапин или даже тех бугорков, что порой остаются после укусов, там к счастью не появилось. – Спасибо, что выручил.

Вещи его оказались на месте: оружие в ножнах, мешок лежит рядом.

– Не за что, не за что, – Зэм помахал рукой, пальцы которой были тоже из металла. – Тебе нужно выпить укрепляющего силы отвара багульца, уж не сомневайся. Молчун начал переваривать тебя, и пусть не добрался до тела, дух пострадал, и его надо укрепить...

Расин и вправду чувствовал себя разбитым, сердце ныло, отчего-то хотелось плакать.

– Молчун? – спросил он.

– Так его называют, – отозвался Зэм, голый ладонью берясь за край котелка и наливая немного черной, дымящейся жидкости в серебряную чашу с обгрызленным краем. – Выпей, тебе полегчает.

– Ты убил его? – Расин принял чашу, оказавшуюся не горячей, а почти ледяной: приятный травяной запах, никакой вони, столь любимой некромантами из расы восставших, так что можно надеяться, что после глотка этой бурды он не превратится в зомби.

– Лишь отогнал, убить Молчуна мало кто способен, – Зэм

покачал головой, блики поползли по его лицу. – Кстати, меня зовут Эрэм, и нас ждет длинный совместный путь.

Расин, как раз в этот момент отхлебнувший из чаши, едва не подавился.

Один из обещанных спутников – восставший, живой труп с протезами из металла?

Всю жизнь полагал, что гражданами Империи могут быть лишь люди, хадаганцы; орки, гоблины и нежить годны лишь на то, чтобы исполнять роль слуг, младших союзников. Именно за это он сражался под знаменами Гурлусхора, не щадил ни себя, ни противника в кровавых битвах на Игше!

И теперь идти вместе с вылезшим из могилы, погрызенным червями монстром?

Вспоминался день решающего сражения, когда ветер нес дым от сожженных деревень, а они шли через этот дым туда, где ждали их не проклятые эльфы, не надменные канийцы, а свои же, вчерашние союзники, с кем сражался плечом к плечу, делился последним...

К вечеру грязь под ногами превратилась в багровую жижу, а те, кто утром двигался, дышал и смеялся, замерли и замолкли навеки. «Молния» полегла целиком во время отчаянной попытки добраться до Яскера, стремясь убить его и переломить исход неудачно сложившейся битвы.

Расин сумел тогда уйти, сбить преследователей со следа.

Самому настырному он сломал шею голыми руками, причем сначала разобрался с ездовым волком, и хорошо запомнил ужас в светло-желтых глазах, возникший в тот момент, когда хищник сообразил, что столкнулся со зверем более жестоким и кровожадным, чем он сам...

Вынырнув из воспоминаний, Расин обнаружил, что сжимает чашу с такой силой, что серебро едва не проминается под пальцами.

– Так гораздо лучше, – сказал Эрэм и, протянув руку длиной чуть ли не в две человеческих, забрал сосуд. – Уж не сомневайся, я понимаю, что ты не очень жалуешь мой народ, но ни у тебя, ни у меня нет выбора... мы должны пойти туда, куда нам указано, и выполнить поручение.

После отвара багульца Расина прошиб пот, но зато он успокоился, а в тело вернулись силы.

– Нет выбора? Полагаю, что он есть всегда.

– Да? – непонятно как, но металлическая маска на лице Зэм отразила иронию. – Расскажи, какой выбор был у тебя в лапах Молчуна, какой?

– Я еще могу отказаться. Двинуться своим путем, а не туда,

куда указано.

– И далеко ли ты уйдешь с этим обликом? – Эрэм хмыкнул почти по-человечески. – Далеко ли?

Этот живой труп знал, чем купили Расина.

– Пойми, у меня, например, есть основания ненавидеть твой народ, – бесстрастный до сих пор голос Зэм дрогнул, в нем прозвучали воспоминания о какой-то давней боли. – Заново я увидел солнце немного менее двух веков назад, а потом три десятилетия я был рабом... тут недалеко есть медные рудники...

Да, о бунте нежити, случившемся на Суслангере, знал всякий хадаганец.

И о том, что с восставшими, когда они только начали появляться из своих могильников, в Империи обходились, мягко говоря, без излишнего милосердия, использовали как даровую рабочую силу.

– Ладно, замяли, – сказал Расин.

Он готов путешествовать в компании оживленного трупа, готов терпеть, лишь бы их наниматель, тот самый долговязый тип в чалме и балахоне, сдержал обещание. Как он сказал тогда, в завершение второго разговора – «жезл нужно вынести из пирамиды, доставить в один из астральных портов Святой Земли, все равно в какой, а там я отыщу вас».

Интересно, как отыщет?

Но у магов высокого уровня свои, непостижимые для простых смертных способы узнавать то, что им нужно.

– Хорошо, – с легкостью согласился Эрэм. – Так, а это еще что?

К треску костра добавился трепет маленьких крыльев, и черная птица с алыми пятнышками на крыльях стремительно опустилась прямиком на дорожный мешок Расина.

– Это доказательство, – сказал он.

– Да? Интересное имя, интересное, – восставший поднялся одним мягким, гибким движением, словно у него вовсе не было костей. – Если ты пришел в себя, то пора в путь.

Расин встал тоже, удивленно хмыкнул при виде громадного баула, который его спутник навьючил себе на спину. Если Зэм способен уволочь такую тяжесть, неудивительно, что у него нашелся при себе сушеный верблюжий навоз для того, чтобы развести костер.

Пламя затоптали, пятно гари забросали землей, и тьма вернула себе власть над пустыней.

Эрэм, несмотря на груз, шагал легко, направление держал четко, а опасность чуял едва ли не раньше самого Расина – они обогнули гнездо песчаных шершней, не особенно активных в

ночное время, но все равно опасных; прошли по краю участка зыбучих песков.

Когда восточная часть небосклона принялась светлеть, начали попадаться ямы в земле – круглые и овальные, одни диаметром всего в полметра, другие столь большие, что в них провалилась бы телега.

– Червелицы, – сказал Расин, заглянув в одну из них и обнаружив уходящий вниз под уклоном тоннель.

С обитателями подземелий встречаться, откровенно говоря, не хотелось – это не просто свирепые хищники или владеющие собственным волшебством монстры, которых можно обвести вокруг пальца. Нет, червелицы обладали разумом, ни в чем не уступавшем человеческому или даже эльфийскому, вот только мыслили они совсем чуждым образом.

Одно не подвергалось сомнению – эти существа отличаются невероятной жестокостью.

– Они самые и есть, – согласился Эрэм. – Неподалеку лежит один из их городов. Если повезет, то сейчас, на рассвете, мы проскочим незамеченными... да, если повезет.

После вечерней пробежки и перехода длиной в ночь ноги Расина ныли, но он все равно нашел силы, чтобы зашагать быстрее. Уж лучше было умереть вчера в составленных из золотых искорок лапах Молчуна, чем угодить в конечности червелиц.

Эти не дадут пленнику сдохнуть быстро, для начала потешатся всласть.

Помимо ям попадались груды выброшенной из тоннелей земли – хозяева этих мест не довольствовались только естественными пещерами. Несколько раз путники натыкались на поднимавшиеся выше человеческого роста пирамидки из белого, похожего на стекло материала.

Как раз когда проходили мимо очередной, Расин краем глаза заметил движение.

– Ложись! – прошипел он, и сам шлепнулся на твердую, каменистую почву.

– Что? – спросил Эрэм, без лишних вопросов упавший рядом.

– Смотри туда.

Из дыры, не самой большой, скорее напоминавшей нору крупного грызуна, показалась округлая лысая голова – выпученные буркала, кожа темно-синего цвета, вывернутые наружу губы и белесая бахрома вроде корней, что растет на месте ушей и бровей.

Червелицкий мгновение помедлил, изучая окрестности, а затем полез наружу.

– Может быть, убить его? – спросил Расин, взвешивая на ладони метательный нож.

Расстояние для броска предельное, но попытаться можно...

– Погоди, – остановил спутника Эрэм.

Червелицкий выбрался наружу, подставив лучам восходящего солнца безволосое гибкое тело из розовых сегментов. Повертел головой, словно принюхиваясь, а затем взмахнул тонкими ручонками, оттолкнулся кривыми и короткими нижними конечностями, после чего начал медленно подниматься в воздух.

Это не походило на полет птицы, скорее на парение наполненного воздухом шара.

– Проклятье! – прошипел Эрэм, пытавшийся вытащить что-то из своего баула, не поднимаясь с земли.

Расин занес руку для броска.

Комок черных перьев закружился вокруг червелицего, донесся воинственный птичий свист. Обитатель подземелий захрипел, точно удушенная свинья, физиономию его перекосило от злости.

Доказательство едва не врезалась ему в лоб, попыталась клонуть в темя.

Червелицкий несколько раз повернулся вокруг своей оси и полетел вслед за птицей, ну а та повела его прочь от того места, где лежали, вжавшись в землю, человек и восставший Зэм.

– О, стоит несомненно признать, что хорошая у тебя спутница, – сказал Эрэм, и в голосе его непонятно отчего прозвучала гордость. – А вот идея с ножом была не лучшей. Да, не лучшей. Если бы ты убил его, то родичи из одной кладки мгновенно почувствовали бы это, и тогда нам пришлось бы не сладко.

Червелицкий исчез из виду, и они, вскочив на ноги, поспешили дальше.

Прошли мимо кургана из светло-серой и желтой глины, обогнули изогнутый ров длиной метров в пятьсот, до половины глубины заваленный костями. Ямы начали попадаться реже, крупные исчезли, и Расин даже поверил, что им удалось ускользнуть.

Но тут же едва не споткнулся о голову высунувшегося из-под земли червелицего.

– Охр! – только и успел сказать тот, после чего ему между глаз воткнулся нож.

Хлынула кровь, синяя и густая, и уродливая башка исчезла в темной дыре, из которой появилась.

– Плохо, очень плохо, уж поверь мне, – сказал Эрэм. – А ну-ка держись поближе!

Он сорвал баул со спины, вытащил из него какую-то склянку и с размаху швырнул оземь. Зазвенело, полетели осколки, поднялось облако розового, пахнущего нестиранными портянками дыма, что на мгновение затянул все вокруг, скрыл и солнце, и ямы, и пустынный пейзаж.

– Что это? – спросил Расин, пытаясь откашляться.

– Сейчас увидишь... а вот и родственники почившего в бозе аборигена.

Сразу из дюжины дыр вылезли круглые головы, и участок земли стал напоминать бахчу, утыканную редкостно уродливыми плодами. Первый из червелицых выбрался наружу, за ним второй, третий, но ни один не двинулся туда, где стояли путешественники.

Обитатели подземелий принялись бродить туда-сюда, наклоняясь к земле в поисках следов.

Один прошел совсем рядом, и стал ощутим смрад, наводивший на мысли о груде протухших рыбных голов. Червелицкий поднял голову и уставился, как казалось, прямо на них – его глаза двигались отдельно друг от друга, ворочались в глазницах независимо; бахрома над глазами и по бокам головы шевелилась, на теле там и сям набухали и опадали вздутия размером с кулак.

Расина затошнило.

Червелицкий же вместо того, чтобы броситься на убийц родича, зашкандыбал дальше.

– Они нас не видят? – шепотом спросил хадаганец.

– Да, – отозвался Эрэм. – Но услышать могут, поэтому тихо.

Обитатели пещер ходили туда-сюда, переговаривались скрипучими, придушенными голосами, от звуков которых мороз бежал по коже и хотелось заткнуть уши. Солнце лезло выше и выше, из оставшихся за спиной путешественников нор начали подниматься струйки дыма.

А потом снизу, из-под земли донеслось пение, глухой, неразборчивый речитатив.

Услышав его, червелицые замерли, а затем с жалобным воем заторопились к тем отверстиям, через которые выбрались на поверхность.

– Утренний молебен, – сказал Эрэм. – Только не спрашивай, кому они молятся. Удираем! Ходу, ходу!

Упрашивать Расина не пришлось.

Пение было слышно еще долго, оно словно преследовало их, вибрировало в подошвах – вроде бы не очень громкое или мелодичное, но таящее в себе мощь, угрозу и невероятную злобу.

– Ну что, привал? – спросил Эрэм, когда они вышли за

границы владений червелицых и отшагали еще с пару километров.

Подземный речитатив давно затих, во все стороны до горизонта раскинулась серая, немного всхолмленная равнина, лишенная даже намека на то, что тут могут быть подземелья.

Сплошной каменистый грунт, никаких ям, нор и дыр.

– Давай, – с облегчением согласился Расин. – Вон там можно устроиться.

От солнца укрылись среди лежавших тесной группой округлых валунов цвета спекшейся крови.

Только в этот момент он получил возможность как следует разглядеть спутника: высок и тощ, руки и шея кажутся неестественно длинными, но это из-за худобы, плоть там, где она сохранилась, зеленовато-серого цвета, облачен в обычное для Зэм фиолетовое, подпоясанное в талии одеяние вроде халата, из-под его полы видны кончики запыленных сапог.

Без изысков, зато практично.

О красоте восставшие думали меньше всего, зато всегда заботились об удобстве.

– Ты маг? – спросил Расин.

Вопрос, откровенно говоря, не самый оригинальный – всем известно, что представители древнего народа, вернувшегося из-за ворот смерти, поголовно обладают способностями к колдовству. Другой вопрос – в какой степени эти способности развиты, что именно умеет Эрэм, чего от него ждать.

То, как он обманул червелицых, мало походило на обыденное чародейство.

– Да, не стану этого отрицать, – сказал Зэм, сидевший, прислонившись спиной к камню. – За годы, отведенные мне судьбой, я сумел усовершенствоваться в некромантии, да, в некромантии. Плоть живая и плоть мертвая одинаково послушна моим заклинаниям, ведь все, что ныне является живым, в один прекрасный момент непременно станет мертвым, а значит, уже сейчас подчиняется тем же самым законам. Уж не сомневайся.

Вытащив из баула отвертку и еще какие-то инструменты, он принялся возиться с запястьем левой руки. На некоторое время вовсе открутил ее и положил наземь, обнажив сложно устроенную культю.

Действуя одной правой, капнул из масленки машинным маслом, заменил пару крохотных деталей. Затем поставил обратно, и как ни в чем не бывало задвигал блестящими пальцами.

Да, восставший, если он опытный маг, может быть серьезным противником.

Невозможно убить то, что и так мертво, и даже обезвредить не так просто.

– Фьють-фьють! – прозвучало неподалеку, и Расин обнаружил, что Доказательство тут как тут, преспокойно чистит перышки, усевшись на макушку ближайшего валуна, и вид у нее самый победоносный.

– Надо же, уцелела, – сказал он, протягивая ладонь.

Птичка с готовностью спорхнула на нее, покрасовалась несколько мгновений, а затем улетела прочь.

– Ну так червелиций мало похож на ястреба, – со смешком проговорил Эрэм, и вновь в его голосе прозвучала гордость.

В убежище среди валунов провели большую часть дня, столь же знойного, как и предыдущий. Расин заново проверил все свои клинки, выправил лезвие у каждого, обновил яд на запасном метательном ноже.

Мимо дважды пролетали червелицы, оба раза в одиночку и на небольшой высоте. Не наблюдалось признаков того, что обитатели подземного города ищут убийц погибшего сородича.

– Пора двигаться, – сказал Эрэм, когда тени начали удлиняться, а жара немного спала. – До заката нам нужно отыскать колодец, а то твои запасы, как я вижу, подошли к концу, да и мне надо попить.

Расин опустошил свой бурдючок в полдень.

Жажда пока мучила его не особенно сильно, разве что во рту пересохло, но он знал, что воздух пустыни, как горячий, так и холодный, пьет влагу из тела быстро и незаметно, и что к утру без воды будет худо.

– Раньше тут был один источник, – продолжил Зэм. – Только сохранился ли он?

Чем дальше к северу они шли, тем больше становились холмы, у города червелицых едва заметные. Появилась растительность – ползущие под ударами ветра клубки перекати-поля, раскоряченные кактусы, похожие на жирных уродцев, поросших колючками, пальмы-медоноски, закутанные в облака сладкого аромата.

Самая безжизненная часть аллода осталась позади.

Зато впереди, как увидели с вершины очередного холма, зубчатой лентой протянулись горы.

– Ты бывал там? – спросил Расин, стараясь запомнить лежащий дальше пейзаж.

Еще немного, солнце зайдет, и придется двигаться в темноте.

– Бывал, – отозвался Эрэм. – Правда очень давно, чуть ли не десять лет назад. Пройти можно, и воду найти – тоже, как я уже говорил, но нам придется сделать это ночью.

Мрак настиг их у подножия первой, сравнительно низкой горной гряды.

Расин в один момент понял, что не видит ничего, а в вышине открылись сердитые глазки звезд. Но зато с усилием потянув носом, уловил идущий с северо-востока слабый аромат влаги и свежей зелени.

– Там должен быть источник, – сказал он, поднимая руку.

– Откуда ты знаешь? – удивился Эрэм.

При всех своих достоинствах и умениях восставшие почти начисто лишены обоняния.

Тут была даже трава, она шуршала под ногами, на ветру качали ветвями стоявшие группами кусты. В зарослях шебаршилась мелкая живность, вдалеке печально и угрожающе агукала пустынная сова.

– Здесь есть гарпии, – сказал Расин, едва не вступив в кучку едко и очень характерно пахнущего помета: кто хоть один раз столкнулся с подобным смрадом, никогда его не забудет.

– Разве они опасны и ночью? – поинтересовался Эрэм.

– Меньше, чем днем, но все же...

На уродливых птиц с головами, похожими на женские, Расин иногда охотился, но всегда по заказу, поскольку это связано с большим риском. Одна гарпия не так чтобы опасна, но проблема в том, что летают они по меньшей мере дюжиной, и это в лучшем случае.

А попробуй, одолей пару десятков летучих тварей, что визжат, осыпают тебя дерьмом и ядовитыми перьями, норовят ударить тяжелым крылом по лицу или цапнуть острыми когтями?

– Поглядывай вверх, – посоветовал Расин.

Гарпии предпочитают падать жертве на голову, и различить их на фоне черного неба – задача как раз для колдуна, а тем более некроманта, привыкшего действовать в темноте.

Источник, спрятанный под козырьком могучей скалы, оказался крохотным, но живым. Расин наполнил бурдючок, напился до бульканья в животе, сполоснул лицо, и только после этого пустил к воде спутника.

Эрэм сделал буквально несколько глотков и заявил:

– Ну все, мне хватит.

И они двинулись дальше.

Восставший не обманул – судя по тому, как уверенно он выбирал дорогу, действительно хаживал по этим местам. Миновали перевал, напоминавший седло между двумя уходившими в небо вершинами, прошагали ущельем, столь узким, что можно одновременно коснуться обеих стенок.

Затем пришлось петлять в настоящем каменном лабиринте,

где Расин, несмотря на весь свой опыт, едва не потерял направление. Пару раз заподозрил, что они ходят кругами, и хотел уже сказать об этом спутнику, когда они выбрались из скал на склон, полого убегавший вниз, к северу.

Впереди, насколько позволял увидеть свет звезд, лежала та же равнина.

– Прошли, – сказал Эрэм, и тут же сзади и сверху донесся истошный вопль, полный кровожадной угрозы.

Расин повернулся, увидел летящий на него крылатый силуэт.

Дернул спутника за одежду, вынуждая того упасть наземь, сам повалился рядом. Их обдало запахом нечистот и тухлого мяса, острые когти со скрежетом проехали по камням.

– Йяяяя! – завопили вновь, на этот раз над самой головой, и неподалеку шлепнулась лепешка пахучего дерьма.

Расин один за другим метнул три ножа, целясь на хлопанье крыльев, на движение и вонь. Судя по злобным восклицаниям, попал, и потянулся за очередным клинком, когда сообразил, что Эрэм вскочил на ноги.

Восставший раскинул над головой руки, и ночь пронизал луч ударившего вверх голубого света.

– Давай вни... – Расин осекся на полуслове, когда полные ярости голоса в вышине начали слабеть.

Первая гарпия, то ли мертвая, то ли оглушенная, упала совсем рядом так, что они услышали хруст костей. За ней последовали вторая, третья, четвертая оказалась еще живой, но могла только трепыхаться, и затихла лишь после того, как ей перерезали глотку.

Прочих заклинание не зацепило, но напугало достаточно, чтобы крылатые твари убрались прочь.

– Да ты серьезный парень, – сказал Расин, собрав метательные ножи.

– С подобным утверждением я спорить не собираюсь, – Эрэм издал довольный смешок и хлопнул в ладоши так, что те немелодично звякнули друг о друга. – Что, идем?

И они отправились дальше.

Рассвет застал путешественников в дороге, а когда солнце тяжело взобралось на край небосклона, стало видно, что впереди лежит город. Над горизонтом поднялись очертания невысоких башен с узкими окнами и плоскими крышами, а также стоящих на полозьях астральных кораблей.

– Как я понимаю, это порт Свободных Торговцев, что нам и нужен, – проговорил Расин.

– Уж не сомневайся, – Эрэм кивнул. – Осталось найти судно до Святой Земли.

Глава 5

– Столоваться будете здесь, – сказал жирный капитан, недружелюбно глядя на Головешку. – Завтрак, обед и ужин по звуку судовой рынды, кто опоздал, тот сам себе джун придурошный.

Слово «джун» сделалось ругательным не так давно, когда и в Империи и в Лиге стало известно, что именно этот древний народ, скорее всего, виноват в том, что в Сарнауте появились астральные демоны, а значит и в той страшной ночи, что случилась шестьдесят два года назад, когда эти бестии уничтожили миллионы живых существ, опустошили не один цветущий аллод...

– Жратва не особо роскошная, но голодными не останетесь, – продолжал командир корабля. – Здесь галльон... для тех, кому во время кормежки приспичило, у ваших кают еще один. Дерьмецо прямиком в астрал выкидываем, точно в глотки демонам, и никаких пушек не надо...

Он хохотнул, чтобы даже самые тупые поняли, что это была шутка.

С Велигором и прочими пассажирами из людей жирдяй обращался с каким-никаким почтением, на гибберлингов вообще не обращал внимания, а вот Головешка ему явно не нравился. Ну еще бы, носит капюшон, лица не показывает, и при этом командует в такой разношерстной компании.

Поздирительный тип, лучше за ним приглядывать.

Они спустились на нижнюю палубу, где у закрытых портов ждали своего часа астральные пушки. Послушали, как капитан расписывает их мощь и меткость собственных комендоров, способных отстрелить мухе любое из крыльев.

– Ну там вон реактор и двигатель, – сказал командир «Огненной лилии», указывая на дверь в задней стене, мощную преграду из толстых досок, обитую полосами железа. – Туда входа нет. Понятное дело, что только пассажирам...

И он вновь хохотнул, и Головешке захотелось придушить жирного болтуна.

В этот момент пожалел, что отправился на эту дурацкую экскурсию – как будто никогда не был на астральных кораблях и не представлял, как они устроены и что где находится? Когда-то ведь провел на борту такой же вот посуды, разве что побольше и с двумя орудийными палубами, едва не месяц, и изучил ее вплоть до последнего уголка.

Ну а чем закончилось то плавание, лучше не вспоминать.

Как попытаешься, сразу хочется выпить, а ничего нет... надо будет, кстати, выяснить, как на борту с этим делом.

Под ногами капитана закрипели ступеньки узкой и очень крутой лестницы, ведущей вниз. Пассажиры, почти сплошь богатые паломники из купцов и аристократов, двинулись следом.

Головешка оказался замыкающим.

Внизу, как он и ожидал, располагался трюм – мрачный, полутемный, разделенный на множество помещений и забитый всяким хламом, которому не нашлось места наверху.

– Эй, добры молодцы! – позвал капитан и, обращаясь к пассажирам, добавил: – Пугаться не стоит, они хоть и страшные с виду, внутри добрые... Где вас джуны носят?

Открылась низкая, в половину человеческого роста дверца, и в коридор, где все стояли, выбрался гоблин – согбенный, с большой головой и клоком седых волос на подбородке. За ним показались еще два, помоложе, но такие же серокожие, длинноносые и покрытые бородавками.

– Что надо, командир? – хрипло спросил старший, приветственно помахав лапой с зажатым в ней гаечным ключом.

Комбинезоны на лямках, в которых щеголяли гоблины, покрывали дыры и пятна машинного масла. Один из молодых таскал на плече плотно набитую сумку, другой обходился мешком на лямках.

– Показать вас хочу, – с издевкой проговорил капитан. – Вон ведь какие красавцы!?

Старший гоблин заухмылялся вроде бы глупо, но за нелепой гримасой Головешка уловил ненависть.

– Ну что, теперь наверх... – и командир «Огненной лилии» зашагал обратно к трапу.

Эльф пропустил его мимо себя, поймал озабоченный взгляд Ульфы и подмигнул ей, не сомневаясь, что провидица-гибберлингга заметила это, несмотря на капюшон. Протопал мимо Велигор, казавшийся внутри корабля особенно неуклюжим, и Головешка вновь оказался последним.

– Слышь, носатый, – тихонько позвал он.

– Чего тебе? – старший из гоблинов, шагнувший было в ту же низкую дверь, остановился и повернул голову.

– У тебя ведь есть то, что может мне пригодиться, – Головешка показал монету. – Знаю я вашего брата, вы ведь без стакана доброго пойла даже гвоздь вбить не способны.

– Ну... аппарат работает, жидкость капает, – гоблин осклабился, показав гнилые редкие зубы. – Если еще пару монет добавишь, то я в собственных закромах пороюсь... ведь там... – он закатил глаза.

– Тащи все что есть, – велел эльф, поеживаясь от нетерпения.

Гоблины – твари запасливые, особенно вот такие, что дожили до седых волос.

В загашнике у этого вот уroda может оказаться и гриб-симбионт с Джиграна, и травки, которые выращивают в крохотных садиках удалившиеся на покой маги-аристократы из дома ди Делис.

Гоблин исчез за дверью, но вернулся буквально через мгновение.

– Вот, – сказал он, протягивая Головешке большой холщовый мешок. – Деньги!

Эльф отсчитал монеты, добавив одну сверх запрошенного – путь долгий, мало ли что еще может понадобится, а если кто на борту и полезен, так это серокожие ремонтники. И не заглядывая в довольно тяжелый мешок, где что-то выразительно булькало, заторопился к трапу.

Капитан и остальные пассажиры ждали на нижней палубе.

– Где тебя носит, спрятанная башка? – рявкнул командир «Огненной лилии». – Почему задержка?

– Заблудился, – самым невинным голосом ответил Головешка, а про себя пообещал, что обязательно потолкует с этой жирной образиной, немного поучит ее вежливости. – Приношу свои извинения.

– Ладно... – буркнул капитан. – Пойдемте уже.

С нижней палубы поднялись на среднюю, где располагалась столовая и каюты пассажиров. На верхней побывали еще раньше, хотя пассажирам показали только ту ее часть, что связана с управлением судном – рубку со штурвалом и переговорными трубами, откуда можно наблюдать за астралом и орудовать щитами.

Помещения для экипажа, лазарет и бортовой телепорт в экскурсию не включили.

– Ну что, вот и все, – сказал капитан, когда они вновь очутились в столовой. – Спасибо за внимание... ужин через час, не пропустите...

Он несколько раз поклонился, отвечая на жидкие аплодисменты, и пассажиры начали расходиться.

– Надо поговорить, – заявила Ульфа, подходя к Головешке.

– Конечно, само собой, – отозвался тот, провожая взглядом выходящего из столовой капитана. – Я приду к вам в каюту, но сначала мне нужно проверить небольшое дельце.

Гибберлингка забормотала что-то еще, но эльф уже не слушал.

Он воспользовался той же дверью, что и командир «Огненной

лилии», и догнал того в два прыжка.

– Что?.. – только и успел спросить капитан, а потом его схватили за плечо, развернули и прижали к стенке так, что он не мог говорить, только дышать, и то неглубоко.

– А теперь слушай меня, – процедил Головешка, стряхивая капюшон с головы. – Хамить на борту – плохая примета, особенно на борту того корабля, где нахожусь я. Понимаешь?

– Дахрр... да, – выдавил капитан, с трудом ворочая кадыком, в который упирался локоть эльфа.

В бледно-голубых глазах командира «Огненной лилии» заплесал ужас, смешанный с недоумением. Он сообразил, конечно, с представителем какого народа свела его судьба, но вот кому именно нагрубил, понять не мог... ведет себя уверенно, точно имеет право командовать, но при этом без крыльев, да еще и покрыт странными отметинами.

В свое время Головешка постарался, чтобы история о том, как он выжил после «купания» в астрале, не вышла за пределы дома, так что о произошедшем не знали даже многие эльфы из других домов.

Что уж говорить о людях?

– Слава предкам, что ты такой понятливый, – он еще разок прижал капитана, слегка придушив его, а затем отпустил и сделал шаг назад.

– Э... я... – командир «Огненной лилии» ощупал собственное горло. – Вы...

Корабль тряхнуло, словно обычное речное судно, налетевшее на подводный камень. Донесся треск ломающихся досок, скрежет металла, запахло паленым, трижды подряд ударил колокол.

– Это что? Боевая тревога? – спросил Головешка.

– Ну да... – капитан не мог отрицать очевидного. – Вы должны вернуться в каюту. Немедленно.

– Вот уж нет! – эльф накинул капюшон обратно. – Я маг, и не из последних!

Если кораблю угрожает опасность, то помощь опытного боевого чародея может пригодиться.

– Э... ладно, – к чести капитана, он сумел не пойти на поводу у обиды и уязвленной гордости.

Они рванули вверх по трапу, с лязгом открылась ведущая в рубку дверь.

Стоявший за штурвалом рулевой повернулся, показал бледное, покрытое каплями пота лицо, выпученные глаза.

– Демоны! – простонал старший помощник, рыжий и румяный. – Целая прорва!

Головешка бросил быстрый взгляд на занимавший одну из

стен целиком визор, особый прибор, что позволяет видеть ближний астрал так же, как если бы тот не отличался от обычного пространства.

– Помилуй нас святые Покровители! – вскричал капитан, и его можно было понять.

Исполинские туши, меняющие форму и цвет, похожие то на крылатых китов, то на хищных птиц в чешуе, то на помесь рыбы с человеком, кружились вокруг «Огненной лилии». Каждая размерами чуть меньше самого корабля, из разверстых пастей и глазниц рвалось алое и зеленое пламя.

Растерянность командира судна длилась, к счастью, недолго.

– Орудия к бою! – прокричал он в торчавшую из пола медную трубу. – Готовность?!

– Есть готовность! – отозвался из трубы глухой голос.

– Залп! – приказал капитан.

Пушки обоих бортов выстрелили разом, и корпус «Огненной лилии» содрогнулся. Комендоры оказались и в самом деле на высоте, и астрал расцвел огненными цветками попавших в цель мана-импульсов.

Одного из демонов разорвало напополам, другой лишился головы.

Но их было слишком много!

Дверь открылась вновь, и в рубку ворвались трое гибберлингов во главе с Ульфой.

– Это еще что? – заорал капитан, брызжа слюной и размахивая руками. – Вон! Экскурсия закончилась!

– Она провидица, – вступился Головешка. – Только вот отчего-то...

– Я пыталась тебе сказать, но ты не слушал! Истинно! – перебила его Ульфа. – Немедленно уходите вон туда!

И она ткнула мохнатой лапкой куда-то вправо и вниз, показывая новый курс.

– Куда «туда»?! – заорал капитан, но тут же отвлекся на трубу, сообщившую ему, что орудия перезаряжены. – Залп! А вы проваливайте все отсюда, или помогите! Жопа!

На этот раз удачных попаданий оказалось меньше, зато один из демонов, напоминавший ската с человеческой головой, прорвался к самому борту. Взлетело то ли крыло с растущими из него пальцами, то ли перепончатая ладонь, способная закрыть небольшой огород.

Пол на мгновение встал вертикально, Головешка понял, что летит.

Шмякнулся в стену, ощутил во рту вкус крови, кто-то мягкий, истошно верещащий врезался ему в спину.

– Сплетение Нитей ведет к разрыву в Ткани Судьбы! – возгласила Ульфа, непонятно каким образом удержавшаяся на ногах. – Нужно немедленно сменить курс!! Поворачивай!

– И чем это нам поможет? – прохрипел стоявший на четвереньках капитан, под глазом которого набухал свежий синяк. – Бестии пойдут за нами в любом направлении!

– Можно создать фантом, – предложил Головешка, стряхивая со спины чуток помятого Тронда.

– Щит по правому борту поврежден! – вмешался старший помощник, выдирая из шевелюры рыжие пряди. – Мощностъ упала наполовину! Еще удар, и мы будем открыты!

– Твори свой фантом, колдун, да пошевеливайся! – рявкнул поднявшийся на ноги капитан. – А ты, лохматый отпрыск джунов, показывай, куда нам править, и говори толком, а не пророчествуй!

Обидевшийся за сестру Свен недобро заворчал, но Ульфа оскорбление проигнорировала.

– Резко вниз, и затем поворот на тридцать градусов направо! – распорядилась она.

Пол вновь ушел из-под ног, но опершись рукой о стену Головешка не обратил на это внимания. Он закрыл глаза, обратился к тому внутреннему источнику сил, откуда их черпает всякий маг, начиная от деревенского целителя и заканчивая одним из Великих.

Астрал окружает корабль, и почувствовать его касание легче легкого, достаточно вывести свое сознание за пределы хрупкой деревянной оболочки и дышащего на ладан энергетического щита...

На мгновение эльфа охватил страх, показалось, что он вновь тонет в алчном, растворяющем плоть море. Чтобы справиться с ужасом, потратил несколько мгновений, и за это время демоны сумели прорваться вплотную еще раз, но к счастью, не с правого борта.

«Огненную лилию» тряхнуло, она вроде бы даже выгнула корпус, словно кошка.

Вокруг кричали, отдавали приказы, пахло страхом и кровью, но Головешке это не мешало и не могло помешать. Он собирал силы, концентрировал внимание, собственным разумом, годами тренировок отточенным до бритвенной остроты, обегая контуры корабля от верхушек мачт до киля.

Предстоит создать такой же, астральный дубль, призрак, достаточно реальный, чтобы демоны пошли за ним – колдовство, что требует не только колоссального вложения сил, а еще и невероятного сосредоточения.

Собьешься на миг, и весь твой труд пойдет прахом.

В один миг Головешка словно выпал из окружающего мира, перестал слышать что-либо, исчезло ощущение тела. В черной пустоте перед ним начал возникать образ «Огненной лилии»... вот пламенеющий цветок на борту, вот открытые пушечные порты, вот мерцание энергетических щитов, трепещущие паруса, что собирают и преобразуют дикую энергию астрала...

Так, нужно еще наделить иллюзию жизнью, движением, увеличить до реальных размеров.

– Готово, – прохрипел эльф, возвращаясь в обычное пространство. – Выпускать?

– погоди! – остановила его Ульфа. – Так, уводи корабль резко вниз. Камнем!

И добавила решительным тоном:

– Выпускай!

Нечто схожее, наверное, чувствуют женщины во время родов – Головешка вытолкнул фантом из собственного разума, и боль на мгновение отдалась по всему телу, позвоночник словно закрутился вокруг собственной оси, рот наполнился кислой слюной. Поле зрения заслонили многоцветные сполохи, колени подогнулись, так что он с трудом удержался на ногах.

– Прекратить огонь! Двигатель – стоп! – распорядился капитан.

И это правильно, сейчас им нужно быть тише воды, ниже травы, чтобы демоны клюнули на приманку, пошли за иллюзорным судном, что сейчас всю палит из пушек и пускает торпеды...

А «Огненная лилия» какое-то время будет двигаться по инерции.

– Уходят! Уходят! – воскликнул старший помощник.

– Истинно, – подтвердила Ульфа, и Свен буркнул обычное «ага».

Головешка открыл глаза, и первым делом бросил взгляд на визор – вот оно, порождение его собственного разума, пока неотличимое от настоящего корабля, плывет через пространство, и точно стая мух у подброшенного в воздух куска дерьма, вокруг фантома выются демоны.

Разве что мухи больше похожи друг на друга и не умеют менять облик.

Эх, если бы он мог гордиться своим чародейством так же, как гордился им раньше, когда носил другое имя! Когда радовал наставников и союзников, раздражал врагов и не стыдился показывать собственное лицо!

Вспыхнувшее на мгновение торжество угасло, ему на смену

пришла злость.

– Ну как, довольны? – язвительно спросил Головешка.

– Э, ну да... неплохо, без тебя... вас, мы бы не вырвались, покусай меня джуны, – пробормотал капитан и, сделав над собой усилие, такое, что даже покраснел, добавил: – Спасибо.

– На здоровье, – ответил эльф, оглядываясь в поисках мешка, полученного от трюмных гоблинов: выронил в тот момент, когда судно едва не кувырнулось, а потом стало не до него.

Но сейчас можно вознаградить себя за проявленное чародейское мастерство...

Ага, вон он, валяется у стены, слегка помялся, но бутылка, судя по отсутствию мокрых пятен, не разбилась.

– Чего уставились? – осведомился Головешка, подбирая мешок и залезая внутрь. – Думаете, что поделюсь? Вот уж нет, провалиться мне в астрал, тут и одному мало...

Бутыль зеленого стекла вмещала чуть ли не литр мутной жидкости, вонявшей чем-то неопределенно-мерзким, может быть теми портянками, на которых гоблины ее настаивали.

– Ты собираешься это пить? Сейчас? – с ужасом спросила Ульфа.

– А почему нет? – Головешка поднес горлышко к губам и сделал добрый глоток: да, это даже не свекольный самогон из Быстрицы, но зато вышибает слезу и лупит по мозгам так, что под сводами черепа начинает звенеть. – Поработал, теперь можно и отдохнуть. Кто-то против?

В мешке лежит еще что-то, но что именно, он разберется потом.

Без посторонних глаз, особенно таких осуждающих.

Каюта у Головешки была так себе – сундук, служивший постелью, столик с жестяным умывальником в углу, кувшин на полке, да еще табурет, рассчитанный никак не на высокого эльфа. Четыре шага поперек, восемь в длину, и делай на этом «огромном» пространстве что хочешь.

Счастье еще, что можно спуститься в трюм, постучать в нужную дверь...

За трое суток, проведенных на «Огненной лилии», Головешка пребывал в трезвости всего несколько часов, и то в самом начале, пока не выяснил, где на борту можно достать выпивку. Очень хотелось подраться с кем-нибудь, да хоть с тем же Велигором, чью постную морду и благочестивое бормотание приходилось терпеть рядом на совместных трапезах.

Но он сдерживался, понимая, что и так привлек к себе многовато внимания.

Сегодня с самого утра навестил Валуна, что занимал стойло в задней части трюма. Убедился, что с жеребцом все в порядке, а затем на обратном пути заглянул к запасливым гоблинам...

И поскольку от местного пойла уже ломило брюхо, за десять монет купил настоящую диковину: джигранский гриб-симбионт, крохотный, похожий на помесь большой улитки с мухомором.

Сейчас он сидел у Головешки на запястье, и понемногу начинал действовать.

Стены каюты раскачивались, словно не на астральном корабле, а на самом обычном, издалека доносился плеск волн, глухие удары прибой, что облизывал поднимавшийся из моря утес... раздраженно кричали чайки, дерущиеся из-за добычи на прокаленном солнцем пляже...

Не сразу эльф сообразил, что крики настоящие, и «Огненную лилию» реально трясет.

– Это еще что, провалиться мне в астрал? – спросил он, пытаясь встать с табуретки.

Когда в крови у тебя плавает дурман, напущенный грибом-симбионтом, сделать это не так легко.

Со второй попытки сумел-таки вспомнить, как это делается, и утвердился на норовящих пойти вприсядку ногах. Прицелился, чтобы содрать пульсирующую «поганку» с запястья, но лишь с третьего раза подцепил скользкую шляпку, горячую от его собственной крови.

Гриб полетел в угол, а Головешка распахнул дверь.

Практически выпал наружу, и очень удивился, когда над головой пролетел метательный нож.

– Добивай его! – крикнул кто-то, и по коридору к лежащему эльфу кинулись вооруженные люди.

Дверь соседней каюты распахнулась с грохотом, и из нее вывалился раздраженный Велигор.

– Что здесь творится, ради Тайны Воскрешения? – рявкнул он.

Над головой храмовника вспыхнул неяркий ореол, нимб, дающий понять, что в ход пошла сила одного из святых Покровителей, судя по синему цвету – великомученика Гирда. Облаченная в рясу могучая фигура на мгновение размазалась, превратилась в туманное облако.

– О... как шустро... – пробормотал Головешка, безуспешно пытаясь встать и сообразить, что же творится.

Мышцы напоминали кисель, а отравленные дурманом мозги отказывались работать. Наплывали видения, уносили его с собой... громадный зал, потолок подпирают тысячи черных колонн, стены увешаны щитами и боевыми знаменами... одинокая башня посреди голой степи, по бежевым стенам текут

ручейки алой, похожей на кровь жидкости...

Когда очнулся, Велигор стоял с коротким толстым копьём в ручище, а вокруг него валялись стонущие тела.

– Эй, эльф, ты цел? – пробасил храмовник.

– Даа... – протянул Головешка, с невероятными усилиями, цепляясь за стену, поднимая себя на ноги. – Это чтоо... ты их всех положил?

– Нет, сами попадали! – громыхнул Велигор, дергая себя за бороду. – Кто они? Откудава взялись эти исчадия?

– А я думал... это капитан... прислал своих, чтобы меня убить, – проямлил эльф.

Вокруг головы закружились толстые оранжевые голуби, зазвучал нестройный хриплый хор, исполнявший нечто, составленное из одних ругательств, и большого труда стоило не замахать на наглых птишек руками.

– Да ты в себе ли, заблудшее дитя Света? – храмовник глянул подозрительно. – Очнись!

Головешка, похоже, снова отключился на миг, поскольку Велигор очутился вдруг совсем рядом. Приложил широкую ладонь к груди эльфа, и тому стало очень-очень жарко, из глаз, казалось, посыпались искры.

– Все... все, хватит! Я в порядке!

– Да, вижу я. Опять пьян как свинья, ни стыда, ни совести... – пробурчал храмовник, тиская висящую на груди деревянную свечу. – Где меч твой, вразуми тебя Тенсес? Соображаешь ты, что это нападение?

Тут Головешка прочухался окончательно.

– Нападение? Да ты что?

– Ну уж точно не сиделки с девушками, – Велигор постучал в дверь каюты, что располагалась напротив той, где жил эльф. – Эй, братия, выходи, и оружие не забывай! Отправимся на ратоборство с врагом неведомым, что «Огненной лилии» угрожает!

Повторять для гибберлингов не пришлось, они высыпали в коридор уже с кинжалами в лапах. Головешке понадобилось немного времени, чтобы сходить в каюту за клинком, а когда он вернулся, то обнаружил, что Ульфа с братьями допрашивает одного из чужаков.

– Вы все умрете! – бормотал тот, сплевывая кровь. – Василь Алый никого не щадит!

– Пираты, – протянул Велигор. – Спроси, как они на борт попали?

С корабля на корабль в астрале перебраться в принципе можно, но для этого необходимо подойти вплотную, чтобы

оказаться в радиусе действия бортового телепорта. Близко же незнакомое судно никто не подпустит, если батареи и комендоры в рабочем состоянии и двигатель не поврежден.

Но на «Огненной лилии» вроде бы все было в порядке.

Должно быть, Ульфа что-то сделала с чужаком, поскольку он ответил охотно, и даже гордо:

– Василь Алый раздобыл Коготь Дракона, и теперь нас никто не видит! Подкрадываемся, высаживаем десант, и вся добыча наша!

– Сколько вас? – поинтересовался Головешка.

Если на пиратском судне полсотни бойцов, и все участвуют в abordage, то шансов у них немного.

– Двадцать отважных! – заявил пират, захрипел, из горла его пошла кровь, а голова свесилась набок.

– Этих нужно добить. Немедленно, – сказала Ульфа, поднимаясь, и братья ее принялись за дело. – Тут пятеро, отправленных к пассажирским каютам с приказом их обчистить... Остальные, как я вижу, заняты в трюме и в капитанской рубке. Истинно!

– Я их с помощью истинной веры завалил в одиночку! – Велигор выпятил грудь. – Справимся и с остальными!

– Попробуем, – протянул Головешка и с подозрением глянул на гибберлингов. – Почему только вы их появление не предсказали?

– Коготь Дракона укрывает не только от обычных глаз, – Ульфа покачала головой. – Вперед!

– Тех нечестивых исчадий, что проникли в трюм, могу вразумить я! – предложил Велигор. – Покажу им силу Света и то, что бессильны против нее все ухищрения Тьмы!

– Вот и покажи, только быстрее, – буркнул Головешка, у которого от благочестивых воплей храмовника звенело в ушах.

– Тронд, пойдешь с канийцем, – распорядилась Ульфа. – А мы с тобой, эльф.

Вывабившись к ведущему наверх трапу, обнаружили на ступеньках труп матроса – беднягу зарубили едва не на бегу, и на лице у него осталось удивленно-обиженное выражение.

Поднялись на пролет, остался лишь короткий коридор, что ведет напрямик к дверям рубки. Головешка осторожно выглянул из-за угла и убедился, что вход охраняют два мордоворота в кольчугах, вооруженных короткими кривыми саблями – надо признать, что это оружие в тесноте корабельных коридоров куда более удобное, чем тот же меч.

– Незаметно не подобраться, – пробормотал он. – Слава предкам, умею колдовать... А вы прикрывайте.

Не хватало еще, чтобы в самый ответственный момент ударили в спину.

– Ага, – на этот раз Свен высказался вперед сестры, и та посмотрела на него с удивлением.

Но Головешке было уже не до них – он вязал нити атакующего заклинания.

Несколько слов, произнесенных с правильной интонацией, и между ладоней эльфа сгустилось серо-зеленое облачко. Он замахнулся и, выскочив в коридор, швырнул его в ту сторону, где пучили глаза охранявшие рубку пираты.

Один успел поднять меч, другой вскинул руку, но через миг оба заорали.

«Облако кислоты» убивает достаточно быстро, но жертва успевает почувствовать боль.

– И стоило так шуметь? – спросила Ульфа. – Могли снять их тихо.

– Стоило, – отозвался Головешка.

Как он и рассчитывал, на шум из рубки выскочили еще двое, один орк, и второй невысокий, смуглый, по виду типичный хадаганец. Он и получил огненную стрелу в лицо, а орка лишь зацепило брызгами пламени, так что он даже не задержался, с яростным рыком помчался на эльфа.

Тот сумел увернуться от удара тяжелым молотом, потянулся за мечом.

– Рази верзилу! – завизжала Ульфа, и гибберлинги ринулись в бой.

Орк взревел снова, попытался отмахнуться от надоедливой мелочи, отшвырнуть обоих в сторону. Но в мгновение получил с полдюжины колотых ран в пах и ноги, и вынужден был отступить.

Одного удара боевого молота, зажатого в мускулистой ручище, хватило бы, чтобы размозжить Ульфе или ее брату голову, переломать им кости, вот только нанести прицельный удар по гибберлингу, обладающему даром предвидения, почти невозможно.

– Кто вы такие?! – рявкнул орк, и тут Головешка заметил, что дверь каюты вновь открывается.

Так, пора кончать с этим кабаном, пока другие не набежали.

Выпад эльфа орк заметил, и даже сумел бы его отбить, вот только помешал Свен. Кольнул врага в запястье, тот дернулся, на мгновение запоздал с движением, и рухнул, дергаясь, заливая пол кровью из раны на месте правого глаза.

Застрявший в черепе меч едва не вырвало у Головешки из руки.

– Назад! Быстро! – крикнула Ульфа, и он послушался, даже не

задумываясь о том, что выполняет приказ не сородича, даже не человека, а гибберлинга. – У них там колдун!

Золотистая молния, с шипением ударившая в стену там, где они только что стояли, показала, что прорицательница не ошиблась. Головешка уловил начальные вибрации чужого заклинания, примитивного, но мощного, и впервые с начала схватки пришел в себя по-настоящему.

Гриб-симбионт, бред-травы, выпивка – все это прекрасно...

Но нет лучшего развлечения, чем открытая схватка лицом к лицу, когда все зависит от тебя и твоего противника, когда ты видишь лицо врага, чувствуешь его дыхание и стук сердца... Бой с демонами не в счет, прямого столкновения с астральными тварями в их стихии не выдержать никому, это все равно что дуть против ветра.

Пиратский колдун не успел довести заклинание и до середины, когда Головешка выступил из-за угла.

– Хочешь посостязаться? – спросил он, глядя на тощего, носатого человечка с копной светлых волос, облаченного в фиолетовый балахон. – Что ты умеешь, обезьяна?

Новую молнию, куда сильнее предыдущей, эльф отразил небрежным взмахом руки. А затем атаковал сам, в мгновение ока создав хитрую, гибельную для противника комбинацию чар.

Обладатель фиолетового балахона среагировал на первый слой, на атаку огнем. Начал плести магический щит, но руки его задвигались медленнее, глаза принялись блуждать, точно у пьяного, уголки рта поползли вверх, лицо перекосила идиотская гримаса.

Фальшивый огненный шар взорвался фонтаном алых и оранжевых искр, не причинивших никому вреда, а вот вторая волна угодила в цель.

– А я так рад, когда вижу тебя предо мною... – запел пиратский маг дребезжащим фальцетом, после чего упал на колени и зарыдал, со всего размаху ударяясь головой о пол.

– Кто следующий? – спросил Головешка, с наслаждением ощущая, как по жилам бежит разогретая схваткой кровь, как яростно пульсируют мышцы, сколь остр и нацелен его разум.

Нет, не зря он выбрался из своей берлоги в сиверийских лесах!

Ведь едва не забыл, что за удовольствие есть первейшее для благородного эльфа мужского пола!

– Еще шаг, и мы убьем их! – заявили из-за двери рубки, та открылась шире, так, чтобы из коридора увидели стоящего на коленях капитана и его помощника: руки у обоих связаны, бледные физиономии искажены от страха, к горлу каждого

приставлен кинжал.

– Убивайте, мне-то что? – Головешка пожал плечами, и танцующим шагом двинулся вперед.

– А корабль кто поведет, ты? – окликнула его из-за спины Ульфа.

Ну да, об этом он не подумал.

За штурвалом Головешке стоять не приходилось, прокладывать курс от аллода к аллоду тоже, да и вообще в устройстве астральных судов он, как ни неприятно это признавать, разбирался слабо...

– Ладно, чего вы хотите? – осведомился эльф.

– Чтобы вы сложили оружие! Руки, так и быть, мы вам сами свяжем! – ответили из рубки.

– Нет проблем, провалиться мне в астрал, – издевательски сказал Головешка, воспользовавшийся разговором для того, чтобы подготовить сразу два заклинания и наложить их на себя самого.

Сам он ничего особенного не почувствовал, разве что в спину потянуло холодным сквозняком. Зато услышал одобрительное восклицание Ульфы, удовлетворенное «ага» Свена – гибберлинги увидели, что эльф словно растворился в воздухе, и поняли все правильно.

Но враги тоже кое-что соображают, и поэтому к плащу невидимости он добавил ускорение.

– А теперь развлекайся, – и Головешка рванулся вперед.

На ходу прирезал впавшего в слабоумие колдуна.

С грохотом ударилась о стену дверь рубки, он увидел выпученные глаза того пирата, что держал капитана. Позволил себе ударить широко, с размахом, так что тело сшибло хитрый прибор на треноге, полетели осколки.

В том, что именно тело, сомнений не осталось – живой человек не сможет согнуть шею под таким углом.

– Ых-х-х... – выдавил капитан, а эльф уже занялся его помощником.

Приставленный к горлу того кинжал успел сдвинуться совсем чуть-чуть, но этого хватило, чтобы оставить порез. А в следующий момент державшая оружие рука оказалась сломана, сам клинок улетел в сторону и воткнулся в визор, так что тот моргнул и отключился.

Третий пират, страховавший двух остальных, успел даже замахнуться, хотя куда он целил, осталось непонятным. Головешка ударил ему в горло, просто кулаком, услышал, как ломается трахея, как позвонки с хрустом покидают насиженные места, как рвутся мышцы...

А затем прекратил действие заклинаний.

– Ых-х-х-х... – повторил капитан.

– Ты мог бы высказаться более красноречиво, – Головешка брезгливо поджал губы. – Все же я спас тебе жизнь.

Из троих пиратов уцелел один, со сломанной рукой, он сидел в углу и тихонько поскуливал, держась за пострадавшую конечность, а на красивом лице читались ошеломление и страх.

– Ты закончил? – спросила Ульфа, заглядывая в рубку. – Вижу, что так. Истинно.

– Лучше скажи, как дела у остальных? – поинтересовался Головешка.

Не то чтобы он сколь-нибудь волновался за храмовника или третьего гибберлинга, просто чем больше ты знаешь о том, что происходит на поле боя, тем лучше.

– Сейчас посмотрим... – провидица легонько вздохнула, закрыла глаза, напряглась. – Оба живы, и Нити их петляют стремительно вне угрозы попасть под ножницы Судьбы...

– Ы-ых-х-х... вы нас освободили? – капитан, наконец, вернул себе дар связной речи. – Кто это такие, откуда взялись эти отпрыски джунов?

– Долго рассказывать, – Головешка небрежно махнул рукой. – Скажи лучше, под твоим ли контролем орудийная палуба? Надо сделать так, чтобы к тем дорогим гостям, что уже на борту, не добавились их приятели.

– Сейчас узнаем, – командир «Огненной лилии» поднялся с колен, повернулся к помощнику: – Займись пока приборами, а этого, вон того, который жив, надо связать, да?

Даже раненный и обезоруженный пират внушал капитану страх.

– Свен, это на тебе, – велела Ульфа.

С помощью коротких переговоров через торчавшую из пола трубу выяснили, что в помещении с астральными пушками заперлись несколько членов экипажа, и пираты ворваться туда не успели. А затем у них, судя по воплям и могучим ударам, нашлись какие-то неотложные дела, и они даже оставили попытки вышибить дверь.

– Это Велигор до них добрался, – сказал Головешка. – Слава предкам, все неплохо. Давай, теперь мы попробуем определить, где расположен корабль Василя Алого, а твои парни пусть наводят пушки...

Сейчас, когда они знают, что рядом с «Огненной лилией» находится второе судно, есть шанс его обнаружить, несмотря на всю силу артефакта, именуемого Когтем Дракона. Объединив силу провидицы с его собственным магическим умением, можно попытаться засечь хотя бы колебания самого астрала там, где его

касаются отбирающие энергию паруса, углядеть те крошечные волны, что расходятся от работающего мана-реактора.

– Свен, ты пока на страже, – распорядилась Ульфа, и они занялись делом.

Головешка, отправив луч своего разума в астрал, на этот раз почти не испытал страха. Воспоминания о том, что произошло с ним, никуда не делись, как и уродливые отметины на теле, но сейчас он сумел на короткое время забыть о них, сосредоточиться на деле...

Если не найти чужой корабль, и не уничтожить, то через телепорт вдобавок к тем пиратам, что уже есть на «Огненной лилии», могут прибыть еще бойцы, и тогда начинай всю возню сначала.

– Есть! – в голоске Ульфы прозвучало торжество. – Сверху и сзади! Видишь?

Да, похоже, Головешка тоже нащупал врага – не корабль даже, а контур, намек на судно, несколько меньшее, чем их, с корпусом хищных очертаний, с большим количеством мачт и мощным двигателем.

Пока они искали, помощник встал за штурвал вместо убитого матроса, а капитан сумел оживить визор.

– Ну что, куда стрелять? – с азартным нетерпением спросил он.

– Для начала нужно слегка повернуть, неважно в какую сторону, вот так... – и эльф описал нужный маневр.

Командир «Огненной лилии» заорал в переговорную трубу, а помощник налег на штурвал. Корабль накренился, очень мягко, без рывков, и дрожь корпуса дала понять, что заработали орудия.

Там, где визор не показывал ничего, вспух цветок разрыва, полетели в стороны обломки, быстро пожираемые астралом.

– Ну, вот и славно, – Головешка позволил себе улыбнуться, после чего перевел взгляд на пирата со сломанной рукой. – А теперь мы поговорим с тобой, жалкий подонок. Есть вещи, о которых я хочу узнать больше.

Астральный разбойник задрожал.

– Я все скажу! Все! – воскликнул он. – Правду!

– Не сомневаюсь, – эльф указал на гибберлингку, суровую и внушительную, несмотря на малый рост. – Она вот способна отличить ложь от истины точно так же, как ты отличаешь вино от воды.

Угроза подействовала, и пират отвечал, не пытаясь хитрить.

Выяснилось, что на судне Василя Алого он был рядовым бойцом, и о планах командира знал немного. Последним портом, куда они заходили, оказался Плагат на Умоире, и вот там

капитан, по слухам, встретился с каким-то человеком, что и снабдил его не только талисманом, делающим корабль невидимым в астрале, но и координатами «Огненной лилии»...

Услышав об этом, Головешка вспомнил то, как за ними следили в Новограде.

Да, судя по всему, тот сутулый тип в черной рясе мог похвастаться не только странными желаниями, скрытностью и выдающимся колдовским умением, но и могущественными врагами.

– Чую темное облако впереди. Скрытное, – заявила Ульфа, когда пленник замолчал. – Опасности нет, но надо быть настороже.

Головешка махнул рукой:

– Это и так ясно.

Вскрикнул охранявший дверь Свен, но как оказалось – от радости.

Через мгновение в рубку ввалился Велигор, окровавленный, но гордый и довольный собой, как кабацкий завсегдатай, перепивший целую компанию друзей, а за ним Тронд, как обычно тихий и незаметный.

– К радости детей Света исчадий всех мы отыскали! – пробасил храмовник. – Обратить к истинной вере не удалось, но искры их примет Тенсес со всей его милостью...

Но тут неожиданно вмешался капитан, мрачный, несмотря на одержанную победу.

– Э, хм... – сказал он. – Спасибо, что помогли, но нам нужно управлять кораблем, а для этого исправить хранилище памяти. Без него... э, навигация сильно ну... затруднена.

– Но визор же работает? – спросил Головешка, указывая на ту стенку, где отображался астрал вокруг «Огненной лилии», в данный момент девственно пустынный.

– Ну и что? Мы видим, что рядом с кораблем, и только, – отозвался командир корабля. – Пространственные же ориентиры, расположение аллодов... все это пропало.

– Ты ведь сумеешь его починить? Правда? – спросила Ульфа. Капитан кивнул, но сделал это без особой уверенности.

Глава 6

Первыми на окраине городка их встретили собаки.

Обычные для Суслангера поджарые псины цвета песка, с черными спинами и острыми мордами начали облаивать чужаков издали, а когда те подошли ближе, пустили в ход угрожающий рык.

– Встречают без особого радушия, – сказал Расин.

– погоди, вот дело дойдет до хозяев этих животных, тогда ты узнаешь, что такое настоящее гостеприимство, – в голосе Эрэма прозвучала насмешка, и что-то еще не очень понятное, то ли горечь, то ли тоска.

Самую наглую собаку пришлось пнуть, чтобы свора немного отстала.

К этому времени они добрались до крайних со стороны пустыни зданий, одинаково неприветливых, похожих на башни с узкими окнами-бойницами. Дверь ближайшего открылась, и на крыльцо вышел человек в просторном желтом балахоне, с загорелым лицом под белым тюрбаном.

Он посмотрел на чужаков недружелюбно, сплюнул, но ничего не сказал.

– Доберемся до порта, и там поспрашиваем, не идет ли кто до Святой Земли. Спрашиваем, уж не сомневайся... – Эрэм вертел головой, блики гуляли по его металлическому лицу, походка была, как обычно, неуклюжей, но легкой. – Давно не посещал я эти места, но помню хорошо, что обитатели местные подозрительны и нравом суровы.

Миновали крошечную площадь, где располагались два постоянных двора, отличавшихся только вывесками и названиями – один именовался «Толстая кошка», другой хозяин, не особо выдумывая, обозвал «Приютом усталого странника» и украсил вывеску изображением кружки пива.

В порту царило затишье, из дюжины пар полозьев, к которым швартуются астральные корабли, были заняты лишь две.

– Ну и корыто, – сказал Расин, разглядывая ближайшее судно, что не разваливалось явно благодаря особой милости судьбы: корпус латаный-перелатанный, мачты кривые, рули выглядят так, словно их долго пытались сломать, но почему-то не довели дело до конца.

– Тем не менее, начнем с него, – и Эрэм решительно направился к трапу.

Расин двинулся было следом, но резко остановился, уловив за спиной шорох шагов и дыхание. Овернувшись, увидел

низкорослого, словно гибберлинг человека с непропорционально короткими ногами, бочкообразной грудью и огромной головой почти без волос.

– Я бы на вашем месте не стал этого делать, – голос его звучал глухо.

– Почему? – осведомился тоже остановившийся Эрэм.

– Старина Пламен не особенно любит гостей на борту, особенно незваных, – пояснил карлик, правая ладонь которого лежала на коротком кинжале в роскошно украшенных ножнах.

Великолепное оружие, и бедная, ношенная, ничем не примечательная одежда – подобное сочетание иногда встречается на Суслангере, и предельно четко говорит о профессии того, кто все это носит.

Свободный Торговец, ведущий свои дела в обход властей Империи, или вообще пират.

– Меня кличут Кoryто, и я в поселке нынче за старшего, – продолжил карлик. – Хотелось бы мне в свой черед, гости дорогие, узнать, кто вы таковы и что здесь ищете.

Оружия, помимо того же кинжала, видно не было, за спиной его не стояли могучие воины в броне, на крышах ближайших домов не прятались лучники, но карлик совершенно не боялся. Судя по позе, по выражению лица, по глазам, он чувствовал себя очень уверенно, хотя оставался один против двух чужаков.

Не прост человек, прозванный Кoryто, ух как не прост.

– Уж не благородную и исполненную достоинств невесту для моего спутника, – сказал Эрэм. – Нам нужно добраться до Святой Земли, и тут мы думали найти места на попутном корабле.

– Здесь? – спросил карлик. – А почему не в Суслангере?

Он имел в виду столицу аллода, расположенную на другом его конце.

Расин пожал плечами:

– Так уж вышло.

– Не нравятся вы мне, – Кoryто нахмурился. – Нам неприятности здесь не нужны. Сдается мне, у вас какие-то терки с властями Империи...

– А у вас разве нет? – поинтересовался Эрэм, подошедший к Расину и вставший к ним плечом к плечу.

– Не притворяйся идиотом, восставший, – карлик фыркнул. – Мы делимся с кем надо, и делаем такое дело, что иногда бывает полезно тому же Комитету или армии. Понимаю, что спрашивать ваши имена бесполезно?

– Спросить ты можешь, – разрешил Расин, нащупывая рукоять метательного ножа.

Убить Кoryто проще простого, но что затем?

Если он и вправду старший в поселке, а это похоже на правду, то их мало того, что не возьмут на борт корабля, так еще и объявят награду за две не особенно симпатичные головы... мотайся потом по пустыне с целой оравой разъяренных Свободных Торговцев за спиной.

Это вам не гарпии и даже не загадочный Молчун.

– Только вы правды мне не скажете, – Кoryто задумчиво потерев кончик носа. – Посмотрим, корабля подходящего сейчас все равно нет, так что предлагаю вам остановиться в «Толстой кошке», а пока вы там поживете, я попытаюсь разузнать, что к чему и не выгоднее ли вас самим прикончить и в пустыне закопать.

– А если мы захотим уйти? – спросил Эрэм.

– Если прямо сейчас, то валите на все четыре стороны, – карлик развел руками и осклабился. – Но вот если решите остаться и ждать корабля, то я вас честно предупредил.

«Куда уж честнее», – подумал Расин.

Если неожиданно выяснится, что за двоих чужаков можно выручить хоть какие-то деньги или заработать чью-то полезную благосклонность, то их мигом продадут с потрохами...

Но что делать?

Уйти, попытаться добраться до Суслангера и сесть на корабль там?

Это не только долго в силу того, что предстоит длинный и опасный путь через пустыню, а еще и рискованно потому, что в столице аллода точно есть соглядатаи Комитета, и они уже получили, ну или получают со дня на день приказ выглядывать невысокого, смуглого, жилистого мужчину тридцати шести лет, с темными глазами и русыми волосами.

Внешность у него, конечно, непримечательная, но все же...

Остаться здесь, под присмотром, а фактически под стражей?

Придется сидеть на месте неизвестно сколько, до момента, когда появится корабль, идущий на Святую Землю, и все это время ожидать, что тебе ударят в спину, чтобы убить или отдать тому же Комитету?

Да, хрен редьки не слаще.

– Нам нужно посоветоваться, – сказал Расин.

– А это сколько угодно, – согласился Кoryто, – хоть до завтра совещайтесь.

– Может быть, зачаровать его? – предложил Эрэм, когда они отошли на десяток шагов. – Сделать так, чтобы он забыл не только кто мы такие и что нам нужно, но и собственное имя, да, имя.

Расин пожал плечами:

– И чем это поможет? Попутного корабля все равно нет.

– Да, заклинание особенно долго не продержится, а затем он вспомнит все. Выходит, что в любом случае нам нужно селиться в этой «Толстой кошке» и ждать...

В поселке Свободных Торговцев, конечно, вскоре узнают, что на черном рынке нашли два трупа, только на телах не написано, что они принадлежат ищейкам Комитета. Кроме того, поножовщина на Суслангере дело обычное, а связать это убийство с двумя пришедшими из пустыни странниками будет не так легко.

– Да, давай рискнем, – и Расин, повернувшись к Кoryту, добавил: – Мы остаемся.

– Ну что же, – карлик осклабился, – мы всегда рады гостям, особенно денежным. Следуйте за мной.

Внутри постоялый двор смотрелся ничуть не лучше, чем снаружи – паутина и пыль в углах, ветхая мебель, немногочисленные постояльцы, выглядевшие так, словно они все до одного с тяжкого похмелья.

При виде Кoryта хозяин чуть ли не брюхом заелозил по земле, голос его задрожал от желания угодить. Комнату им выделили большую, угловую на втором этаже, денег, правда, при этом взяли как за роскошное обиталище где-нибудь в центре Незебграда, около резиденции Императора.

– В окно можно выпрыгнуть, – сказал Расин, когда они остались вдвоем. – Невысоко.

– Зато дверь хлипкая, плечом вышибешь, уж не сомневайся, – Эрэм вздохнул. – Сейчас укреплю ее заклинанием.

Он повел рукой вдоль косяка, и за ладонью восставшего потянулся след из бледно-зеленого пламени – кусочки его отлетали и впитывались в старые, растрескавшиеся от времени брусья и доски. Те заскрипели, словно вспомнили молодость, когда были частью дерева и гнали через себя животворный сок.

На мгновение возник контур, повторявший очертания двери, затем он с легким шипением исчез.

Расин тем временем проверил окно, убедился, что оно хорошо открывается и что внизу ничего нет. Если спрыгнуть, то окажешься в узком проходе между «Толстой кошкой» и соседним зданием, а дальше переулками можно рвануть прочь от центральной площади, либо в пустыню, либо в порт.

Глянув в ту сторону, где стояли корабли, увидел, что из астрала выходит еще один.

Небесная синева сгустилась, в ней возникло размытое темное пятно, начало уплотняться, расти. Словно пробив облачный свод, высунулся острый нос, показалась мачта с бессильно обвисшими

парусами.

Тут же на «берегу» забежали, засуетились непонятно откуда взявшиеся люди из obsługi порта. В обычном пространстве астральное судно может парить очень короткое время, а значит, его нужно как можно быстрее взять на канаты, пришвартовать и установить на полозьях.

С борта полетели, разворачиваясь, бухты троса, корабль развернулся боком.

– «Три года славы», – прочитал Расин. – Странное название.

– Ну, если меня спросить, то лучше три года, чем ничего, – напыщенно заявил Эрэм. – Готов поспорить на что угодно, скоро в «Толстой кошке» появятся люди с этого судна, желающие выпить, узнать новые сплетни с Суслангера и, в свою очередь, поделиться своими байками. Так что пойдем вниз, закажем чего-нибудь жидкого, и наострим уши.

– И заодно узнаем, как тут готовят, – добавил хадаганец.

Открыв глаза, Расин обнаружил, что он в комнате один.

Эрэм исчез, и демоны бы с ним, вот только странно, что он сумел уйти бесшумно, не разбудив соседа.

– Милость Незеба, – мрачно пробормотал хадаганец, думая, что в следующий раз он может проспать собственную смерть.

Конечно, до этого несколько суток спал урывками, вымотался за время перехода через пустыню, а вчера еще засиделись за полночь в компании капитана и двух его помощников с «Трех лет славы».

Баул стоял там же, где и вчера вечером, и то ладно.

Вздумай Эрэм оставить спутника, он бы прихватил поклажу с собой.

Спустившись вниз, Расин обнаружил скучавшего за стойкой хозяина, а за столиком в углу – могучего, поперек себя шире орка, деловито опустошавшего большой горшок с какой-то снедью.

– Чего изволите? – спросил владелец «Толстой кошки», прыщавый, с неприятным скользким взглядом.

– А что найдется поесть? – вопросом ответил Расин.

– Тыквенная каша с говядиной. Яичницу могу пожарить. Сыра немного осталось.

– Давай кашу, и воды кружку.

Вчера отведал местного пива, и решил, что уж лучше бы заказал лошадиной мочи.

Едва уселся, как входная дверь распахнулась, и внутрь зашли еще трое орков, и вот тут Расин слегка напрягся – там, где в большом количестве собираются эти могучие и буйные парни, не избежать шума.

А четверо – это вполне достаточно для того, чтобы разнести «Толстую кошку» по камушку.

– Эй, Мосол! – гаркнул один из вновь появившихся, рыжий, с ехидным оскалом во всю физиономию. – Как я рад тебя видеть! И парни тоже рады, видишь, чуть не плачут?!

Парни, больше похожие на ожившие скалы, обозначили радость угрюмым бурчанием.

– Ну так и я рад, – необычайно звонким голосом ответил тот орк, которого называли Мослом, отодвигая в сторону горшок. – И на радостях я могу даже спеть для вас. Хотите?

Предложение рыжего, похоже, озадачило, он на момент даже замер, выпучив глаза и отвесив челюсть.

– Э... чего изволите? Чего изволите? – появился рядом с тремя громилами хозяин.

– Отвали, насекомое, – махнул лапищей рыжий.

Мосол тем временем извлек из-под стола похожий на лютню инструмент, пробежал по струнам гибкими пальцами.

– Как-то раз один осел проиграл в гоблинобол, – пропел он, издевательски щурясь. – Проиграл он, проиграл, за деньгами побежал... На коленях он молил, но лишь фигу получил... Но и фига благодать, если что-то надо жрааааааать!

Последнее слово растянул на длину трех, да еще и подмигнул.

– Ты на что намекаешь? – спросил рыжий, сжимая кулачищи.

– Да ни на что не намекаю, – Мосол спокойно отложил лютню. – Говорю прямо. Безмозглый осел ты.

Общий зал «Толстой кошки» огласился яростным ревом, хозяин испуганной мышью юркнул за стойку. Трое ринулись вперед, но орк-певец ловко опрокинул стол и укрылся за ним, в руке у него оказался тяжелый табурет.

Рыжий бежал первым, он же первым и получил этим табуретом по голове.

Раздался короткий треск, в стороны полетели щепки, в руке Мосла осталась ножка.

– Гм, неудача, – констатировал он, подхватывая с пола лютню и бросая ее Расину. – Лови!

Тот сцапал инструмент на лету.

Слегка оглушенный рыжий остался стоять на месте, покачиваясь и вращая налитыми кровью глазами. Но двое его приятелей догадались обойти стол с разных сторон, и в воздухе замелькали тяжелые кулаки.

Брызнула кровь, Мосол отступил, шатаясь под градом ударов, которые он не успевал парировать. Странно, что он не попытался прорваться к двери и ускользнуть... хотя чего странного, это же

орки, чуть ли не любой из этого народа предпочтет умереть, но не отступить.

Рыжий встряхнулся, точно огромный кот, в лапище его появился кривой нож.

– Ну все, Мосол, ты покойник! – рявкнул он.

– Сомневаюсь, – низкий, грудной женский голос донесся с лестницы, ведущей на второй этаж.

На ступеньках стояла орчиха в штанах и кожаной безрукавке, едва сходявшейся на мощной груди. Талия ее была узка даже по человеческим или эльфийским меркам, зато широкие плечи и покрытые шрамами руки бугрились мышцами, а на лице застыло хищное выражение.

Булаву она держала с той небрежностью, что отличает мастера.

– Э? Что? – успел только спросить рыжий.

Орчиха легко перемахнула через перила, за спиной ее взметнулась русая коса. Пронзительный боевой клич зазвенел в ушах, заставил Расина поморщиться, а хозяина – спрятаться под стойку.

– Ыыы! – взревел рыжий, замахиваясь ножом.

С таким же успехом он мог ловить ветер решетом.

Орчиха, хрупкая и маленькая рядом с сородичами-мужчинами, поднырнула под удар. Выбросила вперед руку, и булава с обманчивой легкостью прикоснулась к виску рыжего.

Тот зашатался и опрокинулся назад, прямо на один из столов.

Толстые, в два пальца доски закрипели и не выдержали, с треском проломились. Орчиха, не обращая больше внимания на поверженного врага, бросилась туда, где Мосол продолжал отбиваться от двоих.

Он с трудом ворочал левой рукой, тяжело дышал, плюс заработал синяк под глазом, но пока держался.

Булава дважды подряд с тихим стуком соприкоснулась с затылком, два обеспамятевших тела упали на пол.

– Вовремя ты, – сказал певец, и принялся слизывать кровь с разбитых костяшек.

– Как всегда, – гордо заявила орчиха. – А где твой инструмент?

– Ну что, вы закончили? – вмешался в разговор хозяин, выбравшийся из-под стойки с готовым к стрельбе арбалетом в руках: на тетиву он наложил толстый болт, способный сбить с седла паладина в доспехах, ну и тем более продырявить даже самого толстошкурого орка. – Так-так-так, посмотрим, и кто мне за все это заплатит? А ну-ка?

– Могу и я, – великодушно пообещал Мосол. – Только осмотрю их карманы. Инструмент в порядке, вон у него на хранении... – и он махнул ручищей в сторону Расина.

Тому достался подозрительный взгляд орчихи.

– И не забудь мусор выкинуть, – велел хозяин, наблюдая за тем, как певец сноровисто обшаривает поверженных сородичей. – Прямо во двор, только в тенечек... Иначе поджарятся.

Ну да, солнышко Суслангера – штука опасная.

– Где мой завтрак? – осведомился Расин, когда певец и орчиха выволокли сородичей за дверь.

– А, да, сейчас принесу, – и хозяин, оставив арбалет на стойке, исчез на кухне.

Вернувшись, притащил горшок, из которого пахло распаренной тыквой и горячим мясом. Бухнул рядом запотевший кувшин с водой и глиняную кружку с обгрызленным краем.

– Нам тоже пить охота, – заявил Мосол, возвращаясь. – Поддай вон туда!

И указал за тот стол, где сидел Расин.

– Мое имя ты слышал, – заявил певец, опускаясь на табуретку напротив хадаганца. – А это моя жена, ее зовут Кость, и она женщина скромная и миролюбивая... почти всегда.

Он игриво подмигнул супруге, а та показала мужу татуированный язык.

– Очень рад, – сказал Расин, пододвигая лютню владельцу.

Собственного имени, даже вымышленного, которым пользовался на Суслангере, он не назвал – в конце концов, он этим оркам ничего не должен, а если его сочтут грубияном, то невелика беда.

– Ты сохранил мой инструмент, – продолжил Мосол как ни в чем не бывало. – Говорю прямо – спасибо, и если хочешь, то я готов порадовать тебя песней. Какой угодно. Выбирай.

– Нет, я предпочитаю тишину, – покачал головой Расин.

Возникло подозрение, что эти двое подсели к нему не просто так, что им что-то нужно... Нет, невозможно, орки не самые большие мастера обмана, и если бы хотели его убить или схватить, то сразу бы взяли быка за рога, а не стали бы ходить вокруг да около.

– Не обижай моего мужа, человек, – сказала Кость, и в темных глазах ее заблестели искры гнева.

– Не злись, дорогая, – певец положил руку супруге на плечо, легонько погладил. – Если гора не идет к шаману, то и слава духам... Выберу сам, – и он ударил по струнам. – Выходило солнце на небосвод, ударяли ветра с четырех концо-ов! Зажигался огонь на кургане степном, выезжали к нему добры молодцы-ы!

Каждый весел, удал и в сражение бодр, испытания жаждет и продвига-а!

Расин знал эту песню, как знал ее всякий, кто хоть раз сражался в одном строю с орками – «Балладу о Черепе» потомки великого вождя-завоевателя исполняли чуть ли не каждый день. Отличалась она длиной, бесчисленным количеством восхвалений обожаемого предка и слезливым рефреном.

А прервать Мосла сейчас значит и вправду нанести ему серьезное оскорбление.

И дерись потом с этой парочкой.

Но певец неожиданно остановился сам, когда входная дверь открылась, и через порог шагнул Эрэм.

– Вот и мертвяк, – заявила Кость. – Не нравится он мне, хоть убей.

– А, вы познакомились, – сказал восставший, подходя к столу. – Отлично.

– Они тоже отправятся с нами? – осведомился Расин, хотя уже знал ответ.

Хуже не придумаешь – сначала ходячий труп, некромант из племени Зэм, потом двое вонючих полудиких орков, и все это придется терпеть неизвестно сколько времени. Отказаться бы, но поздно, да и возможности такой у него нет – Комитет дышит в спину.

Мосол радостно подмигнул:

– Еще как отправимся! Тебя хоть как звать-то?

– Игш.

Настоящее имя спутника-человека им знать не стоит, даже фальшивое доверять боязно – слишком уж болтливы, не по глупости даже, а просто из-за отсутствия осторожности.

– Я тут сходил, пообщался с кое-кем из своих знакомых, – сообщил Эрэм, усевшись. – Сегодня ночью должен быть корабль, он остановится на очень короткое время, и может нас забрать... Обойдется это правда очень недешево, – и он назвал сумму, заставившую Мосла недовольно крикнуть, а Кость – отпустить грязное ругательство.

– А твои знакомые не боятся вызвать недовольство Корыта? – спросил Расин.

– Дело можно будет провернуть так, что он ничего не узнает, уж не сомневайся, – восставший радостно потер ладони. – А когда узнает, скажем, завтра, будет поздно и он нам ничем уже не помешает, ничем не помешает.

Дверь «Толстой кошки» открылась снова, и внутрь шагнул карлик.

– Упомянешь дерьмо, вот и оно, – пробормотал Мосол, но

сделал это вполголоса.

Корыто бросил на них подозрительный взгляд, и направился к стоявшему за стойкой хозяину. Тот затараторил быстро-быстро, размахивая руками, показывая на сломанный стол, разбитые в щепу табуреты.

– Лучше бы, чтобы нас не видели вместе, но уже поздно, – сказал Эрэм. – Остановились вы тут же?

– Ну да, – ответила Кость.

– Тогда идите к себе, – велел восставший. – К вечеру я сообщу, что, как и когда.

– Спасибо за то, что сохранил мой инструмент во время драки, – заявил Мосол, поднимаясь, и даже похлопал Расина по плечу огромной ручищей. – Если что, я в долгу.

– Я запомню, – поддержал хадаганец игру, рассчитанную на Корыто.

Пусть лучше карлик думает, что пару орков с ними связывает лишь случайное знакомство.

Мосол и Кость поднялись по лестнице, хлопнула закрывшаяся за ними дверь. Корыто что-то велел хозяину и, раскачиваясь на коротеньких ножках, двинулся туда, где сидели Расин и Эрэм.

– Доброго утра, – сказал он. – Хотя для вас оно скорее веселое.

– Видали и повеселее, – настороженно заметил восставший.

– Не сомневаюсь, – глаза карлика оставались холодными, напоминали два обледенелых камушка. – Да, я получил кое-какие сведения, и после этого вы мне стали нравиться еще меньше, чем раньше... Поэтому не удивляйтесь, если за каждым вашим шагом в нашем поселке будут следить. Если хотите нас покинуть, то скатертью дорога. Сами видите, что я играю честно.

С одной стороны, он мог бы, конечно, и не сообщать, что за чужаками установят надзор. С другой, есть вероятность, что истинная цель разговора – вынудить подозрительных типов задержаться, проявить себя, и с этой точки зрения не очень удачно, что нужный корабль приходит сегодня ночью.

Эрэм кивнул:

– Мы ценим это, но думаю, что останемся. Ведь так? – и он поглядел на Расина.

– Да, – подтвердил тот.

Корыто еще несколько мгновений постоял рядом, теребя кончик носа и переводя взгляд с одного на другого. Затем кивнул на прощание и вернулся к стойке, где выпил одну за другой две кружки пива.

– Как думаешь, он говорил правду? – спросил Расин, когда карлик наконец покинул «Толстую кошку».

– Это легко проверить. Выгляни наружу.

Выброшенные с постоянного двора орки успели очухаться и убрести куда-то, зато у самого крыльца, в тенечке, скучали двое юнцов – банданы на головах, ножи на поясах, внимательные, цепкие глаза и ладони, намозоленные вовсе не лопатами. Один из них даже помахал Расину, второй не оторвался от апельсина, который сосредоточенно чистил.

И третий наверняка караулит под окном, чтобы «птички» из клетки не выскользнули.

– Ну что? – спросил Эрэм, дождавшись возвращения соратника. – Увидел?

Расин кивнул.

– Это даже хорошо, что они высунулись сейчас, – продолжил восставший. – Высунулись совершенно зря, как убедятся этой же ночью...

День Расин потратил на то, чтобы отоспаться.

Поднялся только в сумерках, ощущая себя не только отдохнувшим, но зверски голодным. Успел поужинать в компании все того же экипажа с «Трех лет славы» и его громогласного капитана.

Эрэм заявился как раз в тот момент, когда дело дошло до бак, а на стол водрузили очередной бочонок с пивом.

– Иди сюда, трупак! – завопил командир «Трех лет славы». – Хлебни живой воды!

– Думаешь, она мне поможет? – сделанное из металла лицо восставшего осталось невозмутимым, но голос выдал насмешку.

– Кто знает, а вдруг? – и капитан заржал, точно свихнувшийся жеребец.

Эрэм кивнул и прошел наверх, в комнату, Расин остался сидеть за столом.

План действий на вечер они обговорили еще утром и, судя по отсутствию условного знака со стороны восставшего, корректив на данный момент он не требовал. Вечер сменится ночью, та слегка заматерее, а тогда придет время действовать.

Пока можно делать вид, что ты сидишь и дуешь пиво, и никуда не собираешься.

Судя по словам капитана, за день в порту появился один новый корабль, прямиком с Кватоха, и встал на ремонт. Латаная посудина, которую Эрэм с Расином видели вчера, ушла в рейс, до отказа нагруженная контрабандным товаром.

– И тут она ему и говорит... что-то маловат он у тебя, и не гoblin ли ты, милоч?! – закончил очередной анекдот старший помощник, и его приятели дружно захихикали.

Расин, упустивший смысл рассказа, выдавил из себя улыбку.

Отставив кружку, откуда за весь вечер сделал пару глотков, отправился к входной двери. Не забыл изобразить слегкавихляющую походку, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что он пил.

Соглядатаи, может быть те же, что и утром, может быть другие, во мраке не разглядел, оказались на своих местах. Ветер усилился, судя по песчинкам, что секли кожу, и по тому, что с запада, пожирая звезды, напозало серое марево, вскоре разразится песчаная буря.

Интересно, Эрэм и ее учел в своих расчетах?

Расина без особой назойливости, но и не скрываясь, проводили до отхожего места и обратно.

– Пр-ринести вам пива? – спросил он, поднимаясь на крыльцо.

– Спасибо, обойдемся, – ответил один из соглядатаев.

Пока хадаганца не было, в зал спустились Кость и Мосол, сидели в компании нескольких сородичей, может быть тех самых, с которыми дрались утром, а хозяин тащил к столу орков блюдо с жареным поросенком.

Певец подмигнул Расину и отвернулся.

В зале пришлось высидеть почти до полуночи, выдержать зрелище унылой драки меж пьяными до изумления посетителями «Толстой кошки». Проигравшего выкинули наружу, а победитель вернулся за свой стол, где тут же и уснул, рухнув мордой в грязную тарелку.

Старший помощник капитана «Трех лет славы» все порывался сделать то же самое, а сам командир корабля пытался в третий раз пересказать историю о том, как он соблазнил эльфийку.

Когда орки поднялись и дружной компанией двинулись к выходу, Расин понял, что ему пора.

– Ну все, я пойду, – сказал он, поднимаясь из-за стола.

– Куда? Не пушу! – капитан попытался схватить собутыльника, но зацепил только воздух, и едва не свалился со стула.

А Расин уже поднимался по лестнице.

В их с Эрэмом комнате было темно, сам восставший стоял у окна и вглядывался наружу. Доносился гул мчащегося над пустыней ветра, дребезжали плохо закрепленные в раме стекла, скреблись по ним песчаные лапы бури.

– Наши большие, но не очень умные друзья не забыли, что им надлежит делать? – поинтересовался Зэм.

– Нет. Они уже снаружи.

Кость и Мосол вышли из «Толстой кошки» в компании

сородичей, и якобы отправились в гости. Их задача на самом деле вывести из строя тех двух ищек, что наблюдают за крыльцом, и сделать это тихо.

Расин видел орков в деле, и не сомневался, что они справятся.

Остается третий, что хоронится сейчас внизу, спрятавшись за углом от ветра, да еще возможные люди Корыта в соседних номерах.

– Тогда пора действовать, – и голову Эрэма окутало облако лилового сияния.

Расин не знал, какое именно заклинание пустил в ход восставший, догадывался лишь, что оно позволит заглянуть за тонкие стенки, проверить, есть ли кто в помещениях по соседству, и если есть, то чем занят. Если обнаружится, что их подслушивают, то придется принять меры, а значит, прибегнуть к глушащим звуки чарам.

Фиолетовое свечение выпустило лепестки, превратившись в некое подобие цветка размером с голову человека.

– Чисто... – выдохнул Эрэм. – Вперед!

Расин подхватил с кровати заплочный мешок, заранее упакованный и завязанный, шагнул к окну. Распахнул его, ветер протиснулся внутрь, пробежался по волосам, заметался по комнате, в лицо ударила горсть песка, такого горячего, словно его разогрели на жаровне.

– Вон он, вижу его! – восставший почти кричал, перекрывая рев бури. – Сейчас!

Черная тень шевельнулась внизу, Расин с трудом различил полощущийся на ветру плащ, скрывший лицо капюшон. Сейчас по соглядатаю хлестнет плетъ заклинания из богатого некромантского арсенала, заставит его немного сомлеть... ага, вон он покачнулся!

Хадаганец прыгнул через подоконник.

Приземлился мягко, и кинулся к человеку в плаще.

Тот уже начал приходить в себя, даже вскинул руку, пытаясь защититься от выпада ножа. Но тот оказался обманным, Расин скользнул противнику за спину и ударил его по затылку рукоятью.

Сегодня нет смысла кого-либо убивать... для чего злить Свободных Торговцев?

Аккуратно уложив оглушенного соглядатая на песок, распрямился и помахал в сторону раскрытого окна. Эрэм выпорхнул наружу словно гигантская уродливая летучая мышь с баулом в одном из крыльев, и позади него поползла, вставая на место, рама, а за ней вторая.

Если у Корыта нет под рукой мага, то ему придется поломать голову над тем, что тут случилось.

– Готов, милостью Незеба, – сказал Расин, когда восставший приземлился рядом.

– Отлично, – одобрил тот, вешая баул на спину. – Вперед, не медлим.

Они оставили «Толстую кошку» позади, скользнули в щель между домами. Сердито запищала бросившаяся из-под ног крыса, проплыла мимо мусорная куча, запах которой не могла унести даже буря.

По улице, куда они выскочили, гуляли песчаные вихри, сталкивались и рассыпались, возникали снова. Небо, как казалось, висело над самыми башнями поселка Свободных Торговцев, видно было в лучшем случае метров на пятнадцать, дальше очертания домов расплывались.

Чуть дальше, рядом с мастерской оружейника, их должны ждать орки.

Ага, вон шевельнулась у стены массивная фигура, и рядом с ней можно разглядеть и вторую, поменьше.

– Надо же, не опоздали, – буркнул Эрэм. – Эй, тихо! Свои! Свои!

Последние несколько слов предназначались для орков – Кость, едва заметив во тьме подозрительное шевеление, схватилась за метательный топор, а Мосол потянулся к висевшему на поясе боевому молоту.

– А, это вы, – сказал он, убирая ладонь от оружия. – Мы тех ребят уконтрапупили. Они и не ждали атаки-то, даже и не пикнул никто... теперь отдыхают оба, в темном переулке.

– Никто вас не заметил? – спросил Эрэм.

Кость презрительно сощурилась:

– Обижаешь, дохлятина!

Она была увешана оружием, точно елка шишками – булава, меч, кинжал, да еще и метательные топоры, так что куда более крупный муж рядом с ней выглядел очень мирным орком.

– В такую бурю все по домам сидят, прямо говорю, – добавил Мосол.

– Будем надеяться, что так и есть, – сказал восставший и повел остальных в сторону порта – вновь какими-то закоулками, между глухих стен, мимо выгребных ям и заброшенных складов.

Насчет того, что он ранее бывал в поселке, Эрэм не обманывал.

Насчет прочего... тут у Расина не оставалось сомнений, что спутник не говорит им всей правды. Зэм наверняка знал больше и о нанимателе, и о том, что ждет впереди, в той пирамиде, что

прячется посреди джунглей Асээ-Тэпх, вот только делиться этими сведениями не спешил.

В порту, несмотря на ночь и бурю, царила оживленная суэта.

Не обращая внимания на ветер и клубы песка, грузчики бегали по сходням, выволакивая ящики из чрева большого, похоже что совсем недавно пришвартовавшегося судна. Работали при свете магических ламп, не гаснувших даже при самых сильных порывах, в моменты затишья доносились раздраженные окрики старших.

Четверо незваных гостей затаились во мраке позади ближайшего к кораблю строения.

– Это твой? – спросил Расин.

– Нет, ни в коем случае, – отозвался Эрэм. – Они придут позже, во тьме и тишине. Проклятие, а этого зачем сюда принесло?

Среди командовавших разгрузкой людей появился Кoryто, благодаря уродливой фигуре заметный издалека.

– Ну как же, – влез в разговор Мосол. – Этого коротышку все Свободные Торговцы знают, он тут все в кулаке держит, без него ни подтереться, ни соплю наземь высморкать. Шишкан на ровном месте.

– Может быть, пора этот шишкан срезать? – спросил Расин, нащупывая рукоять метательного ножа.

Давно не чувствовал такого раздражения – хотелось прикончить в первую очередь даже не Кoryто, а спутников, проклятую нелюдь, что недостойна даже дышать одним воздухом с настоящим человеком.

Ходячий труп, умеющий колдовать, всегда себе на уме, и пара тупых животных-орков, причем самец еще и любит издавать громкие звуки, именую это пением, а самка просто бешеная.

Отличная компания, нечего сказать.

– Спокойно, не суетись, – сказал Эрэм. – Они заканчивают, уж не сомневайся.

И точно, суэта вокруг корабля потихоньку затихла.

Ушагал прочь важный Кoryто, сопровождаемый оживленно спорившими людьми в роскошных тюрубанах и халатах. Начали расходиться грузчики, один за другим погасли магические светильники, остались только четыре: на носу, корме, у подножия спущенного на берег трапа и там, где он касался борта.

Так же были помечены и остальные пришвартованные в порту корабли.

Чтобы новое судно, что явится из астрала в ночную пору, не попыталось причалить к занятому месту.

Они зевали и переминались с ноги на ногу, буря продолжала

бесчинствовать, вышвыривая тонны песка за край аллода, в пустоту. А Расин нервничал все больше и больше, ждал, что вот-вот поселок охватит суета, загорятся факелы, и люди Корыта бросятся разыскивать беглецов.

Для этого достаточно, чтобы очухался любой из оглушенных соглядатаев.

А долго ли они проваляются без сознания?

– Есть! – неожиданно воскликнул Эрэм, указывая туда, где во мраке обозначилось еще более черное пятно.

Небольшое изящное судно выскочило из астрала точно прыгнувшая лягушка из воды. Закачалось под ударами ветра, от отведенной для них халупы побежали швартовщики, сердито размахивая руками.

Наверняка они еще и ругались, но слова уносила буря.

В свете магических огней проплыл черный лоснящийся борт, корабль мягко опустился на полозья и замер, развернутый носом в сторону края аллода. Поехали вниз сходни, по ним спустился некто высокий и худой, в плаще и скрывающем голову капюшоне.

Фигурой этот тип походил на нанимателя, хотя быть им точно не мог.

– Разгружаться они не станут, только возьмут товар и отчалият, так что нам пора, – сообщил Эрэм, когда сошедший с судна незнакомец расплатился со швартовщиками, проводил их до халупы, и утопал куда-то во тьму.

Подозрения одолели Расина с новой силой – откуда восставший все это узнал?

Когда выбрались на открытое место, ветер налетел с новой силой, вцепился в одежду. Даже могучим оркам, судя по раздраженному ворчанию, это не понравилось, хадаганца же чуть не сбило с ног.

Очутившись у трапа, с удивлением почувствовал касание к левому плечу.

– Фьюти-фьють, – сказала ему прямо в ухо черная птичка с алыми пятнами на крыльях, и затрепыхалась, пытаясь сохранить равновесие.

Доказательство, исчезнувшее вскоре после того, как они увидели поселок Свободных Торговцев, объявилось вновь и, похоже, собиралось вместе с остальными покинуть пределы Суслангера.

Расин поднял руку, чтобы стряхнуть с плеча надоедливую тварь, но почему-то этого не сделал.

Глава 7

Берег, на котором лежала «Огненная лилия», выглядел на редкость неприветливо.

Гряды округлых холмов без малейшего следа растительности уходили в глубь суши, там и сям из почвы цвета подсохшей блевотины торчали серые, покрытые лишайником скалы. На горизонте виднелась линия гор, судя по отсутствию снега на вершинах, не особенно высоких.

– Да, вот уж приплыли, – заявил Головешка, оторвавшись от созерцания пейзажа. – Осталось только понять, куда именно.

– Скажите спасибо, что вообще до земли добрались, – огрызнулся капитан. – Поврежденный визор годится только для того, чтобы навеки сгинуть в недрах астрала! Мы же выбрались! – и он надулся одновременно от гордости и обиды.

– Так значит это точно Святая Земля? – с благоговением в голосе уточнил Велигор.

– Истинно, – отозвалась Ульфа.

Исключительно благодаря гибберлингам корабль не сбился с курса окончательно – весь остаток пути после схватки с пиратами кто-то из провидцев постоянно находился в рубке и помогал вести «Огненную лилию».

– До сих пор мелкота не ошибалась, слава предкам, – пробормотал Головешка. – Напоминает плато Коба, в Асээ-Тэпх должно быть жарче, в Эльджуне – сильно холоднее.

– Ну да, похоже, так и есть, что мы чуть севернее островов Бессилия, – сообщил капитан. – Мы попробуем починить хранилище памяти, в обычном пространстве это сделать легче, а если не получится, то двинемся на север вдоль края аллода, не быстро, зато надежно. Рано или поздно мы доберемся до порта, где есть мастерская, и нам уж точно помогут.

– И сколько это займет времени? – спросил Головешка.

Откровенно говоря, ему до астральных демонов надоело болтаться внутри астрального же корабля – гоблинский самогон приелся, гриб-симбионт высох и издох, выбросив облако бесполезных спор, а больше ничего интересного у обитателей трюма не нашлось.

– Ну... если сутки отвести на попытку ремонта своими силами... затем пять плюс два примерно... или три? – командир «Огненной лилии» прикинул что-то на пальцах. – Если ничего опасного не встретим, то дней через десять-четырнадцать мы доберемся до благословенных берегов Асээ-Тэпх.

– Десять-четырнадцать? – Головешка присвистнул.

Сам он на Коба и вообще на Святой Земле ранее не был, но знал о ней достаточно – само плато при удаче можно пересечь с востока на запад дней за пять, а пирамида, если верить карте, находится неподалеку от границы Асээ-Тэпх, чуть южнее мертвого города Миктлан.

И всяко на суше будет веселее, чем внутри этой посуды.

– Я хочу высадиться здесь и отправиться дальше по суше, – сказал Головешка, повернувшись к Ульфе.

Нет, гибберлинги за проведенные в их компании дни не стали эльфу симпатичнее – мелкие, не особо умные, потешные зверьки, годные большей частью лишь для того, чтобы развлекаться за их счет.

Но он научился уважать их провидческий дар.

– Сейчас... сейчас... – гибберлингка напряглась, как всегда в те моменты, когда пускала его в ход. – Нити вьются кудряво, Полотно само по себе смято, точно по нему прошла нога Судьбы... но дыр и разрывов впереди я не вижу... что двигаться через астрал, что этими землями, все одинаково.

– Ага, – подтвердил Свен, а Тронд, специалист по мрачным пророчествам, кивнул.

– Тогда высаживаемся, – решил Головешка. – Давай, святоша, шевели брюхом! Выводи свою животину!

Велигор оскорбленно заворчал, но возражать не стал.

– А ты, – эльф повернулся к капитану, – снабдишь нас водой и провизией. Понимаешь?

Командир «Огненной лилии» закивал, не пытаясь скрыть облегчения: вот уж радость ему будет, избавиться от пусть и полезных в бою, но уж больно наглых и беспокойных пассажиров.

Ездовой лев, которого хозяин от великого ума назвал Пожирателем Грехов, легко сбежал по прогнувшемуся под ним трапу. Оказавшийся на твердой земле храмовник бухнулся на колени и принялся бить поклоны, размахивая руками и бормоча что-то неразборчиво-благочестивое.

– С ума сошел, не иначе, – сказал Головешка, и потащил за собой неожиданно заартачившегося Валуна.

Гибберлинги, как всегда державшиеся кучкой, покинули «Огненную лилию» последними.

– Воистину святое место это! – Велигор вскочил на ноги, дернул себя за бороду. – Всемогучий Тенсес осиял ее своим присутствием, и свет предвечный льется через твердь! Чувствую сие всей душой, что открывается подобно цветку полуденному во мраке ночном...

– Пусть осияет еще и твою животину, – вмешался Головешка. – Ей везти четверых.

Пожиратель Грехов, судя по недовольному ворчанию, понял, о чем идет речь.

– Не называй его так! – храмовник насупился, как сердитый ребенок: мало того, что прервали в самом начале выпендренной речи, так еще и любимого «котенка» обижают. – Ибо он как брат мне!

– Да хоть как сестра, – эльф забрался в седло, поправил висевший на поясе меч. – Поехали уже.

Лев со шкурой цвета расплавленного золота и рыжей гривой могуч, трое гибберлингов весят раза в два меньше, чем Велигор, так что зверь не должен заметить дополнительного груза. Кроме того, мешки с вещами и бочонок с водой погрузили на Валуна, так что позади Головешки образовалась настоящая гряда.

Копыта застучали по твердой, точно камень почве, поплыл назад лежавший на днище корабль.

Швартовка и отчаливание без полозьев и тросов – вещь не очень желательная, поскольку есть большой риск получить пробоину, но все же возможная и для опытного капитана с вышколенной командой выполняемая.

Когда забрались на вершину ближайшего холма, стало ясно, что они действительно на Святой Земле – из расщелины в ложбине меж двух бугров поднимался метров на десять столб ярко-синего пламени, покачивался из стороны в сторону, выбрасывал искры.

– Место силы, – сказала Ульфа. – Вон там еще одно! Смотрите!

Далеко на северо-западе виднелся еще один такой же столб, третий полыхал у самого горизонта.

– Надеюсь, что эти штуки не опасны, провалиться им всем в астрал, – Головешка оглянулся туда, где у края обрыва, ведущего в никуда, в бездну, осталась «Огненная лилия» и суетились вокруг нее матросы. – Что говорит об этом твоя религия, храмовник?

– Это воплощение благой мощи Тенсеса, льющейся на радость детям Света! – объявил Велигор. – Только исчадия неразумные, погруженные во тьму неверия и невежества, могут опасаться ее!

– Готов объявить себя таким исчадием, но подъезжать ближе мне отчего-то не хочется, – и эльф натянул поводья, направил скакуна так, чтобы огненный столб остался в стороне.

Они ехали без особой спешки, горы понемногу приближались, а он все пытался вызвать из недр памяти карты плато Коба, виденные много лет назад, еще в той, прошлой жизни.

Ранее и Лига, и Империя держали тут свои военные силы,

пусть не очень большие. Форт под стягом Кании находился на севере, у Полуночного берега, укрепленный лагерь хадаганцев на юге, между Каменной пустошью и Зыбучими песками, и давние враги не упускали случая пустить друг другу кровь.

Сейчас, после масштабной войны и совместного похода против демонов, когда обе стороны значительно ослаблены и царит шаткий мир, оба форпоста наверняка ликвидированы. Но это не значит, что плато Коба обезлюдело – здесь полно всякого лихого народа вроде охотников за артефактами, оставшимися со времен, когда этими землями владели Зэм.

Если капитан не ошибся, и они в самом деле причалили севернее островов Бессилия, то впереди, за горами, их ждет Стол Великанов, равнина, где Тэп, величайший гений и злодей в истории восставших, по преданию сражался с собственными сородичами, один против многих тысяч...

Места, честно говоря, не самые гостеприимные и безопасные.

О том, что творится там, рассказывали откровенные нелепицы, и половине их Головешка не верил.

– О, смотрите! – сказал Велигор, поднимая руку.

На севере, хорошо различимый на фоне светлого неба, поднимался столб дыма.

– Мы тут не одни, – подтвердила Ульфа. – Чужие Нити свиваются вокруг наших. Истинно!

– Не могла бы ты говорить более конкретно, чтобы польза была? – спросил Головешка. – Например – вон за тем холмом нас ждут пятеро лучников, двое стреляют так себе, но остальные опасны.

– Нет, не могла, – отрезала гибберлингка. – И не думаю, что кто-либо сможет.

Эльф только плечами пожал.

Валун поднялся на очередной холм, мгновением позже там оказался Пожиратель Грехов.

– А это еще что, помилуй нас Тенсес? – спросил, не удержавшись, Велигор.

В похожей на огромную чашу ложбине располагался оазис – пятючок зеленой травы, раскидистые деревья с висящими на ветках желтыми и алыми плодами, круглое озеро из чистой воды, и на берегу его ветер колышет большие цветы, голубые, как небо, и белые, словно облака.

Посреди бесплодных земель это выглядело дико.

– Это опасно, – заявил Тронд. – Ловушка!

– Засада? – удивился Головешка.

Укрыться, даже если ты ростом с гибберлинга, в оазисе негде – листва не такая густая, так что кроны просматриваются

насквозь, стволы не особенно толстые, не спрячут. Если только нырнуть в озеро и залечь на дне, но в таком случае не сможешь использовать лук или арбалет.

– Не очень понятно, что там такое... – Ульфа, что странно, выглядела неуверенной. – Удивительно...

– А давай посмотрим, – предложил Головешка. – Но будем очень осторожны.

– Давай-давай, – в кои-то веки поддержал эльфа храмовник. – Красота истинная! Может ли она таить в себе зло?

Ни конь, ни лев, судя по их поведению, опасности не чувствовали.

Когда подъехали ближе, стал ощутим сладкий аромат цветов, такой сильный, что у Головешки закружилась голова. Перед глазами помутилось, и он, сам не соображая, что делает, натянул поводья так резко, что Валун встал на дыбы и возмущенно заржал, молотя воздух копытами.

– Стой! – собственный голос показался хриплым, словно карканье вороны.

Велигор словно оглох, даже не повернул головы, хотя Свен потряс храмовника за плечо. Зато услышал Пожиратель Грехов, он уперся лапами в землю и, распахнув огромную пасть, глухо зарычал.

По траве, деревьям и озеру прошла рябь, и оазис с глухим чавканьем двинулся с места, пополз в их сторону.

– Ничего себе! – воскликнули гибберлинги хором, а Головешка решил, что у него галлюцинации.

Но нет, пятно зеленой травы со всеми цветами, плодами и прочим целеустремленно двигалось, как громадный слизняк. Дурманивший аромат наплывал волнами, мысли путались, очень хотелось выпустить поводья, расслабиться, выпасть из седла.

Очнуться Головешке помог страх, что эта тварь его одолеет.

Немного оклемавшись, он пустил в ход силу, к которой мог обращаться даже пьяным – огонь. Стена алого пламени встала на пути движущегося оазиса, потянуло горелой плотью, и тут же стало легче.

– Давай, святоша! Просыпайся! – завопил эльф, пришпоривая Валуна.

Пожиратель Грехов огромными скачками помчался следом за конем – в сторону и вверх по склону, подальше от того, что маскировалось под пяточок зеленой травы с деревьями и озером.

На вершине холма, куда они взбирались, из травы поднялась темная фигура, рядом с ней вторая, третья.

«Вши-и-и-и-их!» – свистнуло рядом с ухом Головешки, и он не сразу понял, что это стрела.

Лев взревел так, словно ему прищемили дверью хвост, и мигом оказался впереди. Посыпались с седла гибберлинги, покатались в стороны пушистыми белыми шариками.

– Рази нечестивцев! – завопил очнувшийся-таки от дурмана Велигор, потрясая копьём, и над головой у него засиял ярко-синий нимб Покровителя.

– Рази, – согласился Головешка, вытягивая из ножен меч.

Очень хотелось знать, с кем они столкнулись, но пока смог лишь определить, что враги малы ростом.

Новая стрела вонзилась в бок Валуну, и тот сбился с ходу, едва не полетел кубарем. Эльф с трудом удержался в седле, брошенная молния бесполезным образом ударила в землю.

– Слева! – завопил, судя по тонкому голосу, один из гибберлингов.

Вновь подал голос Пожиратель Грехов, и на этот раз в его реве слышалась кровожадная радость.

– Свет с нами! – вторил любимцу Велигор.

Головешка наконец справился с обезумевшим от боли конем и, наклонившись, выдернул стрелу. Провел ладонью над раной, и та закрылась, перестала кровоточить, а Валун – дергаться.

Только после этого эльф окинул взглядом поле боя.

Неведомому противнику, кем бы он ни был, стало не до луков после столкновения с храмовником и его зверем... там все хорошо, а вон гибберлинги отбиваются от полудюжины мелких, но шустрых и гибких существ, немного похожих на уменьшенных и исхудавших орков.

Ага, понятно, гоблины, но откуда они тут взялись и почему напали?

Вопросы Головешка отложил на потом, он дал шпоры и ринулся на помощь Ульфе и ее братьям.

– Ай-вай! – завизжал гоблин, получивший огненный шар прямым в спину.

Второй попытался отскочить, но меч, зажатый в эльфийской руке, отделил ему голову от тела. Третий отвлекся на миг, и этого хватило, чтобы Свен вонзил кинжал врагу в не защищенную кольчугой шею.

Но что странно, оставшиеся даже не попытались бежать, с визгливыми криками ринулись в контратаку.

– Вот куда прете, недоростки? Ума лишились? – презрительно осведомился Головешка.

Отбил чужой удар, нацеленный в бок, ответным выпадом проткнул гоблина насквозь. Краем глаза отметил, что другого гибберлинги взяли аж в два клинка, и слегка повернул кисть, нанося удар по голове последнему.

Удар пришелся плащом, круглый шлем из плохого железа зазвенел, точно колокол. Его обладатель покачнулся, руки его упали плетями вокруг тела, а потом он и сам свалился.

– Зачем ты его пощадил? – воскликнул Свен, подсакивая и занося кинжал.

– Стой! – одернула брата Ульфа. – Надо же кого-то допросить?

– И то верно, – согласился Головешка. – Узнаем, чего они хотели и что здесь творится. А то наш благостно-добрый святоша ведь всех прикончил, а кого не прикончил, тех его Пожиратель пожрал... к вящей славе Тенсеса, наверное. Пока свяжите ему руки.

На всякий случай оглянулся в сторону живого оазиса – но тот, похоже, не мог ползти вверх по склону, остановился в какой-то полусотне шагов от места схватки, но дальше не двигался.

Подъехал Велигор, забрызганный чужой кровью, но с довольной физиономией.

– Мы показали этим исчадиям Тьмы, что мышца наша крепка, а оружие остро! – провозгласил он, спрыгивая с седла.

– Р-р-р-ры-ы, – подтвердил Пожиратель, облизывая покрытую красными потеками морду.

– А, одного вы взяли в плен? – продолжил храмовник. – Будем допрашивать?

– Твоя догадливость может сравниться лишь с твоим же благочестием, – процедил Головешка, не скрывая издевки. – Пожалуй, можно уже привести нашего красавца в себя. Открывай глазки.

Получивший пинок по ребрам гоблин поднял веки.

– Отвалите от меня! – прорычал он, гневно зыркая по сторонам. – Чо вам надо?

– Ну что за восхитительный идиот? – эльф опустил на корточки рядом с пленником. – Мы мирно ехали, никого не трогали, тут на нас повыскакивали уроды с оружием... и один из них спрашивает, что нам надо? Это что вам надо было, придурки?

– Это наша территория! – заявил гоблин. – Чужакам сюда хода нет!

Из дальнейшего рассказа стало ясно, что обитающие на плато Коба представители малорослого народца воспользовались тем, что с началом войны Империи и Лиге стало не до этих пустынных земель, и установили над Столом Великана и его окрестностями нечто вроде протектората.

– Все, что здесь добывается – наше! Конкурентов перережем! Кордон поставим! – вещал гоблин.

– А что тут может быть такого ценного? – удивленно спросил

Велигор.

Головешка хотел уже ответить, но эльфа, к большому его удивлению, опередила Ульфа.

– Артефакты, оставшиеся от механиков Зэм древних времен, напитанное черной силой оружие, – проговорила она, задумчиво поглаживая лапкой мохнатый затылок. – Земля эта хранит в себе много таинственного и опасного...

– И ценного, – добавил гоблин. – Для того, кто знает, кому, что и почему сдавать.

– Что-то ты разговорился не по делу, – заметил Головешка с неудовольствием. – Давай, рассказывай, что это вот за штуковина, и что ждет нас дальше на западе...

– А с чего я должен рассказывать? – заартачился пленник.

– Будешь говорить – убьем тебя быстро, нет – растянем процесс, – сообщил эльф. – Ну?

– А может, отпустите?

– Даже не мечтай, – Головешка вытащил из ножен меч. – Ну что, какая нога?

– Э! Э! Ладно...

Про то, что прячется под личиной оазиса, местные гоблины не знали, ведали лишь, что оно опасно, может двигаться и способно одурманить того, кто оказался поблизости, а затем проглотить, не оставив даже скелета. Других таких на плато Коба вроде нет, но земли дальше к востоку просто напичканы не самыми полезными для здоровья путешественников странностями.

Пылевые фонтаны, ловушки с кипящей лавой, черные вихри, облака мрака – список опасностей был длинным, и выглядели они по большей части незнакомыми.

– Да... – сказал Головешка, – я, конечно, догадывался, что по суше веселее будет... но не подозревал, насколько.

– Так может быть, вернемся? – предложил Велигор.

– Пути назад нет, Нити отрезаны, и пытающийся пройти по ним в бездну низвержен будет, – без особой радости, но уверенно заявила Ульфа, и добавила привычное: – Истинно!

– Ну тогда вперед, – Головешка не стал отдавать приказа, зная, что кто-нибудь из гибберлингов так и так добьет гоблина. – До заката есть время, проведем его с толком.

До ночи не увидели больше ничего интересного, а когда начало темнеть, принялись искать место для привала. Выбрали небольшую ложбину в окружении валунов, черных, словно их коптили в исполинском костре.

– Благословляю место сие, – сказал Велигор, спустившись со спины Пожирателя.

Он воткнул копые в землю, и от острия в стороны побежало, расширяясь, кольцо тусклого белого пламени. Один из валунов закрипел, под другим что-то завозилось, участок земли чуть в стороне вспучился, пошел трещинами, из них вырвалось облачко темного дыма.

Головешка с неудовольствием подумал, что о святой магии знает все же маловато.

Может быть, принять веру в Тенсеса, стать его жрецом, чтобы вызнать новые секреты? Но это потом, после того, как они добудут подвеску из золота, украшенную топазами и изумрудами, и наниматель выполнит свое обещание, вернет эльфу прежнюю красоту.

Эх, если бы еще и крылья!

– Теперь здесь безопасно, – сказал Велигор, оглядываясь. – Кто будет сторожить?

– Можем мы, – предложила Ульфа. – Сначала я, потом братья. А вы завтра.

– Идет, – согласился Головешка, и принялся снимать мешки со спины Валуна. – Посмотрим, чем нас снабдил капитан, провалиться ему в астрал.

– Эх, жаль, что костер нельзя развести... – храмовник тоскливо вздохнул, глядя на куски сушеного мяса, даже на вид жесткого, словно подметка. – Ох, грешен я, грешен... Люблю покушать, – признался он. – Но ничего, покаюсь я и замолю сие прегрешение.

Ночь обрушилась на плато Коба водопадом из чернил – только что были видны окрестные холмы, а через мгновение они исчезли, растворились без следа; остались лишь очертания валунов, меж которых разместились путешественники.

Глаза Пожирателя полыхнули золотым огнем, и тут же погасли: лев закрыл их и улегся, положив голову на могучие лапы.

– Вы как хотите, а я спать, – Велигор зевнул так, что у него затрещало за ушами. – Помолюсь только сперва, помяну грехи свои...

– Подожди немного, – сказала Ульфа, – у нас сейчас будут гости.

И тут же Головешка уловил шорох шагов, донесшийся с запада – один человек, идет пешком, легко, без особой спешки, но двигается напрямик туда, где они расположились.

– Как он нас отыскал? – недовольно пробормотал эльф.

– Есть чары, что даже тебе не под силу ощутить, – гибберлинг пожал плечами. – Не думаю, что он представляет опасность, хотя Нить у этого существа очень странная.

Невероятно.

– Доброй ночи! – донесся издалека мелодичный, звенящий голос, и Головешка вздрогнул – эльф, провалиться ему в астрал, откуда он только взялся в этих пустынных, лишенных Красоты местах. – Могу ли я приблизиться к вам, не рискуя получить стрелу?

– Если ты веруешь в жертву Тенсеса и силу Света, то подходи! – гаркнул храмовник, сжимая в одной руке вырезанную из дерева свечу, а в другой – свое копьё. – Если же ты с исчадиями зла водишься и вред в сердце таишь, то лучше останься там, где есть!

И вновь открывший глаза Пожиратель утробным рычанием подтвердил, что его хозяин не шутит.

– Не могу сказать, что я то или другое, – с тихим смешком ответил неведомый эльф. – Но готов рискнуть. Я зажгу факел, чтобы вы могли меня видеть... вот так-то оно лучше.

Во тьме полетели искры, вспыхнуло пятнышко из оранжевого пламени, осветило высокую, стройную фигуру, качающиеся у нее за спиной белоснежные крылья, гордо посаженную голову с длинными волосами.

Головешка ощутил острый укол зависти, от ненависти зазудели сжатые кулаки.

– Я иду, – объявил чужак, и вскоре он уже протискивался между двух валунов. – Хотел бы пожелать вам доброй ночи, но не могу, ибо такое пожелание не к лицу адресовать тем, кто несет с собой зло.

– Что? – Велигор аж опешил. – Что ты такое говоришь?!

От рыка храмовника задрожало пламя факела, но эльфа это не удивило и тем более не испугало.

– Есть у вас дрова? – спросил он. – Не хотелось бы разговаривать во тьме.

– Желаеть увидеть лица тех, кого считаешь носителями зла? – поинтересовался Головешка.

Да, он знал этого типа, сталкивался с ним на Тенебре и на Больших Балах, хотя это было очень давно, еще до того, как Гораций ди Дазирэ свихнулся на прошлом и стал учеником Найана, старейшего мага Сарнаута, помнящего чуть ли не времена до Великого Изменения. Заделался одним из Историков, членов тайной организации без структуры, опоры во власти и строгой иерархии... но обладающей, тем не менее, немалыми ресурсами и влиянием.

– Почему бы и нет? – Гораций пожал плечами. – Хотя дров, как вижу, нет. Ладно...

Он воткнул факел нижним концом в землю, и поводит над

ним, голыми ладонями касаясь оранжевых лепестков. Пламя изменило цвет, стало белым, зато круг света от него странным образом расширился, из тьмы выплыла туша лежащего льва, хрупающий овсом из повешенного на морду мешка Валун.

– Вот так-то оно лучше, – заявил эльф из дома ди Дазирэ, усаживаясь прямо наземь. – Ага, посмотрим...

Велигор встретил его взгляд бестрепетно, гибберлинги тарасились на чужака с обычным для них любопытством, и только Головешка смутился, хотя лицо его и было скрыто капюшоном.

– Я знаю тебя, – сказал Гораций печально. – Ты мог стать одним из нас.

– Ради чего? Рыться в пыльных рукописях, шлаться по забытым уголкам мира, копать в развалинах, доискиваясь до тайн, до которых никому нет дела, помимо кучки свихнувшихся... – Головешка осекся, несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. – Говори лучше, зачем пришел. Ведь не просто так ты на нас наткнулся, да?

– Глупо утверждать обратное, – Историк пожал плечами.

– Почему ты говоришь, что мы несем с собой зло? – вмешалась в разговор Ульфа.

Она выглядела спокойной, и лишь темные глаза гибберлингки выдавали, как она напряжена. Ее братья сидели тихо, но руки держали на оружии, а уши их шевелились, точно у насторожившихся котов.

Велигор, судя по недоумению на бородатой физиономии, не до конца понимал, что происходит.

– Вы ввязались в игру, в которой не знаете ни правил, ни целей, ни участников! – заявил Гораций с необычайной для эльфа горячностью. – Вам ведь пообещали многое?

– Допустим, что дело обстоит таким образом, – неохотно согласился Головешка. – Но если ты знаешь о нашем нанимателе что-либо нам неведомое, то поделись, и вполне возможно, что мы сами с радостью избавимся от того зла, что мы якобы несем. Понимаешь?

– Если бы я мог сказать что-то определенное? – Историк раздраженно качнул крыльями. – Не нужно считать нас кучкой свихнувшихся недоумков, что интересуются лишь прошлым... Нет, мы наблюдаем и за настоящим, и видим многое, что ускользает от обычных глаз, неважно, человеческих или эльфийских! Но тот, кто вас нанял, опасен! Расскажите мне, что он попросил вас сделать, и тогда, возможно, я сумею помочь вам!

Головешка заколебался – как ни странно, с одной стороны, его не просили молчать о полученном задании, но с другой, с

какой стати он должен откровенничать с этим красавчиком из дома ди Дазирэ?

Ишь ты, умник, а морда холеная, и волосы расчесаны, и сапоги начищены...

Даже здесь, на плато Коба, не забывает, что он эльф и должен выглядеть красиво.

– Странного ты хочешь, воистину, – прогудел Велигор и дернул себя за бороду. – Явился неведомо откуда, и требуешь, чтобы мы все тебе рассказали... С чего бы вдруг?

Гораций всплеснул руками:

– Вы лишь пешки в чужой игре, и не более! Уйдите с доски, умоляю вас!

– Так расскажи больше – кто игроки, чего они хотят. Все, что тебе известно, – сказал Головешка, не пряча враждебности.

– Если бы я мог... – мгновение Историк молчал, разглядывая их золотыми глазами.

– Может быть, ты тоже игрок, и хочешь лишь одного – использовать нас в своих интересах? – буркнул Велигор.

– Нет, вижу, что зло поселилось в каждом из вас, пустило крепкие корни... – ди Дазирэ вздохнул. – Не выдернуть. Ладно, идите своим путем, но помните, что в любой момент на нем может оказаться один из нас, и тогда мы не разойдемся миром!

Подхватив факел, он поднялся и зашагал прочь так стремительно, что никто не успел произнести ни слова.

– Ну вот, а люди жалуются, что провидцы неясно выражаются, – Ульфа хихикнула. – Этот в будущее заглянуть не способен, но чем он лучше?

– Но ты-то способна, – Головешка посмотрел на гибберлингку в упор. – Что там? Что говорят твои Нити по поводу нашего нанимателя?

Она молчала так долго, что эльф уже решил – не ответит.

– Когда одно шитье, более тонкое, ложится поверх другого, грубого, то разглядеть нижнее нет возможности, – это прозвучало так тихо, что он едва разобрал слова. – Странная Ткань прядется вокруг нас, это я могу заметить, и пахнет она смертью... не той смертью, что ждет каждого в конце пути, нет... а куда более страшной... и древней.

Головешка ждал продолжения, но Ульфа отвернулась, и стало ясно, что его не будет.

– Но это... – очень тихо для себя начал Велигор. – Если кто испугался его речей... – он кашлянул. – То я не верю, что мы зло какое-то там творим... Ни за что не отступлюсь!

«Никто из нас не отступится, даже в сторону не свернет, – подумал Головешка, укладываясь. – Кем бы ни был наш

аниматель, какой бы силой ни обладал, он очень хорошо знал, что предложить каждому».

Утро выдалось ясное и чистое, словно занялось оно не над плато Коба, а над другим, более красивым местом.

В путь двинулись с первыми лучами солнца, и вскоре поднимались по склонам безымянной цепи невысоких гор, протянувшихся с юга на север. По другую сторону от них обнаружили те же унылые холмы, полосы сухой, жесткой травы, жалкие, чахлые деревца.

Вскоре увидели очередное место силы, отмеченное фонтаном голубого огня.

– Могуч Тенсес! Велика сила его! – заявил Велигор, глядя на пламя с благоговением.

Но не проехали и сотни метров, как стало ясно, что и разрушение не так уж немошно в этой части Сарнаута.

– Стой! – закричала Ульфа, и вырвавшийся вперед Головешка натянул поводья.

Земля чуть ли не под самыми копытами Валуна пошла трещинами, из образовавшейся ямы выплеснулась пышущая жаром лава, заколыхались на ветру языки светлого, почти невидимого пламени.

– Ничего себе! – воскликнули гибберлинги хором, и Головешка едва к ним не присоединился.

Это было не природное явление, пусть опасное и жуткое на вид, а осколок древних чар, клоч вывернутого наизнанку заклинания, эхо крика, что тысячи лет назад вылетел из глотки могущественного мага, и с тех пор бродил по астралу, при соприкосновении с материей порождая такую вот пакость.

– Провалиться мне куда угодно, – пробормотал эльф, направляя храпящего коня в сторону. – Чего же стоил этот Тэп при жизни, если и сейчас его волшебство способно на подобное?

– Истину глаголят святой мудростью богатые, что богомерзкий Зэм, тобой упомянутый, до сих пор жив, и против него в том числе должно сражаться детям Света, – Велигор, как обычно, не упустил случая произнести проповедь.

Головешка покосился на храмовника из-под капюшона, но ничего не сказал – настолько простой, что даже издеваться над ним неинтересно, прямой, словно древко его собственного копыя.

И такой же тупой, как основание рукояти.

До самого полудня не встретили никого, зато видели упомянутый гоблином «черный вихрь», что с истошным воем вырос на ровном месте, поднял качающуюся голову едва не до облаков. Головешке захотелось в тот момент спрыгнуть с коня и

закопаться в какую-нибудь нору, такой злой, убийственной силой повеяло от этой штуковины.

Темная туча, хлещущая землю молниями и ползущая на высоте метров в пять, проплыла в стороне. Дунувший от нее ветер принес не ожидаемый аромат свежести, а запах гниющих на солнце отбросов.

– Ну и вонь... – выдавил Велигор, а гибберлинги дружно зажали носы лапами.

За очередными холмами открылась цепочка мелководных озер, протянувшаяся с юга на север. Проехали по перешейку между ближайшими, и обнаружили, что вода соленая, для питья не годится.

А буквально через сотню шагов Головешка ощутил, что стало легче дышать. Солнечный свет, льющийся с неба, сделался как будто бы более ярким, под копытами Валуна начали попадаться пучки сочной травы.

Стол Великана остался позади, развеялось облако вредоносных чар, ушло ощущение угрозы.

– Уф, как хорошо-то, – вновь не промолчал Велигор.

Дым, появившийся на западном горизонте, ближе к полудню, оказался самым обычным. Когда подъехали ближе, стало ясно, что идет он из трубы в крыше громадного трехэтажного здания, окруженного частоколом с вышкой у северо-западного угла.

– Постоялый двор? – изумился Головешка. – Ха, не может такого быть!

– А почему нет? – Ульфа пожала плечами. – Что тебя удивляет?

Ну да, людям, где бы они ни жили, нужно место, чтобы встретиться, потрепать языками, выпить чего-нибудь, эти самые языки развязывающего, ну а потом спеть или подраться, тут уж как масть ляжет.

На вышке, как вскоре стало ясно, располагался наблюдатель, частокол был из толстенных, в обхват, бревен, вкопанных так, чтобы выдержать даже удар тарана, а ворота напоминали крепостные.

У них гостей встретил, судя по важному виду и дорогой одежде, хозяин.

– Добро пожаловать, – сказал дородный красноносый мужик с голубыми глазками, лежащими на подушках покрытых щетиной щек. – Мы рады всем, кроме гоблинов, ха-ха. Так что заезжайте, располагайтесь...

– А чем вам они не угодили? – поинтересовался Головешка, покидая седло.

Над дверью постоялого двора красовалась вывеска с

надписью «Приют Старателя», а рядом с крыльцом торчали три пики, и на каждой имелась отрубленная гоблинская башка, одна совсем свежая, еще кровоточащая, другая настолько прогнившая, что плоти на черепе почти не осталось.

Третья по степени свежести располагалась где-то посередине между ними.

– Сразу видно, что ты не местный, хотя это и без того заметно, – хозяин хохотнул, щелкнул пальцами, и на пороге пристроенной к частоколу конюшни появился белобрысый юнец лет семнадцати. – Войтех, займешься животными... Не бойтесь, он дело знает, и со львом справится, с носорогом... у нас на ком только гости не приезжают. Разве что на мамонте никого не было, ха-ха.

Головешка подозрительным взглядом проследил за парнишкой, взявшим под уздцы Валуна... ну да, держит без боязни, и даже со львом обращается уверенно, не должен напортачить.

– Так, комнаты свободные у нас есть, – продолжил хозяин. – Баню можем истопить. Пока она готовится, можете перекусить... мясо, рыба, овощи, все что пожелаете...

– А почему? – осведомилась Ульфа.

– Ну надо же, если ты смотришь в будущее, то можешь заглянуть и в настоящее... Дешево тут, среди плато Коба, быть не может, зато получаете вы только самое лучшее! Ужин, завтрак и постой на одну ночь обойдется по пятьдесят динаров с человека.

Цена была высокой, очень высокой.

Но заночевать на голой земле, когда тебе предлагают кровать с одеялом и периной, жевать сушеное мясо, если есть возможность отведать горячего и выпить горячительного...

– Тенсес покарает тебя за жадность, – прокряхтел Велигор. – Но мы согласны.

Головешка кивнул, а Свен вернул обычное «ага».

Хозяин ослабил во всю толстую небритую физиономию, и повел гостей к крыльцу. Ноздри пощекотал аромат мертвечины, открылась и закрылась входная дверь, и вот уж за ней обоняния коснулись намного более приятные запахи – шкварок, жареной рыбы и даже вина, причем не какой-нибудь дешевой сивухи, а настоящего белого из виноградников Умойра.

Дальние концы просторного зала терялись в полумраке, в очаге, где уместился бы бык на вертеле, потрескивал огонь – для уюта, не для тепла, поскольку на улице вовсе не царил мороз.

– Располагайтесь, гости дорогие, места полно, – предложил хозяин, взмахнув похожей на окорок рукой. – Сейчас принесем вам поесть, и комнату заодно приготовим.

Заняты были лишь три или четыре столика, и сидевшие за ними люди выглядели словно братья – жилистые, быстроглазые, с обветренными загорелыми лицами и неторопливыми движениями.

У стойки зевал вышибала ростом едва не под потолок, принадлежавший к племени синих троллей, обитателей заснеженных лесов Сиверии. Головешка как-то видел такого, разве что поменьше, на рынке в Молотовке, когда явился туда за ингредиентами для магических опытов.

На новых гостей вроде бы никто внимания не обратил, но эльф почуял, что их внимательно изучили, заглянули во внутренности, проверили содержимое карманов и заплечных мешков.

– Благоволение Света дому сему, – объявил Велигор, прежде чем сесть, и лавка скрипнула под его могучей тушей.

– Ну это уж мы хотя бы завтра посмотрим, благоволение или проклятие, – пробормотал Головешка, усаживаясь напротив храмовника: местным ничего не стоит убить чужаков или для развлечения ограбить, а затем без одежды, еды, воды и оружия выгнать на тот же Стол Великана.

Кто об этом узнает?

Разве что гоблины, что найдут среди холмов свежие трупы.

– Вот, прошу, отведайте, – хозяин брякнул на стол здоровенный кувшин. – Настойка, я сам ее готовлю по рецепту, что достался мне от дедушки, а ему от его дедушки... Называется «Снос башки», для начала рекомендую маленький стаканчик...

И два дюжих молодца, повинуясь его жесту, принялись расставлять посуду.

Рядом с казаном тушеной рыбы возникло блюдо с задравшей лапы сверху жареной курицей, большую миску супа потеснили испускающие пар горшочки с чем-то невероятно ароматным.

– Яда там нет, – сказала Ульфа, когда хозяин отошел. – Истинно.

– Ну тогда попробуем, – Велигор поднял кувшин и осторожно наклонил над первым из стаканов: через край хлынула сиреневая густая жидкость, в которой плавали то ли лепестки, то ли чешуйки.

Когда Головешка понюхал свою порцию, то горло перехватило, а глаза наполнились слезами.

– Будем! – скомандовал храмовник, и выпил залпом.

Гибберлинги дружно отхлебнули, Свен и Тронд в унисон засипели, открыв рты. Глаза у Ульфы стали в два раза больше обычного, и братья принялись хлопать ее по спине.

– Будем, – подтвердил Головешка, предвкушая потеху, и

опрокинул фиолетовую жидкость в глотку.

За долгую жизнь он пивал всякую дрянь, но никогда не пробовал глотать нечто столь похожее на расплавленную лаву. По горлу прокатился огненный шар, волна жара ударила в ноги, со лба заструился пот, соленые капли закапали с носа.

– Хороша, – сказал Велигор, торопливо отрывая ножку от жареной курицы.

– Но опасна... – добавил эльф.

Это не самогон из свеклы, это намного крепче, и если выпить несколько стаканов, то вечер наверняка закончится плясками на столе, оскорбительными замечаниями в адрес любого, кто попадется на глаза, и неизбежным мордобоем.

А народ здесь, на плато Коба, не такой мирный, как в Быстрице, могут и ножом в пузо ткнуть.

– Давай быстренько по второй, – сказал Головешка, чувствуя, как по жилам течет приятное тепло.

– Главное – еще один кувшин не заказывать, – вмешалась Ульфа.

Голос ее звучал обеспокоенно, гибберлингга вертела ушастью головой, словно высматривала опасность. Свен казался довольным жизнью, жрал так, что за ухом трещало, а Тронд жевал вяло и уныло разглядывал стол перед собой, не поднимая глаз.

Они выпили по второй, и в башке у Головешки зашумело.

– Теперь можно и пожрать, – заявил он, вытащил нож и потянулся к тушеной рыбе.

Но рука остановилась на полпути, когда рядом с их столом бесшумно возник тощий, низкорослый тип.

– Должен ответственно сказать, что таким гадам, как вы, здесь вовсе не рады, – заявил он, мрачно поблескивая светлыми глазами. – Проваливайте обратно, покуда целы. Иначе рискуете отправиться туда, откуда приходят ваши мерзкие хозяева.

И он харкнул на столешницу, едва не попав на руку Велигору.

Лицо храмовника потемнело, как небо перед грозой, с различным скрипом сжались громадные кулаки. Головешка усмехнулся, кровь забурила в предвкушении того, как сейчас врежет этому уроду, а затем добавит его друзьям, что сидят вон за тем столиком в углу... он начал подниматься.

– Тихо оба! Сидеть! – рявкнула Ульфа тем голосом, каким обычно раздавала приказы братьям.

Эльф, к собственному удивлению, послушался, но еще больше изумился, осознав, что побагровевший, гневно сопевший Велигор не то что не полез в драку, а еще и промолчал.

– Послушайте умную женщину, хоть она и в шерсти, – проговорил низкорослый. – Я вас предупредил, а дальше

смотрите.

И он неспешно зашагал прочь.

– Почему ты нас остановила? – спросил Головешка.

– Потому что это закончилось бы плохо, – сказала гибберлингка очень серьезно. – Поверь.

– Ну... хм... – Велигор остервенело дернул себя за бороду, краснота начала понемногу сползать с его лица. – Проклятье, если бы он сказал еще слово, клянусь, я... Кто это такой?

Последний вопрос относился к хозяину «Приюта Старателя», что подкрался к их столу бочком, словно краб.

– Ну... это, местные, охотники на демонов... – сказал тот без прежнего апломба. – Бояться их не стоит, на постоялом дворе они драки не затеют, ха-ха.

– А чем мы ему не угодили? – спросил Головешка.

С изумлением обнаружил, что рядом с вышибалой-троллем появился его коллега из народа эльфов – высокий, белокурый красавец с надменным лицом и холодными глазами. Кулаки зачесались вновь, особенно когда разглядел на камзоле у сородича герб ди Дазирэ.

Неужели этот дом принял веру в жертву Тенсеса и в полном составе решил перебраться с Тенебры на Святую Землю?

– Ну... они сочли... – хозяин опасливо оглянулся, словно здесь, внутри его собственного постоянного двора, ему что-то могло угрожать. – Не сочтите за обиду, но... Выглядите вы странно для этих мест, и можно решить, что вы из тех... появились они в наших землях недавно. Ну те, которые поклоняются демонам... жертвы им приносят.

– Астральным демонам? Исчадиям тьмы? – уточнил Велигор. – Что за глупость?

Головешка только головой покачал – всем известно, что выходящие из астрала монстры не более чем тупые могущественные твари, одержимые жадой убийства и разрушения. Приноси им жертвы или читай молитвы, все равно тебя, если «повезет» встретиться, пришибут или обратят в пепел.

– Как бы да, ха-ха, – хозяин выдавил улыбочку. – Порой разные люди попадают. Но вы в любом случае не беспокойтесь, ешьте спокойно, а баня вот-вот будет готова...

Глава 8

Ощутив под ногами твердую землю, Расин вздохнул с облегчением, но так, чтобы этого никто не заметил.

Разве что Доказательство, сидевшее на его плече, крепко вцепившись коготками.

На борту корабля, что забрал их с Суслангера, путешественники провели восемь дней, и все это время бывшего бойца «Молнии» не покидало ощущение угрозы. Удивительным казалось то, что за время плавания ни разу не видел капитана, странно мрачными и молчаливыми казались матросы.

Орки скучали, развлекались по мере сил, в том числе и за счет окружающих.

Эрэм на любые вопросы отвечал, что судно принадлежит его друзьям, и что все будет хорошо.

Как выжила на корабле черная птица с алыми пятнышками на крыльях, Расин не знал, но его это, честно говоря, мало волновало. Она время от времени залетала к ним в каюту, иногда даже пела, а потом исчезала и несколько дней не показывалась на глаза.

В очередной раз возникла недавно, перед самой швартовкой, и сошла на сушу вместе с остальными.

Порт Такалик, где их высадили, мало отличался от поселка Свободных Торговцев на Суслангере, разве что тут вместо пустыни были горы, покрытые огромными разлапистыми елями.

– Вот это совершенно другое дело! – воскликнул Мосол, спускавшийся по трапу вслед за Расином. – Тут должны быть кабаки, и говорю прямо, что мы должны посетить один из них, а лучше не один!

– Боюсь, у нас нет на это времени, – сказал Эрэм, покинувший судно первым.

– Ну ладно, один крохотный маленький кабак, где мы выпьем совсем по чуть-чуть? – заканючил певец, и лютия, висящая на его боку, издала жалобный мелодичный всхлип.

– Знаю я твое чуть-чуть, – Кость хлопнула супруга по плечу так, что тот едва не полетел вверх тормашками. – Еще не заработал ничего, а уже собираешься все прогулять.

– Почему все? – оскорбился Мосол и, уныло вздыхая, потащился за спутниками.

В Такалике они провели ровно столько времени, сколько понадобилось для посещения базара. Заплечные мешки Расина и орков после этого значительно потяжелели, а вот баул за спиной восставшего и вовсе стал неприличных размеров, превращая его в

какое-то горбатое чудовище.

– Может быть, купить пони или еще кого? – предложила Кость, когда они проходили мимо рядов, где торговали животными, от натренированных для боя псов до местных лошадей.

– Там, куда пойдем, от них будет мало толку, уж поверь мне, – сказал Эрэм.

– Ты бывал там, куда мы направляемся? – поинтересовался Расин.

Его не оставляли подозрения, что восставший намного больше остальных знает о той аванюре, в которую они ввязались... вот только доказать ничего не мог, и оставалось задавать вот такие осторожные вопросы.

– Я бывал в Эльджуне, и доводилось мне посещать то место, где высится священная пирамида Тэпа.

О самом известном маге своего народа Эрэм говорил без обычной для восставших неприязни и горечи. Это выглядело странно, ведь именно Тэп стал причиной того, что Зэм полностью вымерли, на долгое время исчезли с лица Сарнаута.

– А сколько нам топать? – влезла в разговор Кость.

– Сначала нужно добраться до Кровавой Заставы, что в общем-то не очень сложно. Дальше придется труднее, в Асээ-Тэпх, как обычно, беспокойно... дней восемь.

Мосол насупил брови и принялся загибать пальцы на руке, а закончив эту сложную операцию, помрачнел. Восемь дней туда, столько же обратно, а еще какое-то время потратят на проникновение в пирамиду – за такой срок любой певец от недостатка внимания просто свихнется.

– Фьюить! – чирикнула Доказательство и упорхнула прочь.

Расин проводил ее взглядом и тут же забыл: вернется, и хорошо, сгинет – и ладно.

Дорога на Кровавую Заставу начиналась на восточной окраине, не дорога даже, широкая, утоптанная тропа, выющаяся по склону ближайшей к Такалику горы. Поднялись едва на сотню метров, а похолодало ощутимо, Расин без удивления обнаружил, что в тени могучих елей у обочины кое-где лежит снег.

Рядом с городом дорога выглядела оживленной – шли караваны из мохнатых, тяжело нагруженных пони, брели, стуча посохами, паломники, явившиеся поклониться чудесам Святой Земли, шагали люди и нелюди, вооруженные отнюдь не верой в жертву Тенсеса.

Поначалу навстречу попались четверо гибберлингов в кольчугах и шлемах, все обвешанные смертоносным железом. На Эрэма они уставились подозрительно, на Расина вовсе не

обратили внимания, а вот орков проводили свирепыми, полными враждебности взглядами.

Затем путники обогнали группу из дюжины разумных ящеров с дубинами.

Эти брели неспешно, еле переставляя когтистые лапы и волоча тяжелые чешуйчатые хвосты цвета осенних листьев. За спиной у каждого висел большой кожаный мешок, и внутри что-то шевелилось, дергалось, издавая жалобные пищание звуки.

– На продажу несут, – сказал Эрэм, но не пояснил, что именно.

На ночлег встали прямо у обочины, под уходившим ввысь обрывом, над которым торчал покосившийся частокол из деревьев. Неподалеку обнаружился водопад, куда вела тропка, и следы говорили о том, что ей пользуются не только разумные создания.

– Как тут с хищниками? – поинтересовалась Кость, когда они развели костер и повесили над ним котелок.

– Хорошо, – отозвался восставший. – И с двуногими, и с четвероногими, так что придется сторожить... Чтобы не было обидно, предлагаю кинуть жребий. Согласны?

Возражать никто не стал.

Короткую палочку вытянул Мосол, Расину досталась самая длинная, так что всю ночь он благополучно проспал. Открыл глаза лишь на рассвете, когда над горами плыл седой туман, и сквозь него проступали лишь силуэты елей, что казались растопырившими лапы великанами.

– А, уже не спишь... – хриплым шепотом протянула Кость, сторожившая после мужа. – Хоть убей, не думала, что в этих местах может быть так холодно, и выпить, как назло, нечего.

– Сейчас огонь разожжем, – сказал Расин, вылезая из-под одеяла. – Согреешься.

Мосол монотонно посапывал, Эрэм лежал без движения и дыхания, то ли спал, то ли просто давал отдых телу, то ли вовсе пребывал в не имеющем названия состоянии, что свойственно лишь восставшим.

Заготовленные с вечера дрова легли на угли, от занявшегося костра пошло тепло.

– Хорошо... – сказала Кость, протянувшая к огню руки. – Слушай, скажи мне... Понимаешь ли ты, для чего нас собрали вместе? Я умею сражаться и убивать, и это все. Мосол хорошо поет, и в драке от него есть толк, но ума в голове у него не особо много. Ты... – она смерила Расина взглядом, – ну тоже, честно, не выглядишь умудренным магом. Зачем тогда мы нужны? Чтобы беречь вот этого? – последовал легкий кивок и опасливый взгляд

в сторону Эм. – По дороге и около пирамиды, где хранится наша цель? И все? Могли найти кого попроще...

Эта орчиха была кем угодно, но только не дурой.

Хадаганцу в голову приходили схожие вопросы, вот только озвучивать их он не спешил.

– Спросишь у нанимателя, – сказал Расин, подкладывая в костер сучковатое полено. – Когда мы с ним встретимся. Если встретимся.

Последнюю фразу он произнес вовсе не случайно – мало ли что им сказали, что извлеченный из пирамиды жезл нужно доставить в один из портов Святой Земли, и что там их будет ждать таинственный и могущественный незнакомец, умеющий трансформировать живую плоть.

Вместо него к удачливым путешественникам может явиться отряд убийц.

В том случае, если дешевле окажется заплатить им, чем раскошеливаться на обещанный гонорар.

– Посмотрим, – уверенно бросила орчиха. – Если что, я того гада из земли вырою.

Солнце поднялось над горами, и туман начал понемногу редеть, уползать в овраги и расщелины.

К этому времени они были уже в пути, шагали на восток, туда, где громоздились одна на другую пологие зеленые вершины, похожие на исполинские мохнатые шапки. Тропа, куда более узкая, чем накануне, не могла похвастаться и многолюдьем – пока не встретили вообще никого.

– Ты помнишь, вчера вечером мы развилку проходили? – сказал Эрэм, отвечая на вопрос Мосла о причинах этого. – Так основной поток от нее движется к югу, в сторону большого рынка, большого рынка Свободных Торговцев, и вот уж в его окрестностях яблоку негде упасть.

– А, – и орк глубокомысленно закивал.

– Там... – восставший осекся на полуслове, сбился с шага, и тут на вершине ближайшей горы громынуло, из чистого неба в нее ударила алая молния, затем еще одна.

В вышине бесшумно разверзлась черно-багровая трещина, из нее начало расти нечто вроде громадных сосулек.

– Ого! Веселуха! – воскликнула Кость, и в руках ее образовался короткий меч.

– Это демон... лезет сюда, – выдавил Эрэм с таким трудом, словно ему перехватило горло.

– Только этого нам не хватало, – пробормотал Мосол. – Чего делать будем?

– А ты спой, – посоветовала Кость. – Если у демона есть уши,

то он сам сбежит.

С вершины холма, куда били молнии, заструился серебристый то ли дым, то ли туман. С тихим звоном сгустился в облако и то пошло наверх, прямо к уродливому шраму в небесах.

– А это что? – спросил Расин.

– А это тот, кто не дает демону прорваться, – судя по голосу, происходящее Эрэму очень не нравилось, хотя оно и понятно, как маг, он видел и понимал больше остальных.

Звон стал громче, облако закрыло расщелину, и та начала стягиваться, уменьшаться. Прогремел слабеющий рев, полный раздражения, и небо вновь сделалось невинно-голубым.

– Маг? – поинтересовался нахмурившийся Мосол. – Прямо говорю: не люблю я их.

– Да? А как же я? – восставший повернул голову к певцу.

– И тебя тоже, морда железная, – рубанул тот. – Но терплю, деваться некуда.

Расин хмыкнул.

Тропа сделала поворот и пошла вверх, по склону той горы, над которой пытался сломать небо демон. Через полсотни шагов стало видно, что на пути у них кто-то стоит: высокий человек в рясе и капюшоне, с тяжелым, больше напоминающим дубину посохом в руке.

– Вот и он, – проговорил Эрэм с напряжением в голосе.

– Мир вам, путники, – сказал незнакомец, когда до него осталось метров десять. – Да благословит Тенсес вашу дорогу...

Он откинул капюшон с лица, и Расин едва удержался от изумленного восклицания.

Он знал этого человека...

Произошло это на пятнадцатый день после того, как объединенный флот Империи и Лиги отплыл в глубины астрала. Среди прочих подразделений на одном из кораблей очутился и диверсионный отряд «Молния» в полном составе.

«Веселуха» началась на вторые сутки похода, а на пятнадцатые Расина вызвали на военный совет.

Что за вопросы там обсуждались, зачем полководцам оказался нужен обычный сотник – он не сумел бы вспомнить. Но в память намертво врезалось красивое, породистое лицо одного из витязей, что представлял на этом совете войско Кании.

В рясе этот бывший витязь смотрелся ничуть не менее величественно, чем в доспехе, хоть он и похудел, лоб его избороздили морщины, а густые русые волосы изрядно побила седина.

– И тебе мир, дядя, – ответила Кость. – Это ты того монстряка заколбасил?

– С помощью доверенной мне силы Света не допустил я ныне прорыва демонского, – тут бывший витязь улыбнулся, и улыбка преобразила его лицо, из мрачного и даже сурового оно сделалось почти ласковым.

И тут Расин вспомнил имя: Зосима... да, точно, так его звали.

– Зло мне надлежит истреблять, не только в чудовищах астрала воплощенное, – продолжил тот, пристально вглядываясь в металлическое лицо Эрэма, – но и в душах существ, что среди прочих ходят на двух ногах... орков, эльфов, людей... бывших людей.

– Ты думаешь, мы из тех, кто поклоняется демонам? – спросил восставший.

– Если бы так, то я разговаривал бы с вами по-иному! – и мощная рука бывшего витязя крепче стиснула посох, которым вполне можно было проломить череп троллю. – Вижу я, что облако темное скрывает пути ваши, но не могу прозреть, откуда оно...

– Ну, если прозреешь, то дай нам знать, – сказал Эрэм. – А сейчас мы должны идти.

– Идите, – и Зосима отступил в сторону, освобождая тропу.

Проходя мимо него, Расин ощутил внимательный, изучающий взгляд, от которого по коже бежали мурашки. Захотелось бухнуться на колени и рассказать все, и о том, как в шесть лет стащил лепешку из пекарни, и о том, как прятался от Комитета на Суслангере, взяв чужое имя.

Судя по изумленному кряхтению шагавшего следом Мосла, тот пережил нечто схожее.

– Это святой отшельник, что сражается с демонами в Эльджуне, – сказала Кость, когда они немного отошли. – Вроде бы раньше он был великим воином и полководцем, а потом надел на себя эту смешную штуковину с капюшоном, отказался от всего, что у него имелось, и выстроил себе халупу на Глухоморье.

– Но что за темное облако он видел? – спросил Расин.

– Кто знает? – Эрэм даже не пожал, а скорее передернул узкими плечами. – Чародеи, достигшие столь высокого уровня познаний, иногда в силах воспринимать такое, что даже представить не могут маги попроще.

Восставший вроде бы ответил, но при этом ничего толком и не сообщил.

До самого вечера не встретили более никого, а ночь провели в узком каньоне, где камни, землю, стволы деревьев, все покрывали капельки влаги, а со стенок свисали бороны зеленого мха.

Рано утром, когда Расин стоял на страже, прилетело

Доказательство, немного посидело на ветке, изучая человека то правым, то левым глазом, а затем упорхнуло в заросли.

Следующий день шли под непрекращающимся снегопадом.

Тропа разветвилась еще раз, а затем вывела на другую, много более широкую, с отпечатками копыт.

– Это главный торговый путь на восток, в Асээ-Тэпх, – объявил Эрэм торжественно. – Впереди Кровавая Застава, уж не сомневайтесь.

Вскоре начали попадаться захоронения – насыпанные за обочинами, в сени громадных местных елей холмики, из которых торчали наполовину сгнившие, покосившиеся доски с вырезанными на них именами. Непогода и время сделали свое дело, так что разобраться, кто здесь лежит, сумел бы только провидец.

– Это мы что, по погосту шагаем? – недовольно осведомилась Кость, когда справа открылось настоящее кладбище, для которого кто-то не поленился вырубить деревья и выкорчевать пни.

– Так и есть, – подтвердил Расин. – Тут и ваши лежат, и наши.

Кровавая Застава получила имя из-за того, что за нее с самого момента открытия Святой Земли остервенело сражались Лига и Империя. Больших битв тут не было никогда, зато мелкие стычки происходили чуть ли не каждый день на протяжении многих лет, и закончилось все это только шесть лет назад, когда извечные враги заключили мир и начали готовиться к совместному походу против демонов.

Тут умерли от ран и заклинаний, стали жертвами болезней и зубов обученных для боя животных тысячи уроженцев Игша и Яхча, Суслангера, Кадагана и Изуна, орков и людей... и наверняка прекратилось существование некоторых восставших, ведь их бытие тоже можно прервать с помощью насилия.

– Все, что живет, является пищей смерти, и это непреложный закон мироздания, – объявил Эрэм, и сделал странный жест в сторону кладбища, будто стряхнул что-то с металлических ладоней. – Избегнуть хватки смерти может лишь то, что и так уже мертво. Да, избежать хватки...

– Это ты о себе? – Мосол хихикнул. – Слушай, вот давно хотел узнать одну штуку. Тот кусок мяса, что у тебя в штанах, он еще не отгнил, или ты заменил его на железяку? Удобно, всегда готов к использованию, разве что в жаровню надо положить для начала...

Он толкнул локтем шагавшую рядом супругу, и громко загоготал.

– А кто тебе сказал, что я вообще мужчина? – очень мягко поинтересовался Эрэм.

Орк перестал смеяться, брови его поднялись к волосам, а нижняя челюсть отвисла едва не до пупка.

– Чтоб меня духи сожрали, – пробормотала Кость. – Не может быть!

– Почему не может? – тон восставшего не оставлял сомнений, что он (или она?) забавляется. – Или ты всерьез думала, что народ Зэм состоял из одних мужчин, или что только им было позволено вернуться к жизни?

Расин почувствовал себя несколько по-дурачки.

С самого момента их встречи как-то по умолчанию считал, что его спутник принадлежит к сильному полу... хотя, с другой стороны, что мешает ему оказаться женщиной?

По внешности или поведению любого восставшего трудно определить, с кем имеешь дело.

– Э... хм... ну, – протянула Кость. – Ну, пусть может... но кто ты на самом деле?

– А это не имеет никакого значения, – отозвался Эрэм. – Репродуктивная функция организма потеряна нами, как и многое из того, что свойственно простым смертным, – прозвучало это не без высокомерия. – Теперь мы все восставшие Зэм, ни более, ни менее.

Вскоре после этого разговора нагнали колонну паломников, бредущих в сторону Асээ-Тэпх – тут были слепые, прокаженные, страдающие «эльфийской чесоткой», а кое-кого и вовсе несли на носилках. В авангарде и арьергарде двигались небольшие группы охранников, в каждой из которых имелся маг.

Эльджун – не самое безопасное место.

После кратких переговоров путешественникам разрешили пристроиться в хвост колонне.

А затем тропа свернула, прошла между двумя колоссальными елями, чьи верхушки, как казалось, подпирали облака, и впереди открылась пропасть шириной не меньше чем в километр.

Дно ее скрывал белый туман, а на другой стороне, расположенной гораздо ниже, до самого горизонта тянулся густой лес: никаких хвойных, сплошная стена зарослей, над которой поднимаются струйки пара и кружат цветастые птицы, чьи голоса звучат жалобно и пронзительно.

– Асээ-Тэпх, – сказал Эрэм, протягивая руку, чтобы указать прямо на восток. – Главная пирамида в той стороне.

К древней постройке, обращенной ныне в храм Тенсеса, и шагали приехавшие с разных аллодов паломники. Дорога шла вдоль края ущелья, отделявшего Эльджун от Асээ-Тэпх, за одной обочиной лежала пропасть, а за другой поднималась отвесная, заросшая мхом скала.

Под ногами чавкал перемешанный с грязью снег.

Кровавая Застава оседлала единственный перешеек, соединявший две столь не похожие друг на друга части одного аллода. словно громадный плуг, которым проводили борозду через плоть Святой Земли, здесь на мгновение извлекли из почвы, а затем снова пустили в дело, но немного дальше.

С каждой стороны располагалось по деревянной башне, обе старые, покосившиеся.

– Да такое укрепление возьмет штурмом даже банда пьяных в сопли гоблинов, – заявила Кость, брезгливо оттопырив нижнюю губу.

– Ничего, мигом все починят, – сказал Расин. – Как только мир закончится.

В том, что это случится довольно быстро, он не сомневался.

Империя и Лига привыкли жить в состоянии войны, и как только обе стороны залижут раны, оставленные совместным походом в астрал, как тут же снова вцепятся друг другу в глотки.

Яскеру, преемнику великого Незеба, надо доказать, что он чего-то стоит.

И правители Лиги, пусть они и болтают о мире, не дадут мечам своих воинов попусту ржаветь в ножнах.

– Починят, но мы тогда будем далеко, – заключил Эрэм.

В западной башне располагался гарнизон из дюжины канийских ратников и такого же количества хадаганцев. Проплыли мимо бревенчатые неровные стены в пятнах гнили, и пропасть оказалась уже с двух сторон – десять шагов в одну сторону, десять в другую.

– Высоко тут, – сказал Мосол, подойдя к северному краю и вытянув шею, чтобы заглянуть за него.

Дорога шла вниз, и с каждым шагом становилось теплее.

Стена влажной, блестящей зелени приближалась, от нее волнами накатывали густые, пряные запахи – цветов, звериного помета, свежей листвы, раздавленных грибов и свежей, только что пролитой крови.

Осталась позади вторая башня, необитаемая, и дорога нырнула в джунгли, будто пловец в темную воду.

Путники словно шагали по дну ущелья: сплошной занавес из стволов, листьев, шипов и усиков за одной обочиной, и точно такой же с другой, так что видно в обе стороны в лучшем случае на метр. Ясно только, что там, в глубине зарослей кто-то шевелится, хрустит и чавкает, блестят в сумраке настороженные глаза.

Расин разглядел в чаще такие же холмики, какие они проходили недавно – здесь, в Асээ-Тэпх, точно так же хоронили

воинов, погибших во время бесконечных схваток за Кровавую Заставу.

И хадаганцы с канийцами, так ненавидевшие друг друга при жизни, тут, скорее всего, лежали бок о бок.

От паломников «отцепились» тем же вечером.

Те продолжили шагать на восток, к храму Тенсеса, а Эрэм повернул на малозаметную тропу, уводившую на юг, в глубину закутанных в саван из тумана джунглей.

Не прошли и километра, как слева открылось маленькое озеро с очень темной водой, и на другом берегу – наполовину разрушенная ступенчатая пирамида из камня цвета спекшейся крови. Расин уловил там движение и, присмотревшись, обнаружил, что в зарослях прячутся люди, как минимум трое, и все вооружены луками.

– Там кто-то есть, – сказал он.

– Охотники за сокровищами, – в голосе Эрэма не звучало и намека на беспокойство. – Если не сунуться близко, они не нападут.

– А что, тут есть сокровища? – оживился Мосол.

– Уж не сомневайся, – подтвердил восставший. – Только добыть их не так просто. Нужно их отыскать, извлечь из напичканных магическими ловушками развалин, не дать себя убить конкурентам, а их тут как блох на бродячей собаке, а затем еще добраться туда, где эти сокровища ты сможешь пустить в дело, и тащить груз придется на своей спине.

– Ну уж нет... – проворчал орк. – Уж лучше наше дело, там много волочь не придется, и пусть даже все эти темные облака... справимся, где наша не пропадала, да, подруга?

И он хлопнул по плечу шагавшую рядом жену.

Расин не особенно поверил, что их оставят в покое, но Эрэм оказался прав – охотники за сокровищами, занятые изучением джунской пирамиды, даже не приблизились к путникам. Прошуршал кто-то в зарослях полусотней метров к западу от тропы, но это мог быть и крупный зверь.

Вскоре под ногами начали попадаться обломки камня, прошли мимо торчащей из земли плиты. Глянул на чужаков оплетенный лианами идол с выпученными глазами и большим количеством рук, выплыл из сумрака остов большого здания, фрагмент стены, и в один момент стало ясно, что они идут по самой настоящей улице, и кое-где сохранились даже остатки мостовой.

– Это джуны построили? – спросил вертевший головой Мосол. – Ничего себе! Представляете, я знаю песню «Джун и

лисица», она смешная, если хотите, то могу ее спеть...

– Потом, – отозвался Расин, и прыгнул в сторону.

В землю там, где он только что стоял, ткнулась стрела, другая вонзилась Эрэму в шею. Кость, выхватив меч, рванула в ту сторону, где в очередной раз тренькнула тетива, Мосол помчался в другую.

Хадаганец же швырнул один из ножей вверх.

Тот пробил полог из листвы, и вниз рухнуло тело, смачно ударилось оземь.

– Проклятье! – гаркнул Эрэм, выковыривая метательный снаряд из собственной плоти.

Кость и Мосол, судя по воплям и шуму, с кем-то сражались, а на Расина из чащобы выскочили еще двое: в тряпье и кольчугах, с дешевыми мечами, но с решительными лицами и безумными глазами.

Он отразил первый удар, отвел второй, и контратаковал сам, причем успешно. Длинный кинжал распахал одному из нападавших щеку, глубоко, до самой кости, потоком хлынула кровь.

Но раненый не обратил на это внимания, даже не вскрикнул.

Обрушил на Расина очередной удар, на этот раз сверху, и тому пришлось уходить в сторону. Крутанулся на месте, пропуская мимо сразу два клинка, и выбил один меч из державшей его руки.

Обезоруженный воин на миг замер, а потом бросился вперед с голыми руками.

Но тут в дело наконец вступил Эрэм – замерцали желтые огоньки, словно с деревьев просыпался настоящий град из светлячков, и оба нападавших застыли, как упавшие в смолу мухи.

Вот один замахивается мечом, так медленно, что можно пять раз сломать ему руку. Второй заносит кулак, видно искаженное злобой лицо, и глаза, белые, точно шарик из алебаstra.

– Одного оставь! Допросим! – приказал восставший.

Расин кивнул, и ударил дважды, один раз острием, и второй – развернутым плашмя лезвием. Нападавшие с хрипами повалились друг на друга, один всего лишь без памяти, а второй – мертвым.

С разрубленным горлом выживет разве что Зэм.

Глянул в одну сторону, в другую – у Кости все в порядке, остался лишь один противник, и того она уверенно теснит, а вот на Мосла надели двое, причем один настоящий гигант, ростом едва не с орка, и тяжелый топор порхает в его руках обезумевшей агрессивной бабочкой.

Расин побежал в ту сторону.

Великан заревел, когда ему в грудь воткнулся метательный нож, но падать и не подумал. Зато качнулся в сторону и тем самым сбил с толку соратника, тот оступился и мгновенно получил по голове от Мосла.

Одного удара не хватило, понадобилось еще два, а раненого гиганта добивали уже с участием появившейся рядом Кости, и только пришибив врага к земле тремя клинками, смогли лишить его жизни.

– Странные они какие-то, больно уж живучие, – сказала Кость, вытирая со лба пот.

– Это все? – спросил Расин, глядя на подошедшего Эрэма.

– Я никого не чувствую, хотя и перед самым нападением не ощутил ничего, – отозвался тот, легко, одной рукой поднимая с земли того из нападавших, которого оставили в живых. – Есть подозрение, что эти типы дружно объелись какой-то дряни, пригасившей свечение их разумов, сделавшей искры их сознаний тусклыми, невидимыми для взгляда мага...

Пока восставший болтал, Расин прислушивался к тому, что происходит вокруг – чары, конечно, вещь хорошая, но порой бывает куда полезнее пустить в ход старые добрые глаза и уши.

Но нет, джунгли жили своей жизнью, верещали птицы, стрекотали насекомые, квакали лягушки, и весь шум был распределен по зарослям равномерно, без зон безмолвия, что обычно появляются вокруг оказавшегося в лесу человека... или эльфа, или гоблина, неважно.

После удара по щеке нападавший очнулся, распахнулись его глаза, незрячие, полные дурмана. Он приоткрыл рот, но вместо слов оттуда полетели брызги слюны, с нижней губы закапала пена.

– Пережрал мухоморов, или чего там в этом лесу растет, – заявил Мосол с видом знатока. – Было бы рядом озеро или река какая, сунуть его туда вниз головой, мигом оклемается... или еще можно голым задом на муравейник посадить, или крапивой отхлестать...

– Все-то ты знаешь, – Эрэм усмехнулся. – Но тут дело не только в мухоморах...

Вокруг его рук возникло зеленое сияние, переползло на голову пленника, стало таким густым, что на мгновение скрыло ее из виду. Когда рассеялось, перекошенная безумием физиономия исчезла, ее место заняло вполне обычное лицо, недоуменно моргающие глаза.

– Так куда лучше, – сказал восставший. – Ну что, почему вы на нас напали?

– Это... ну, нам сказали типа, что чужаки придут, чтобы наши

угодья отобрать, типа... А мы тут много лет возимся, в земле ковыряем... Типа никому ничего не отдадим!

– Кто сказал? – уточнил Расин.

Пленник замер, точно задумавшись, а затем раздался тихий хруст, и кожа начала слезать с его лица, сползать прядями, будто обдираемая березовая кора. Обнажилась кровоточащая плоть, изъязвленная дырами, из тех полезли черные блестящие черви в палец толщиной.

– Что за дрянь! – Кость аж отпрыгнула. – Смотри, кусают!

– Да ладно, нашему гнилому другу подобные твари не страшны, он с ними давно подружился, – Мосол загоготал, хлопнул Эрэма по плечу, и с удивлением затряс красной, словно ошпаренной ладонью.

– Нет, нам они не повредят, – задумчиво произнес восставший, отпуская еще живое, дергающееся тело, и позволяя ему упасть наземь. – Меня куда больше другое интересует. Это ведь некромантия высшей пробы, и на нее мало кто способен...

– Может быть, ты расскажешь нам все, что знаешь? – спросил Расин.

– Да, что это за жезл, кому он на самом деле нужен, кто наш наниматель и его враги?

– С чего вы решили, что мои познания обширнее, чем ваши? – ответил Эрэм после крохотной заминки, и эта заминка оказалась красноречивее многих слов: он наверняка знал больше, чем хотел показать, но почему-то не собирался делиться сведениями со спутниками. – Я точно такой же наемник, и все мое преимущество в том, что я неоднократно бывал на Святой Земле, и лучше ориентируюсь в Эльджуне и Асээ-Тэпх...

Кость выразительно сплюнула, Мосол выругался, Расин хмыкнул и отвернулся.

С телами прочих лесных татей происходило то же самое, как и с тем, которого оставили в живых. Их плоть разлагалась, и из-под лохмотьев почерневшей кожи, из-под тряпья и стремительно ржавеющих кольчуг лезли черви, многоножки, бескрылые коричневые мухи.

Прошли еще с километр, и впереди открылась прогалина, в центре которой прямо из земли поднимался столб голубого свечения, особенно яркого на фоне темной зелени леса.

– Место Силы, – сказал Эрэм. – Вот что на самом деле охраняли те бедолаги.

До вечера подобные штуковины встречали еще дважды, неоднократно видели джунские руины. Когда начало темнеть, наткнулись на заброшенную стоянку, где, судя по изобилию мусора, люди обитали долго.

Вот только самих людей больше не встречали, и нельзя сказать, что это Расина сильно расстраивало.

Этой ночью пришла его очередь дежурить, и темные джунгли не дали хадаганцу заскучать. Для начала из мрака явилось существо, что состояло, как казалось, из одних клыков и когтей, а умирать не пожелало даже после того, как в него один за другим воткнулись три ножа, причем один отравленный.

В другой ситуации он бы просто дал зверю побегать и истечь кровью, но хищник, клацая зубами, рвался туда, где храпели орки и пребывал в мрачном оцепенении Эрэм, так что пришлось встать у него на пути.

Едва оттащил труп прочь от костра, как во тьме началась драка между падальщиками.

А из земли, щедро политой вонючей черной кровью, полезли черные извивающиеся плети. Одна сдавила Расину лодыжку так, что голенище сапога из толстой кожи закрипело и затрещало.

Нож взял то ли щупальце, то ли стебель не с первого удара, брызнул густой сок.

– Милость Незеба! – воскликнул он, отпрыгивая в сторону.

Пришлось переносить вещи, то и дело оглядываясь туда, где с бешеной скоростью перло из земли хищное растение.

Рычание и визг там, где лежал труп хищника, постепенно затихли, черные плети перестали дергаться и остались торчать неподвижно, словно длинные и уродливые, сведенные судорогой пальцы. Зато с северо-востока из чащи долетел пронзительный и тонкий, полный угрозы крик, очень похожий на человеческий, и через заросли пробилось розовое зарево.

Что там такое, Расин решил не выяснять.

Крики доносились время от времени, зарево в необычайном, дерганом ритме пульсировало за деревьями, словно там пылал огромный костер, и плясали вокруг него огромные угловатые фигуры...

Исчезло все с первыми признаками рассвета.

– Сегодня мы должны дойти до цели, – объявил Эрэм, когда они покончили с завтраком.

– Очень хорошо, – обрадовался Мосол, – а то надоело по зарослям топтать.

Тропа вывела их к очередным, непонятно каким уже по счету, джунским развалинам, но эти, в отличие от предыдущих, выглядели, если можно так сказать, обитаемыми. Краем глаза можно было увидеть туманные силуэты, что плыли меж стволов деревьев, до слуха долетали обрывки фраз на чужом языке.

Кость то и дело вздрагивала, хваталась за эфес меча, ее муж нервно озирался. Зато восставший, наверняка видевший и

слышавший намного больше остальных, шагал, даже не глядя по сторонам.

Тропа снова повернула, и они увидели, что впереди над вершинами деревьев поднимается остроконечная верхушка из темно-алого камня. А затем лес разбежался в стороны, и стало ясно, что посреди широкой прогалины с гладкой и черной, точно обожженной землей стоит пирамида.

Она была не такой уж и большой, и как ни странно, мало напоминала джунские постройки. Гладкие стены без каких-либо украшений, проем входа охраняют две огромные мрачные фигуры без лиц, зато с мечами, и крутится вокруг нечто вроде поземки то ли из серого снега, то ли из пепла.

– Стоять! – скомандовал Эрэм, и в голосе его прозвучало нечто похожее на страх и удивление.

– Что такое? – спросил Расин.

Пирамида не выглядела особенно мрачной или опасной, но почему-то ему не нравилась. Казалось, что фигуры без лиц вот-вот оживут, или наружу выберется нечто вроде того хищника, что явился ночью, только сильно побольше, и с когтями подлиннее.

– Эта вот вещь меня очень не радует, – сказал восставший, поднимая худую руку. – Не радует совершенно... Боюсь, что прежде чем хотя бы подойти ко входу, нам придется отыскать способ ее ликвидировать.

– Да ладно, чего там? Струсил, мертвяк ходячий? – Мосол покосился на Эрэма с презрением. – Пыль столбом метет, и это все? А ну-ка, жена, пойдем, посмотрим, что там.

Расин и восставший остались на месте, а вот орки пошли вперед.

Хлопья серого «снега» полетели гуще, кокон вихря, в котором находилась пирамида, стал плотнее, материальнее. Налетел порыв горячего, пахнувшего гарью ветра, и орки перестали двигаться – они перебирали ногами, размахивали руками, но при этом оставались на месте.

– Хоть убей, как такое возможно?! – рявкнула Кость. – Еще и жжет, зараза!

– Ничего, пробьемся! – Мосол заревел и перешел на бег, но не сдвинулся ни на шаг. – Вперед! Вперед!

В один момент показалось, что орк прорвется, что его грубой силы хватит, чтобы одолеть препятствие. Но в следующий момент его словно ударило в грудь, и он полетел назад, как выдернутая из воды рыба.

Шлепнулся наземь с мокрым хряском и несколько мгновений лежал, хватая воздух ртом.

– С меня хватит! – буркнула Кость, и начала медленно

отступать.

Серые хлопья растворились в воздухе, превратились в пыль, вихрь замедлил вращение, стал почти невидим.

– Что это? Заклинание? – спросил Расин.

– Да, причем выстроенное по совершенно необычным принципам, – отозвался Эрэм. – Уж поверь мне, но я не знаю ни одного мага, способного на такое...

В голосе его звучало благоговение.

– Ах ты ж так растак, мать твою через коромысло! – Мосол уселся, ошалело мотая головой. – И самое обидное, что сам по морде вроде получил, и хорошо, а в ответ врезать-то и некому!

– По такой морде, как у тебя, не грех и получить, – пробормотала Кость, подойдя к мужу.

– Ну что, колдун, покажи, чего ты на самом деле стоишь, – орк повернулся к Эрэму.

– Сейчас, – восставший одним легким движением сдернул со спины баул, опустил его наземь.

Когда отстегнул клапан, изнутри пахло пряным и острым, Расину даже показалось, что поднялось облачко темно-серого дыма. А затем из недр баула, способного вместить разрезанного на куски дракона, начали появляться самые разные вещи.

Набор черно-фиолетовых кристаллов разного размера и формы, ароматические палочки, две свечи толщиной в запястье, вырезанный из очень светлого дерева паук с огромным количеством ног и глазами из обсидиана.

– Ого, какая штука! – с восхищением гаркнул Мосол, когда Эрэм вытащил изогнутый клинок с зазубренным лезвием из черного металла.

Восставший не обратил на реплику орка внимания.

Он принялся рисовать ножом прямо на земле, выстраивая перекошенную звезду с множеством лучей. В центре ее оказался деревянный паук, установленный так, чтобы глядеть в сторону пирамиды, а по периметру встали, образовав разорванный в двух местах овал, кристаллы.

Свечи вспыхнули белесым пламенем без дыма, по их бокам потекли капли воска.

– Вам лучше отойти, – сказал Эрэм, выпрямляясь.

Расин не заставил себя уговаривать, и даже орки в этот раз забыли про свой гонор. Оставшийся в одиночестве восставший, подняв руки над головой, начал медленный речитатив.

Один из черно-фиолетовых кристаллов выбросил столб света, затем вспыхнул второй, третий. По поверхности пирамиды заструилась легкая рябь, серый вихрь закачался, точно огромная тяжелая бочка, которую пытаются завалить набок, как неуклюжий

пьяный танцор на свадьбе.

Свечи погасли одновременно, хотя восставший даже не смотрел в их сторону.

Кристаллы тем временем начали оплывать, таять, словно они, в свою очередь, были из воска или иного мягкого материала. Сначала один превратился в черно-фиолетовую кляксу, второй рассыпался крошками, будто пересохший хлеб, третий перестал светиться, из него полетели искры.

Рябь исчезла, вихрь, защищающий пирамиду, на мгновение проступил очень четко, стало ясно, что это сложная штуковина, состоящая из сотен, а может быть и тысяч вихрей поменьше. А через мгновение он совершенно исчез из виду, остался лишь намек, слабое колыхание воздуха.

– Ну что, можно идти? – нетерпеливо спросил Мосол.

– Можно, но результат будет тот же, – отозвался Эрэм, опуская дрожащие руки. – Точнее, результата не будет никакого. Я пока даже не смог понять, как это работает, а уж чтобы убрать... мне понадобится время, и намного больше, чем я думал с самого начала.

– Сколько? – поинтересовался Расин.

– Несколько дней, – восставший огляделся, так медленно поворачивая голову, словно на макушку ему давила незримая тяжесть. – Полагаю, нам придется стать лагерем.

– Главное, чтобы тут нашлась вода, – сказал хадаганец. – И съедобная живность.

Пробивающий дорогу сквозь чащу ручеек отыскали метрах в двухстах к юго-западу от пирамиды. Мосол и Кость нарубили веток и принялись разводить костер, а Расин прочесал ближние заросли на предмет опасных тварей.

Когда вернулся, Эрэм возился со своим баулом, засунув руки в него едва не по локоть.

– Отправляйтесь на охоту, – сказал он, – а я пока займусь делом.

Живности в окрестных джунглях и болотах оказалось предостаточно – крупные птицы с таким ярким оперением, что при одном взгляде на них начинали болеть глаза, олени в холке едва выше человеческого колена, мохнатые глазастые создания, обитающие высоко в ветвях.

Так что в лагерь мяса приволокли столько, что даже четверым должно хватить на несколько дней.

– А где наш мертвый друг? – поинтересовался Мосол, сгружая окровавленные тушки наземь.

– Колдует у пирамиды, – Расин кивнул в ту сторону, где над кронами поднималась остроконечная верхушка. – Так что

жратвой по милости Незеба придется заняться самим.

Эрэм провел у заключенного в серый вихрь сооружения целый день, заглянул в лагерь только в сумерках. На вопрос как продвигаются дела, он лишь пожал узкими плечами и сказал, что похвастаться пока нечем и что он заново возьмется за дело с рассветом.

Этой ночью Расин был свободен от стражи, но он все равно несколько раз просыпался.

И все время, когда открывал глаза, восставший сидел в одной и той же позе, скрестив ноги, рядом со своим баулом. Длинными, как паучьи лапы руками он перекладывал какие-то предметы, доносилось мягкое постукивание, клацанье, тихий хруст.

– Будьте наготове, – сказал Эрэм, когда все проснулись и Мосол принялся разводить костер. – Есть у меня ощущение, что рядом с этой пирамидой может появиться кто-то еще, и вряд ли это будет друг.

Глава 9

Едва «Приют Старателя» исчез из виду, Головешка испытал легкое разочарование: когда еще они окажутся в таком месте, где можно выпить чего-нибудь покрепче воды, а затем при желании набить морду не просто кому-нибудь, а сородичу из ди Дазирэ?

Скорее всего, только по возвращении на другой, более цивилизованный аллод.

По небу бежали облака, один ряд пустынных холмов сменялся другим, а они все ехали и ехали. Велигор бормотал себе под нос молитвы, гибберлинги сидели у него за спиной неподвижные и даже мрачные, Пожиратель Грехов мягко переступал с лапы на лапу.

Молчание нарушили только около полудня, и сделала это Ульфа.

– Нас впереди ждет засада, – сказала она. – Вон в том ущелье. Истинно.

– Объедем? – предложил Головешка, натягивая поводья, чтобы придержать Валуна.

Сражаться просто так не хотелось, да и ущелье, куда они направлялись, выглядело не слишком удобным для схватки – два одинаково крутых склона, грудями лежат валуны и видны темные отверстия, наверняка входы в пещеры, где очень хорошо прятаться, оставаясь невидимым и почти неуязвимым.

Но дорогу преграждают уже не холмы, а горы, пусть и невысокие, и так легко через них не перебраться.

– Нет, ну так не пойдет! – возмутился Велигор. – Неужели мы струсим и отвернем? Рванем же в атаку, и покажем этим исчадиям тьмы, что мы исполнены отваги и пыла истинной веры!

– Ну если только ты, я-то не особенно исполнен, провалиться мне в астрал, – пробормотал Головешка.

– Бесполезно, – вмешалась Ульфа. – Эти люди не отступятся, они пойдут следом. Нити их сплетены с нашими, и только ножницы позволят отъединить их от узора Судьбы.

– Пусть идут следом, кто против, но так мы сами выберем место для схватки! – Головешка начал понемногу злиться.

Гибберлингка покачала головой:

– Давай попробуем, но я не особенно верю, что у нас получится.

Эльф мрачно покосился на храмовника, что продолжал что-то вещать о мечах Света, и повернул коня на север – вон там виднеется другой проход через горы, ничуть не хуже того, куда они собирались направиться, пусть и не такой широкий, и

местами завален камнями.

Но уйти далеко им не дали.

Не проехали и десятка шагов, как Головешка ощутил мягкий толчок в виски – кто-то неподалеку пустил в ход магию, пусть не особо искусно, зато не пожалев на это дело сил. Вскинул руку ладонью вверх, от локтя к запястью пробежала мягкая дрожь, и из растопыренных пальцев прянули лучи голубого света.

Через миг над ними образовался мерцающий полог.

Чужое заклинание ударило в него подобно метеору, и разбилось, полетели в стороны алые искры.

– Вот они! Рази! – завопил Велигор, потрясая копьем, и деревянная свеча на его груди вспыхнула ослепительным белым огнем.

Несколько человек выскочили из-за ближайшей груды камней и побежали вниз по склону. Из ущелья появилась еще одна группа атакующих, на этот раз верхом, и в воздухе засвистели стрелы.

Первая сгорела на лету, еще одну храмовник отбил, третью разрубил на лету Тронд. Защитный полог заколыхался, точно кусок настоящей ткани на сильном ветру, и расползся на лоскуты.

– Ну где же ты, гад? – пробормотал Головешка, пытаясь определить, где вражеский маг: если вывести его из строя, то сражаться будет куда легче, да и шансы на победу, откровенно говоря, увеличатся.

Но через мгновение он понял, что каждый из атакующих способен творить заклинания, и сообразил, наконец, с кем они имеют дело – охотники на демонов, бродячие истребители астральной нечисти, и вполне вероятно, что те самые, с которыми «общались» вчера на постоялом дворе!

Решили-таки привести свою угрозу в исполнение.

Головешка отбил нацеленный в него огненный шар, и атаковал сам, причем не кого-то одного конкретно, а по площади. Времени плести что-то сложное не было, и поэтому ударил тем заклинанием, которое знал досконально, в котором не сомневался.

Не сверкнула молния, не ударил гром, но ближайший охотник споткнулся на бегу, едва не упал на колени. Второй попытался выпустить стрелу, но еле сумел натянуть тетиву, а затем и вовсе уронил лук.

– Рази во славу Тенсеса! – завопил Велигор, пуская в ход копьё.

Пожиратель Грехов ударом лапы опрокинул одного из врагов, второй отлетел в сторону после выпада кого-то из гибберлингов. Ульфа сцепилась с третьим, и тот зашатался, с трудом удерживая в руках еще недавно легкий, такой привычный вроде бы клинок.

Головешка выхватил меч, рубанул с седла.

С наслаждением почувствовал, как острие врубилось в упругую плоть, заскрежетало по жилам и костям.

– А-а-а-а! – закричал раненый, эльф попытался ударить еще раз, но его уже пронесло мимо.

Выпущенные им на волю чары превратили мышцы охотников на демонов в кисель, и сильные, тренированные мужчины ощутили себя наполовину парализованными старцами. Попытайся любой из них обратиться к магии, он обнаружил бы, что начисто утратил способность к концентрации.

Лев зарычал, пустил в ход не только когти, но и зубы.

Велигор орудовал тяжелым копьём будто тростинкой, гибберлинги визжали, точно бешеные собаки. Атакующие падали один за другим, кровь брызгала на камни и сухую, растрескавшуюся землю плато Коба.

Головешка зарубил еще одного, и тут охотники начали разбегаться.

Похоже, они не ждали от «демонопоклонников» такого яростного и решительного отпора, затем за очень короткое время потеряли чуть ли не десяток своих, и в конце концов запаниковали.

– Труссы! – со злым презрением закричал эльф, придерживая коня. – Ату их, ату!

Не хватало еще тратить силы на погоню за всякими идиотами.

– Стойте! Хватит! – гаркнула Ульфа, и двое ее братьев, забрызганных кровью с головы до ног, послушно замерли. – И ты остановись! Достаточно с них! Церковник!!

Велигор ее вряд ли услышал, зато на окрик среагировал Пожиратель.

Он остановился и затряс могучей гривастой башкой, оглашая холмы победным рыком.

– Давай! Вперед! – взревел храмовник. – Что с тобой, во имя Тайны Воскрешения?!

Но все-таки он сообразил, что лев заартачился не просто так, глянул туда, где остались спутники.

– Поехали дальше! – прокричал Головешка. – Нечего на них время тратить!

Он ждал, что Велигор заартачится, начнет вопить, что нужно догнать и истребить всех вплоть до последнего «исчадия», но тот без единого слова развернул льва, и вскоре оказался рядом.

– Ну вот, хоть размялись маленько, а то сплошь тоска зеленая, – проворчал он. – Прегрешение, конечно, быть кровожадным, но не иначе силы Света послали нам этих

недоумков, да примет Тенсес их души и простит им их заблуждения... смотри, живой!

Один из лежавших на камнях «трупов» зашевелился и застонал.

– Это ненадолго, – пообещала Ульфа.

Гибберлингка махнула лапкой, после чего ее братья быстро добились раненых.

Поле боя с десятком свежих трупов осталось позади, потянулись стенки ущелья, где была засада. Когда вновь выехали на открытое пространство, то в небе с восточной стороны от горного хребта кружили понемногу опускавшиеся стервятники.

Во второй половине дня пейзаж начал меняться, холмы понемногу измельчали, а затем и вовсе сошли на нет. Потянулась гладкая, точно стол, равнина цвета ржавчины, изрезанная бороздами вроде тех, что оставляет на поле плуг, вот только что за безумец решил вспахать этот участок и на какой урожай он надеялся?

Когда в одной из бороздок блеснул металл, Головешка в первый момент решил, что ему показалось.

– Ух ты, глянь-ка! – воскликнул Велигор. – Это же меч!

Нет, не показалось... в «ранах» на шкуре степи валялись куски железа, изогнутые и перекрученные, и среди них попадались совершенно не деформированные и не тронутые ржавчиной предметы.

Меч, а вон торчит остроконечный шлем, выглядевший так, словно его носили вчера, вилы, что-то вроде бронзового гребня для волос, но такого размера, что у человека голова пройдет между зубцами.

Храмовник наклонился в седле, чтобы подцепить двуручный меч с рукоятью из белоснежной кости.

– Стой! Не трогай! – воскликнул Тронд. – Тут все пропитано смертью!

– А? – Велигор отдернул кисть.

– Я не чувствую никакой магии... – протянул Головешка, но посмотрел на серьезные мины всей троицы гибберлингов, и решил, что и на этот раз лучше будет с ними согласиться.

– Это не чары, это некое... – Ульфа поводила руками в воздухе, словно пытаясь обрисовать нечто круглое, – чуждое, отвратительное, невероятно древнее... иное, непохожее... Нити другого цвета, не настоящие, не полные жизни, как наши, а бесцветные, призрачные...

По физиономии Велигора было видно, что он ничего не понял, но уточнять храмовник не стал.

Еще через несколько километров Головешка разглядел на

горизонте черное пятнышко. Оно приблизилось, и стало ясно, что это крепостная башня, обгорелая и покосившаяся, с огромным проломом в одном из боков, но непонятно почему не развалившаяся.

– Кто-то в этих местах жил, – задумчиво протянул эльф, озирая окрестности. – Сарнаут был тогда единым миром, а не набором разбросанных по астралу обломков.

Вскоре после первой башни увидели вторую, на этот раз темно-багровую и наполовину разрушенную. Затем появились выступающие из земли стены, похожие на сточенные зубы, копыта застучали по камням, что выглядели обтесанными и лежали аккуратными рядами.

Солнце к этому времени опустилось к горизонту, начало темнеть и стало ясно, что руины светятся, что по ним бегают желтые и рыжие искры, а башни закутаны в ореол из призрачного синего пламени.

– Честно говоря, не хотелось бы мне здесь ночевать, – проговорил Велигор, оглядываясь. – Могущество истинной веры конечно велико, но здесь она, как ни печально, кажется мне отчего-то несколько менее истинной, чем когда я нахожусь на Умойре или Ингосе... Да простят меня все Покровители, чье благословение должно быть силой даже в этом краю.

– Ты ошибаешься, – голос Ульфы прозвучал напряженно. – Тут нет иных сил. Истинно.

– Ага, – поддержал ее Свен.

– Если хотите, то будем двигаться, пока это не закончится, – сказал Головешка как можно более небрежно: ему самому было не по себе на этой безмолвной равнине, среди древних развалин, но настоящий эльф никогда не признает, что может испытывать страх.

Солнце ушло совсем, накатила тьма, а они все ехали и ехали в призрачном танцующем свете, пересекали стены, что когда-то могли сдержать атаку врага, а ныне не остановят и кошку.

Среди башен ходили раскоряченные тени, похожие на человеческие, размахивали руками. Из спрятанного за сиянием мрака доносились звуки, напоминавшие смех, плач, страстные стоны, иногда Головешка слышал шум шагов, настолько отчетливый, что хватался за меч.

Но его магические чувства по-прежнему молчали, словно вокруг не было ничего.

Сгинуло ощущение времени, казалось, что эти будто покрытые ржавчиной руины будут тянуться бесконечно.

– Все, конец, – сказала Ульфа, и только после этого Головешка сообразил, что развалин впереди нет, что там лежит

обычная ночная степь, колыхается под ветром сухая трава, виднеется на горизонте одинокий холм.

– Слава тому, кто заботится и думает обо всех детях Света, – пробормотал Велигор слабым голосом. – Уж лучше сражаться... убивать, грешить, чем пройти через это еще...

Головешка непонятно почему чувствовал себя грязным, словно влез в липкую паутину, и нити ее остались не только на коже, но и на внутренностях, проникли в голову, забили глотку. Хотелось сунуть в рот два пальца и опустошить желудок, а затем хорошенько вымыться и прополоскать одежду.

– Отъедем немного, и будем разбивать лагерь, – сказал он, борясь с желанием оглянуться.

Когда оно победило, сумел рассмотреть лишь слабое мерцание на горизонте. Облегченно вздохнул, подумал о том, что ни в одном трактате, посвященном описанию Святой Земли, ни в одной книге о магии или древностях этого аллода не встречал описания подобного места.

На ночлег остановились у неглубокой лощины, на дне которой журчал ручеек.

Первую часть ночи Головешка дежурил, и вопреки его опасениям, никто и ничто не нарушило покой путешественников. Зато когда лег спать, то окунулся в настоящий омут из кошмаров, откуда не мог выбраться до первых лучей бледного, какого-то неживого рассвета.

Следующий день провели в седлах, и ближе к закату эльф разглядел на горизонте тонкую зеленую полоску. Она выросла, превратилась в настоящий плетень из громадных, оплетенных лианами деревьев с торчащими там и сям шипастыми ветками.

– Как-то тут плохо с дорогами, – заметил Головешка.

Проломиться через эту массу зелени не поможет никакая магия.

– Рядом есть две тропы, одна на севере, – Ульфа подняла лохматую лапку, – она намного ближе, но нравится мне меньше, чем та, что на юге... Тронд, что ты чувствуешь?

Молчаливый гибберлинг выразительно пожал плечами.

– Понятно. Ничего, – сказала его сестра. – Так что решайте сами, куда ехать.

– А что значит «ближе»? – поинтересовался Велигор.

– До южной около трех километров, до северной будем ехать до ночи, – Ульфа повторила жест брата. – Но обе они через какое-то время сольются в одну... нити бегут. Свиваются.

– Тогда к чему зря тратить время? – сказал Головешка.

Голая и безрадостная равнина плато Коба надоела ему хуже горькой редьки, готов был броситься в какую угодно авантюру,

лишь бы убраться с этого открытого пространства.

– Лучше потратить время, чем жизнь, – возразил Велигор. – Хотя что такое жизнь? – он оглянулся на восток, в ту сторону, где за горизонтом прятались светящиеся развалины. – Духовную брань можно совершать где угодно и как угодно, но только не там, где душа твоя гаснет подобно свече в заполненном горным газом забое, где не слышит тебя великий заступник за души людские...

Тут храмовник сбился и понес уже нескрываемую околесицу.

– Ну, значит, решили, – и Головешка развернул коня на юг.

Тропа начиналась около круга из покосившихся камней, внутри которого поднимался к небу обозначавший место силы столб голубого пламени, такой высокий и толстый, каких они до сих пор не видели.

– Добро пожаловать в Асээ-Тэпх, – сказала Ульфа, когда деревья оказались справа и слева, а над головами сомкнулись кроны, несущие на себе настоящие облака из тяжелой сырой зелени.

Уже на первых же метрах Головешка понял, что здесь будет не проще, чем на плато Коба. В джунглях оказалось не просто жарко, а невообразимо душно, влажный, насыщенный ароматами гнили воздух перекачивался тягучими клубами, и надрывно жужжали комары.

– Ой! Изыди! – воскликнул Велигор, хлопая себя по щеке.

Комар был размером чуть ли не в треть ладони и продолжал дергаться даже расплюснутым.

Гибберлингов спасала густая шерсть, эльфу и человеку в какой-то степени помогала одежда, но вот Пожиратель Грехов и Валун оказались беззащитны перед летучими кровососами.

Конь начал истошно ржать, едва не сбросил всадника, так что его пришлось успокаивать заклинанием.

Лев же в один момент зарычал, бешено трясая головой и хлеща себя хвостом по бокам. А затем повалился набок и попытался перекатиться через спину, точно играющий котенок-переросток.

– Стой! – завопил Велигор, лежавший с прижатой к земле ногой.

Ухитрившаяся соскочить невредимой Ульфа нанесла Пожирателю колющий удар в бок. Тот невольно дернулся, вскочил, занося лапу, чтобы покарать дерзкого врага, да так и замер.

– Успокой его! – проорал храмовник, пытаясь удержать обезумевшего хищника.

Развернувший собственного скакуна Головешка встряхнул

рукой, будто скидывая нечто с пальцев, глаза у льва выпучились, и стали как две громадные бусины из золота.

– Ох... ух, спасибо, – сказал Свен, выбираясь из зарослей: взъерошенный, помятый, но живой и даже не раненый. – Можно, я дальше пешком пойду, ага? А то как-то оно не...

– Иди... – тут эльф понял, что больше не слышит жужжания комаров.

Еще не успев сообразить, что его насторожило, он резко повернулся и пригнул голову. Тупой удар пришелся в правую сторону груди, проникающая боль отдалась в спине, а ноги сами вылетели из стремян.

Головешка кувырнулся так, что перед глазами мелькнули верхушки деревьев, и врезался мордой в землю.

– Йе-е-е-х-х-ху! – завопил кто-то в самое ухо.

– Демоны из лесу явились! – привычно, но на этот раз несколько неуверенно крикнул Велигор.

Морщась от боли в груди, Головешка перекатился набок, торопливо скосил глаза: ну да, древко стрелы торчит чуть ли не под подбородком, но вот наконечник засел неглубоко, и крови почти нет.

Крохотные, но сильные ручонки подхватили эльфа, поволокли куда-то в сторону. Замелькала перед глазами истоптанная, покрытая гниющими листьями и изогнутыми корнями земля.

В себя пришел, когда понял, что с него собираются снять пояс с мечом.

Зарычал от злости не хуже Пожирателя, дернулся так, что неведомые враги вынуждены были его отпустить. Падая на живот, успел выбросить правую руку и прочесть заклинание, так что наземь хлопнулся не только под лязг собственных зубов, но и под аккомпанемент стонов и взвизгов.

Головешка перекатился, сокрушая чьи-то хилые конечности, ладонь сомкнулась на рукояти меча.

– Эльф, быстрее! – закричала Ульфа.

Малорослые существа, пропорциями тел похожие на гоблинов, разве что не такие уродливые, и с человеческим цветом кожи, утаскивали в заросли одного из гибберлингов. Второй пытался прорваться к брату, но едва успевал отбивать удары деревянных копий с каменными наконечниками.

Велигора и Пожирателя Грехов не было видно за волной из живых тел, но судя по воплям и рычанию, они сражались отчаянно.

– Быстрее! – повторила Ульфа, кидаясь вперед, чтобы выручить родича.

Головешка ударил мечом крест-накрест, по ушам резанул сдвоенный визг, чужая кровь брызнула на лицо, густая, теплая и соленая. Отпихнул ногой еще одного из нападавших, и получил паузу, достаточную для того, чтобы обратиться к единственному оружию, способному помочь против такой массы врагов – магии.

Брошенное заклинание вынудило деревья у тропы надрывно заскрипеть, а землю вздрогнуть. Из открывшихся под ногами трещин ударили серые фонтанчики, будто сотни крохотных вулканчиков начали извергаться пылью или песком, аромат зелени перебила гнилая вонь.

Тем из чужаков, что тащили гибберлинга, «повезло» больше всего, мышинового цвета облако скрыло их с головами. Когда оно развеялось, открылась груда окровавленных подергивающихся тел, и выбирающийся из ее глубины Свен с кинжалом в лапе.

– Брат! Жив! – с неподдельной радостью в голосе закричал Тронд.

– Во славу Тенсеса! – из толпы врагов появился храмовник в изодранной рясе, наносящий удары во все стороны. – Исчадия же зла, вставшие на пути верных, во прах повержены будут и души их претерпят заключение в геенну огненную и мрак зубовный!

На последнем слове Пожиратель Грехов неожиданно споткнулся, и рухнул набок, едва не придавив седока заново. Стало видно, что из бока и живота льва торчат по меньшей мере две дюжины копий, некоторые из них вбиты по самую рукоятку, а из длинной раны торчат внутренности.

Велигор вывернулся из-под тела зверя, обхватил его за морду и принялся шептать в огромное ухо.

– Йе-е-еху-у! – боевой клич малорослых обитателей джунглей прозвучал вновь, но куда менее воинственно.

На этот раз Головешка сразу, не дожидаясь напоминаний, ответил на него заклинанием. Фонтанчики из пыли опали, но им на смену пришло спустившееся от крон деревьев мягкое свечение цвета перламутра.

Всякий из чужаков, кого оно касалось, на миг замирал, а потом бросался на соседа.

Вскоре они уже дрались между собой, и один за другим падали наземь, пронзенные копьями, проткнутые стрелами и изрубленные топорами собственных же сошедших с ума соплеменников.

– Рази их! – завопила Ульфа, и братья ее услышали, с новой силой ринулись в бой.

А вот Велигор не смог оторваться от Пожирателя – обняв его, суровый храмовник рыдал, точно малое дитя, и в бессвязных словах его, обращенных к спрятавшемуся за кронами деревьев

небу, звучало намного больше гнева и упрека, чем веры в могущество Света...

Головешка поднял меч, но тут же вынужден был его опустить.

Два мощных заклинания, пущенных в ход одно за другим, без перерыва, вымотали его до предела.

– Остановитесь, хватит, – прошептал эльф.

Действие чар вот-вот закончится, и тогда уцелевшие враги, которых будет не так много, и думать забудут о нападении – это он видел по искаженным лицам, по дергающимся в жажде бегства ногам, заполненным страхом глазам.

Но как ни тихо прозвучали слова Головешки, Ульфа их услышала.

– Йех-х-ху-у! – закричал один из нападавших, придерживая готовую к удару руку. – Аой?

Последний возглас прозвучал испуганно и жалобно, и словно послужил сигналом. Обитатели джунглей ринулись в стороны, закачались потревоженные ветки, упало наземь несколько листьев.

Через мгновение вокруг тропинки остались лишь трупы.

Стали различимы рыдания Велигора, зарывшегося лицом в золотистую гриву Пожирателя.

– Ладно, хватит тебе, – сказал Головешка, – вон у меня коня сперли, пешком пойду.

Убитого или раненого Валуна местные, похоже, уволокли с собой, и вряд ли для того, чтобы на нем ездить.

Хотел добавить еще что-то, пошутить над привязанностью храмовника к своему зверю, но неожиданно понял, что не может... Остановила его странная мысль, словно мышь в амбар проскользнувшая в сознание догадка насчет того, что громогласный и вроде бы уверенный в себе Велигор на самом деле одинок, и лев был его единственным другом.

– Его Нить оборвалась достойно, – торжественно проговорила Ульфа.

– Лучше бы оборвалась моя, – храмовник поднял лицо, показывая спутникам красные глаза, мокрые щеки. – Простите меня, я не могу идти дальше, пока мы не похороним Пожирателя как надо.

Головешка промолчал, хотя считал, что это откровенная глупость – задерживаться ради хищной и тупой зверюги, с трудом отличавшей хозяина от прочих двуногих прямоходящих.

Да и вообще неизвестно, отличавшей ли?

– Что это были за существа? – поинтересовалась Ульфа, присаживаясь на корточки рядом с одним из трупов и переворачивая его на спину: определенно человек, очень

маленький и смуглый, руки и ноги тонкие, живот отвислый, на бедрах повязка из шкуры, на щеках – ритуальные шрамы.

– Я читал о племенах, что населяют джунгли Асээ-Тэпх с глубокой древности, – сказал эльф. – Одичавшие потомки тех народов, что обитали здесь до джунов и Зэм. Только вот мало кто из ныне живущих с ними встречался, и почти никто не сумел поведать об этой встрече.

Он оглянулся на шум, и понял, что Велигор, извлекий из поклажи топор, принялся рубить ближайшее дерево.

– Ты что делаешь? – изумленно воскликнула Ульфа.

– Мы сожжем его, и Тенсес примет его искру, хотя Пожиратель и был всего-навсего зверем! – истово ответил храмовник, продолжая обрушивать на ствол могучие удары. – Позволит ему возродиться человеком, укрепиться в истинной вере и прожить в ней всю жизнь!

– Да ты провозишься до утра, понимаешь? – пробормотал Головешка.

– Хоть до завтрашнего вечера! Если хочешь, чтобы дело шло быстрее, то помоги!

Тронд шагнул вперед, в лапах его появился топор, которым обычно пользовались гибберлинги. Примерился, и щепки полетели уже не в одну, а в две стороны, и дерево протестующе крикнуло.

Головешка демонстративно пожал плечами и отошел в сторону.

С погребальным костром для убитого льва провозились едва не до полуночи. Велигор насквозь пропотел, заработал царапину на лице благодаря щепке, чуть не выколовшей ему глаз, изорвал рясу и едва не отрубил себе правую ногу, но ни разу не остановился, чтобы отдохнуть.

Гибберлинги помогли ему очистить стволы от веток и сложить поленья в кучу.

Пока они работали, Головешка походил по окрестностям, не обнаружил даже следов уцелевших врагов, и на всякий случай расставил вокруг сигнальные чары – напасть врасплох теперь не получится ни у кого, даже у существа размером и весом с местного комара.

– Помолимся же за него во имя Света, – объявил храмовник, запалив факел. – Поблагодарим Пожирателя Грехов за то, что он сделал для нас, от чего он нас уберег...

Дрова вспыхнули, пламя поднялось к темному ночному небу, в стороны ударила волна жара, потекла вонь горелого мяса и жженого волоса. Громадная туша льва, обложенная ветками и обрубками стволов, как казалось, зашевелилась, вспыхнувшая

грива на мгновение встала дыбом, и возникло ощущение, что мертвый зверь вот-вот с ревом выпрыгнет из костра.

А потом оно исчезло, остались лишь огонь и дым.

Снова в путь двинулись лишь ближе к полудню.

Головешка перебирал ногами, шагая во главе маленького отряда и не забывая поглядывать по сторонам. Мысли его были унылы: ладно, уж до пирамиды они как-нибудь доберутся пешком, но ведь затем придется идти обратно уже с добычей, а это через весь Асээ-Тэпх.

Провалиться в астрал местным дикарям!

Гибберлинги топали следом за эльфом, держась, как обычно, тесной группой – понятное дело, что это не очень разумно с точки зрения возможного нападения, но всякому известно, что шагать врозь их не заставишь.

И позади шел Велигор, мрачный и необычайно молчаливый, в обгорелой рясе.

Головешка время от времени оглядывался, проверяя, не отстал ли храмовник – тот еле тащился, поскольку не спал всю ночь, дожидаясь, пока сгорит тело Пожирателя, а потом закапывая кости и пепел.

Джунгли выглядели обманчиво мирными, под кронами клубился густой туман, солнце виделось через него тусклым огненным шаром. Птицы и прочие лесные твари кричали приглушенно, на стволах блестели капли воды, а под ногами время от времени начинало чавкать.

Не прошли и десятка километров, когда Велигор споткнулся на ровном месте и едва не свалился.

– Стой, подождите, – сказал он, хватаясь за ствол ближайшего дерева и тяжело дыша. – Да помилует меня всемогущество Тенсеса, но мне нужно слегка отдохнуть, а может быть, помолиться, чтобы небесные силы дали мне сил земных для продолжения странствия...

– Какие к астралу молитвы? – отрезал Головешка. – Слава предкам, ты хорошо знаком со святой магией... неужели ты не в состоянии восстановить силы заклинанием?

– Это... это, – храмовник запыхтел, побагровел, глаза его выпучились, как у рака. – Не подбивай меня на дела нечестивые! Ты, отродье нечеловеческое, враг истинной веры!

– Так ты ради веры сюда явился? – протянул Головешка, не скрывая издевки. – Рассказывай эти сказки тупоумным старушкам, что побираются у храмов бывшего мага, выбившегося в боги... Те мощи, какие ты хочешь добыть, помогут вам собирать с легковерных еще больше денег, ведь к ним пойдут паломники.

Что, скажи, это не так?

Велигор замахнулся копьем, эльф потянулся к мечу.

– Стойте! Стойте вы! – между ними оказалась Ульфа, решительно выставила мохнатые лапы. – Помните, сколько мы прошли, что преодолели, и все ради того, чтобы вы поубивали друг друга в шаге от цели? До нее недалеко, я чувствую, и там нам понадобятся все силы и умения, что есть у каждого! Истинно!

– Пусть этот горелый огрызок эльфа засунет свой поганый язык... – начал было храмовник, но осекся на полуслове, лицо его вытянулось, зато копье в руке опустилось. – Ох, да простит мне Свет грех сквернословия, и прочие грехи мои...

Головешка сжал рукоять меча с такой силой, что в суставах хрустнуло.

Накатило яростное желание выхватить клинок и отрубить голову мерзкому уродливому святоше. Выточить кол в форме священной свечи и насадить на него окровавленную, глумливо ухмыляющуюся башку... пусть хоть после смерти послужит образцом благочестия.

– И ты прости меня за слова злые, – продолжил Велигор, без боязни подходя к эльфу. – Не по искреннему велению сердца были они сказаны, а по наущению врага истинного для всех на земле живущих, того, кто нас с пути истинного сбивает, творит зло и нечистоту...

– Ладно, проехали, – проговорил Головешка, с трудом шевеля окостеневшим от гнева языком.

В конце концов убить Велигора можно будет и после того, как они добудут подвеску. Ведь наниматель ничего не сказал насчет того, что нельзя лишать жизни спутников... после того, как они исчерпают свою полезность и станут не более чем надоедливой обузой.

И Ульфа по-своему права – у пирамиды, что ждет их впереди, может пригодиться каждый.

– Радостно слышать такое! – взревел храмовник и заключил Головешку в воистину медвежьих объятий.

– Ну вот и хорошо, – сказала гибберлингка. – И почему бы тебе не восстановить силы заклинанием? Чем это унизит тебя и умалит мощь великого и святейшего Тенсеса?

Велигор отпустил эльфа и отступил на шаг.

Видно было, что он колеблется, что с одной стороны, возразить вроде бы и нечего, а с другой стороны – так просто не выкинуть тот совсем не рациональный набор убеждений и правил, который обычно и называют верой.

– Ну, это же грех воистину... – протянул он наконец. – Хотя не самый страшный.

– Если ты не сделаешь этого, то скоро рухнешь от слабости, – продолжала настаивать Ульфа. – А если вдруг кто еще нападет? Опасность витает рядом, Нить любого может оборваться вот-вот, и темное облако неопределенности продолжает скрывать будущее. Клацают рядом ножницы тех, кто обрывает судьбу любого из живущих. Видишь?

Говорила она убежденно, лапами размахивала яростно, и Велигор сдался.

– Ладно, – буркнул он, поднимая крепко зажатую в кулаке деревянную свечу. – Согрешу я, ибо детям Света иногда невозможно жить в этой юдоли скорбей без греха... Отмолю потом.

От символа веры в Тенсеса, принесшего в Сарнаут возможность истинного воскрешения, потек мягкий белый свет. Через миг храмовник оказался заключен в тонкую полупрозрачную скорлупу, плечи его расправились, лицо прямо на глазах начало разглаживаться.

Головешка отступил, отвел глаза – почему-то этот свет показался неприятным.

– Вот так куда лучше, – сказала Ульфа, когда ореол вокруг храмовника развеялся.

– Ага, – подтвердил Свен.

– Ух, словно повторно родился, – произнес Велигор, и голос его прозвучал глубоко и мощно, так же как и ранее. – Отныне снова я готов сокрушить любое исчадие, что осмелится встать на нашем пути!

И они пошли дальше.

Вскоре тропа привела к болоту, но как ни странно, не закончилась, побежала дальше, с кочки на кочку. Потянулась унылая топь с висящими над ней облаками вонючих испарений, полчищами летучих кровососов и чавкающей, зыбкой поверхностью под ногами.

В какой-то момент Головешка услышал позади вскрик, обернулся, вытаскивая меч и одновременно готовясь метнуть заклинание – мало ли какая опасность могла неслышно подкрасться в этой дымке или выбраться из-под воды?

Но обнаружил лишь, что Ульфа бессильно обвисла на руках братьев, а голова провидицы мотается из стороны в сторону.

– Что с ней? – спросил эльф.

– Падающая на плечи истина всегда тяжела, и горек, отвратителен вкус ее на языке, – ответила гибберлингка, пытаясь устоять на подламывающихся ногах. – Видишь ли ты? – она рассмеялась, и настолько жутким был этот хохот, что у Головешки, несмотря на жару, холодок побежал вдоль позвоночника. – А я вижу... то, что ждет нас впереди – смерть.

Только смерть это не та, с которой рано или поздно столкнется любой из нас... она иная... Помогайте!

И Ульфа распрямилась, вскинула трясущуюся голову.

– Так что ты предлагаешь? Отступить? Вернуться? – спросил эльф.

Что, все путешествие было зря, его обманули, и придется возвратиться в Сиверию точно таким же, каким он уехал оттуда... с этими жуткими ожогами на теле и голове, без крыльев... вернуться уродливым, чтобы снова вести доводящую до безумия жизнь отшельника?

– Это невозможно, – гибберлингка покачала головой. – Нить бежит только вперед. Даже если попытаемся свернуть, то обстоятельства не дадут нам этого сделать. Водоворот.

– Тогда и болтать нечего, – вмешался Велигор, – подпояшем чресла верой, и вперед. Еще не поздно обратиться к истине, друзья мои, и я готов помочь вам, чем смогу...

Головешка молча повернулся и зашагал вперед по тропе.

Примерно через километр они увидели край болота, зеленую стену джунглей.

– Мы пришли, – сказала Ульфа.

Налетевший ветер заколыхал кроны, и между вершинами деревьев обнаружилось нечто остроконечное, направленное в небо. Головешке сначала показалось, что ждущая их впереди пирамида очень велика, но затем стало ясно, что он ошибся, что она не больше того же храма Тенсеса на Тенебре.

Высилось строение посреди большой поляны вообще без травы, зато с почвой насыщенного черного цвета. На гладких стенах цвета спекшейся крови не было видно швов, отверстий или выпуклостей, грани казались безупречно острыми.

И еще имелось заклинание, словно кокон окутывавшее пирамиду, живое,двигающееся, дышащее.

– А я думал, что только джуны в этих местах строили, – почти с детским разочарованием проговорил Велигор. – Что, вход с другой стороны или стену проломим?

Головешка понимал, что до стены еще надо добраться, что вот эти чары, выглядящие как безобидная серая хмарь, не пустят к пирамиде чужаков, нет, не убьют и не покалечат, просто не пустят. Догадывался, что ставили их крайне серьезные маги, и что убрать эту преграду будет очень нелегко.

Вот только говорить ничего не стал. Зачем?

– Может быть, и с другой, – сказала Ульфа. – Пойдем, посмотрим.

И они двинулись в обход пирамиды, стараясь не вступать на черную, словно измазанную сажей землю.

То, что рядом кто-то есть, Головешка почувствовал ровно в тот момент, когда они увидели вход – высокий и узкий, больше похожий на щель, охраняемый двумя тощими изваяниями. Уловил следы чужого заклинания, куда менее мощного, чем то, что охраняло пирамиду, но выполненного с несомненным искусством.

Увидел, как вдали колыхнулась ветка, рядом с ней дрогнула еще одна.

– К оружию! – рявкнул эльф, приводя в действие защитные чары.

И очень вовремя, поскольку в них уже летели стрелы.

Глава 10

Они просидели у пирамиды несколько дней, а Эрэм так и не добился успеха.

Чего только он ни делал – посылал на чужое заклинание целую орду своих, выглядевших как стая безголовых призрачных птиц; воздвигал около пирамиды столбы из темного дыма, похожие на колонны и на вид твердые, словно камень; покрывал черную землю сложными рисунками и надписями из десятков магических знаков; даже приносил в жертву лягушек, пойманных на ближнем болоте.

Серый вихрь трясся, словно припадочный, становился плотнее, бледнел, но исчезать не спешил.

На третий день восставший сказал, что он должен подумать, уселся на землю со скрещенными ногами, закрыл глаза, и провел в таком положении почти сутки, не реагируя на толчки и окрики.

Орки тосковали без дела, и выдумывали его себе сами – Мосол пел, хотя ему приходилось делать это вполголоса, чтобы не привлечь к лагерю незваных гостей; Кость пропадала на охоте, а когда возвращалась, начинала всячески издеваться над мужем; порой они дрались, и всякий раз драка заканчивалась страстным примирением в кустах, от которого тряслись ветки и летели наземь листья.

Расин наблюдал за всем этим, точил ножи и ждал.

Терпение он воспитал в себе еще в те годы, когда только учился сражаться – солдату куда больше приходится торчать на одном месте или шагать километр за километром, чем махать оружием, а и то и другое вряд ли назовешь таким уж веселым занятием.

Эрэм не соизволил выйти из транса, и когда на лагерь обрушился больше похожий на водопад ливень. Небеса изрыгнули тысячи холодных секущих кожу струй, и мир стал напоминать внутренности огромного искусственного резервуара из стекла, которые, если верить байкам, стоят в резиденциях богатейших эльфийских домов – сплошь вода и полощущиеся в ней плети зелени, не хватает разве что рыб.

И только когда дождь закончился, так же резко, как и начался, восставший соблаговолил открыть глаза.

– О, смотри-ка, он еще двигается, хоть и дохлый, – ехидно заметила Кость, без особого успеха пытавшаяся отжать волосы. – Хоть убей, мы уж начали бояться, что вот-вот запахнешь, и лопаты наточили, и место выбрали, красивое, с цветочками неподалеку.

– Плоть моя не подвержена тлению, – сообщил Эрэм, не

обращая внимания на гогот Мосла.

– Это хорошо, – сказал Расин, вынимая из ножен один из метательных клинков: после воды нужно будет протереть лезвие, заново смазать, да еще проверить рукоятку. – Какие успехи?

– Увы, но я не узнал ничего нового, – восставший поднялся, надрывно заскрипели суставы. – Ничего нового относительно заклинания, что перекрывает вход в пирамиду, зато... у нас будут гости.

Мосол вытаращил глаза:

– Ты чего, провидцем заделался? Тогда срочно обрастай белой шерстью.

– И уменьшайся в росте, – добавила Кость. – Хоть убей, из тебя выйдут три этих...

– Что за гости? – перебил Расин, и орчиха, поймав его недовольный взгляд, осеклась.

Хадаганец еще вчера во время охоты наткнулся на чужие следы.

Прошагал по ним около километра, а затем странным образом потерял на пустом месте. Сумел лишь определить, что мимо их лагеря прошли двое обутих в тяжелые сапоги людей не особенно большого веса.

Странно, почему Эрэм их не почувствовал, в отличие от сегодняшних визитеров?

– Один из них маг, причем достаточно сильный, – сказал восставший, словно отвечая на невысказанный вопрос: ну да, чародей чародея видит издалека, а простого человека может и не заметить. – И достаточно наглый, чтобы не прятать свое могущество. Кроме него, там есть еще кто-то, сколько и кто именно, я не разобрался, и идут они именно к пирамиде, уж не сомневайтесь.

– С чего ты взял? – буркнул Мосол. – Скажу прямо: мало ли народу по этим лесам шляется? И большинству на эту каменную дуру насрать с вершины самого большого дуба. Или тут нет дубов?

– Ты хочешь со мной поспорить? – Эрэм повернул металлическое лицо в сторону могучего орка, и тот сразу осел, сделал шаг назад и вроде бы даже уменьшился в росте. – Невежа, думающий только о еде, выпивке, совокуплении и песенках для идиотов!

– Что ты сказал? – обиделась за мужа Кость. – Ты сам петь умеешь, дохляк?

В руке ее появилась булава, и Расин понял, что пора вмешаться.

– Тихо вы, – сказал он, делая шаг вперед, так, чтобы оказаться

между орчихой и восставшим. – Чего спорить? Скоро узнаем, прав он или нет. Откуда придут твои «гости»?

– С востока.

Нет, вчерашние чужаки явились с запада и вроде бы утопали обратно, описав дугу.

В той стороне, где восходит солнце, лежит болото, и через него вроде бы не ведет ни единой тропинки... хотя, если честно сказать, Расин край топи особенно не изучал, поскольку дичи там было мало.

– Там есть дороги? – спросил он.

– Видимо, есть, – Эрэм пожал плечами.

– Тогда надо срочно найти тот путь, которым они придут, – предложил хадаганец.

Засаду лучше всего устроить там, где твердая земля переходит в трясину, чтобы противник не имел возможности маневра, чтобы с гарантией угодил в поставленную ловушку и уже не вырвался.

– Я не думаю, что стоит тратить на это время, – в голосе восставшего прозвучало некоторое напряжение. – Согласись, что тропами через болото могут воспользоваться и вполне невинные путники, не имеющие представления о том, что в этом районе Асээ-Тэпх есть какая-то пирамида. Мы должны ждать около нее, чтобы атаковать тех, кто точно явился сюда за тем же, за чем и мы.

– Милость Незеба, – пробормотал Расин.

Говорил Эрэм, как обычно, логично и убедительно, вот только крылся в его речах какой-то подвох...

Ведь если он почуял чужого мага на расстоянии, то вполне способен при прямой видимости определить, кто идет через лес, «гости» или случайные люди, и если что не так, дать сигнал отбоя?

Или восставший хочет избежать схватки на краю болота?

Но почему? Не может же он желать собственного поражения?

Кто его знает... когда имеешь дело с Зэм, ни в чем нельзя быть уверенным.

– Так что, располагаемся около пирамиды и ждем, когда они подойдут? – глаза Кости азартно блеснули, кулаки сжимались, и неудивительно, ведь для любого орка драка – первое развлечение.

– Заодно проверим, как ты стреляешь из лука, – сказал Эрэм.

Они выбрали место на юго-восточном краю прогаины, в центре которой высилась пирамида – там располагались густые заросли, откуда просматривался вход под охраной двух каменных воинов. Кем бы чужаки ни были, они в первую очередь попробуют проникнуть внутрь здания именно тут, а значит, подставят себя

под удар.

Расин проверил все подходы и, несмотря на ворчание орков, заставил их избавиться от доспехов.

– Металл, – сказал он. – Малейший солнечный блик, и тебя заметят. Ну а ты...

– Свое лицо я снять не смогу, уж поверь мне, – Эрэм усмехнулся. – Лягу наземь. Прикроюсь одеялом, ну а уж когда начнется схватка, там будет все равно, блещу я или нет...

Впервые за все время, что они путешествовали вместе, орки натянули тетивы на большие боевые луки. Расин вытащил свой, куда меньшего размера, но очень тугой и почти незаметный в сложенном виде.

Едва проверил стрелы, как из-под одеяла восставшего донесся его приглушенный голос:

– Идут!

– Замерли! – приказал хадаганец, и изо всех сил напряг слух.

Эрэм вообще не дышал, орки сдавленно сопели, пытаясь делать это как можно тише. С востока, со стороны болота приближались осторожные шаги... идет один человек, крупный, тяжелый, не имеющий представления о том, как скрытно передвигаться в лесу.

Но рядом с ним вроде бы двигается кто-то намного более легкий и осторожный.

И не один!

Расин только головой покачал, когда ветви бесшумно разошлись, и на открытое место шагнул некто высокий, в скрывающем все, кроме кистей рук, плаще с капюшоном. Покачнулся меч на его поясе, и тут же за спиной первого чужака обозначилась мощная и высокая фигура в рясе.

Храмовник!

А кто это около него?

Если судить по фигуре, по манере двигаться и по росту, это может быть эльф, но где же крылья? И зачем капюшон, ведь ни один из представителей золотоглазого народа не упустит случая показать свою красоту?

Но дальше Расин удивился еще сильнее – гибберлинги, и аж три штуки!

Нет, понятно, что эти мохнатые недоросли любят путешествовать и заберутся куда угодно, лишь бы в это «куда угодно» можно было добраться... но встретить их тут, у затерянной в лесах Асээ-Тэпх пирамиды, что хранит в каменном сердце непонятную тайну?

– Там два мага, – прошептал Эрэм, и тут Расин понял, что их заметили.

Эльф или кто он там вздрогнул, спрятанное под капюшоном лицо повернулось в их сторону. Один из гибберлингов, тот, что с черными подпалинами в белом меху, замахал лапами.

– Начали! – приказал хадаганец, и сам спустил тетиву.

На мгновение позже то же самое сделали орки.

Правда толку от их попытки оказалось на удивление мало – выцеленный Костью гибберлинг метнулся в сторону еще до того, как тяжелая стрела, способная пробить доспех, вспорола воздух. Мосол же выбрал мишенью типа в капюшоне, но тот вскинул ладонь, и в воздухе заискрился призрачный щит.

Только отлетел в сторону измятый наконечник.

Расин, конечно, попал, но тоже почему-то не туда, куда намеревался – прямо в горло храмовника, повыше воротника рясы, чтобы вывести противника из строя раз и навсегда. Но над головой могучего служителя церкви Тенсеса вспыхнул синий ореол, он дернулся, и стрела вошла в плечо.

Рев ярости и боли, способный утешить дракона, огласил джунгли.

Ничего себе компания им досталась – маг, храмовник, пользующийся силой одного из Покровителей, да еще и гибберлинг, а точнее гибберлинги, обладающие способностями провидца!

Ведь если один в ростке может смотреть в будущее, то тем же умением обладают и прочие.

– Еще! – рявкнул Расин, набрасывая на тетиву вторую стрелу. – Эрэм, давай!

Не убить, так хоть ранить, отвлечь, чтобы восставший пустил в ход свое чародейство.

Но первым успел высокий тип в капюшоне – вокруг него заколыхался воздух, покатились, искривляя стволы, заставляя вздрагивать листья и проминая черную землю, незримая волна. Восставший зашипел, как огромная змея, которой прищемили хвост, отлетело в сторону одеяло.

Дальше Расин не понял, что произошло – его качнуло, перед глазами вспыхнули голубые и желтые огни. Показалось, что отправившиеся в полет стрелы вспыхнули белым огнем и осыпались черным пеплом, нечто теплое и мохнатое хлестнуло по лицу, вынуждая заслониться, прищуриться...

– Ах ты, зараза жареная! – заорал, судя по голосу, Мосол.

Эрэм зашипел во второй раз, не менее впечатляюще, чем в первый.

Расин встряхнул головой, обнаружил, что лука в руках нет и что куда он делся, непонятно. Отточенным движением нащупал метательный нож, в правой ладони будто сам собой образовался

меч.

С головы высокого чужака слетел капюшон, и было видно, что это действительно эльф, но без волос, с разбросанными тут и там пятнами бурой коросты, по которым сейчас текла кровь... Он замахивался, и в руке его набухал светом, наливался убийственной мощью огненный шар.

Храмовник бежал, занося копьё, и над головой его ярко полыхал нимб Покровителя. На торчавшую из плеча стрелу и на вторую, засевающую в подоле одеяния, он внимания не обращал.

Гибберлинги размахивали кинжалами, и морды у них были свирепые.

– Прикрываем восставшего! – приказал Расин, и сам сделал шаг навстречу атакующим.

Кость оказалась рядом тут же, а вот Мосол на мгновение замешкался, и это, как ни странно, его и сгубило. Эльф швырнул наконец огненный шар, и тот полетел быстрее, чем предмет того же размера и формы из любого материала, но успевая еще и пульсировать и раскачиваться туда-сюда.

Орчиха скакнула в сторону, уходя от удара, ее клинок лягнул, соприкоснувшись с кинжалом самого шустрого из гибберлингов. Расин, ставший целью шара, пригнулся, и сгусток огня проплыл над самой его макушкой, так что от жара затрещали волосы, а на глазах выступили слезы.

Еще успел повернуться, увидеть, как певец неуклюже пытается отбить магический снаряд. Но тот лишь вспыхнул ярче и ударил Мосла прямиком в лицо, так что воинственный хрип того перешел в вопль боли.

– Не-е-ет! – не закричала даже, а завизжала Кость.

Но ее муж уже падал, нелепо загребая руками воздух, и предсмертная судорога терзала его тело.

– Сдохне-е-ешь! – прорычала орчиха и, расшвыряв в стороны гибберлингов, бросилась вперед.

Помчалась по лишенной травы земле туда, где стоял эльф-чародей.

Долгое время непонятно почему бездействовавший Эрэм выпрямился, резко выбросил руки вверх. Глотка восставшего породила даже не рычание, а торжествующий клекот, смешанный с рокотом горного обвала. От ладоней его в стороны ударили черные молнии, опутали весь мир грандиозной паутиной.

Расину на миг показалось, что он застрял в ней, что не в силах двигаться.

Потом это ощущение исчезло, и он понял, что все в порядке, и храмовник обнаружился на прежнем месте, в нескольких шагах, такой же могучий, оскаленный, но зато без нимба над головой.

А затем пришлось отражать выпад копьём, за ним другой, третий, все стремительные и беспощадные. Расин, вертевшийся, точно блоха на сковородке, про себя возблагодарил того мага, что лишил его противника возможности пользоваться силой Покровителя.

Тяжелый наконечник прошел над самым плечом, тут же мелькнул снизу, целясь в пах. Отвел его в сторону, и рука, державшая меч, заняла не только в запястье, но и в локте!

Силой храмовник обладал воистину огромной.

Кость, судя по ее яростным воплям, пыталась убить эльфа, но Расину было не до нее. Пот капал у него с бровей, настоящие струи текли по животу и спине, мышцы протестующе ныли.

Он орудовал мечом, не выходя из защиты, и никак не мог пустить в ход метательный нож, хоть и держал его наготове!

– Вали мертвяка! – закричал тот из гибберлингов, что с подпалинами, тонким голосом, и хадаганец понял, что это женщина.

Мохнатые карлики бросились на Эрэма, но тот встретил их достойно – громыхнуло как во время грозы, полыхнуло, и только перемешанные с визгом лоскуты огня полетели в стороны. Самый удачливый из мелких засранцев успел метнуть кинжал, но тот со звяканьем отлетел от спрятанного под одеждой Зэм металла.

Храмовник ударил вновь, и на этот раз хитро, древком, так что Расину пришлось подпрыгнуть. Вспыхнула деревянная свеча, висевший на груди у здоровяка символ веры в жертву Тенсеса, и лучи света укололи глаза.

Хадаганец метнулся в сторону, уходя на чутье, на опыте, заставляя сухожилия застонать от натуги. Острые копы с хрустом разорвало одежду на боку, даже ощутил холодное касание металла.

И тут он метнул наконец нож, швырнул туда, где должна находиться голова врага. Услышал глухой стук, и застилавший поле зрения беспощадный свет исчез, Расин вновь смог видеть.

Храмовник покачивался, вскинув руки к лицу, и нож торчал у него из глазницы.

Любой другой, неважно, человек ли, эльф или орк, давно бы рухнул наземь, но этот продолжал держаться, причем уже без всякой помощи Покровителя, на собственном упорстве и силе.

– Ай-й-йи-и! – закричала Кость, но не торжествующе или угрожающе, а просто от боли.

Храмовник рухнул, точно именно женский вопль сбил его с ног.

Не обращая больше на него внимания, Расин перепрыгнул через тело и побежал орчихе на помощь – Эрэм как-нибудь

отобьется от троих гибберлингов, а вот чужого мага нужно вывести из строя.

На бегу обернулся, и увидел, что восставший стоит неподвижно, и вокруг него густеет смерч из серого дыма, немного похожий на тот, что защищал от непрошенных гостей пирамиду, только куда меньше. Вот он скачком расширился, и отлетел в сторону первый мохнатый карлик, тот, что без уха, за ним последовал второй, третьего отшвырнуло в заросли.

А затем эта штука ударила самого Расина.

Дыхание вышибло из груди одним махом, а ребра вроде бы сложились пополам. Желудок расплющило, он понял, что летит, и грянулся оземь, точно выброшенное в окно соломенное чучело.

Лязгнули зубы, на губах возник соленый вкус крови.

– Провалиться тебе в астрал! – холодный, полный высокомерия голос принадлежал вне всякого сомнения эльфю. – Что ты делаешь, мертвая жаба? Ты же нас всех угробишь!

Но тут Расину на голову упало нечто столь же тяжелое, как пирамида, к которой они так долго шли. Он рухнул в гудящую, наполненную звоном и шорохами черноту, а когда выплыл из нее, то обнаружил, что стоит.

Меч был в руке, рядом недоуменно озиралась Кость, раненая как минимум в трех местах, но живая, потирал ладони сгорбившийся Эрэм, металлическое лицо которого покрывали вмятины и царапины. Мосол с обугленной физиономией и раскинутыми руками лежал там же, где и ранее, и на его трупе сидела черная птичка с алыми пятнышками на крыльях.

Доказательство... она-то откуда здесь взялась?

Но Расин тут же забыл о птице, некогда бывшей змеей, поскольку обнаружил, что враги тоже живы: нет, храмовник не воскрес, он валялся почти в той же позе, что и орк, но вот оставшийся невредимым эльф и трое помятых гибберлингов сбились в кучку метрах в пятидесяти, у кромки деревьев.

Как такое возможно?

Ведь он сам видел, что мохнатых карликов раскидало в стороны!?

– Ну что, начнем заново? – Кость вскинула булаву, и глаза ее кровожадно сверкнули.

– Зачем? – Эрэм положил руку орчиче на плечо. – Чтобы поубивать друг друга? Вспомни, что мы пришли сюда не для того, чтобы сражаться со всеми подряд, а дабы проникнуть в пирамиду! Да, проникнуть!

«Странно, недавно он звал нас в бой, – подумал Расин. – Что-то не сходится».

– Какая пирамида? – рывкнула Кость, пытаясь сбросить

ладонь восставшего с плеча, но безо всякого успеха: та будто прилипла. – Хотя убей, мы даже подойти к ней не можем!

– Ситуация изменилась, – в голосе Эрэма прозвучало торжество.

И только тут Расин обратил внимание, что черный вихрь, окружавший древнее строение, исчез! Не просто истончился, стал почти невидимым, как бывало раньше неоднократно, а сгинул без следа!

– Милость Незеба... – только и смог сказать он.

И тут напомнили о себе враги, на несколько мгновений забытые.

Эльф махнул рукой, и с его ладони сорвалось перламутровое, быстро растущее облачко. Поплыло в их сторону, расшвыривая в стороны пучки коротких молний цвета осенних листьев.

– Остановитесь же! – воскликнул Эрэм, и голос его прозвучал словно гром. – Довольно убийств!

Он сделал такой жест, словно разрубал что-то перед собой невидимым топором, и облако с визгом лопнуло, распалось на тысячи ошметков, а те с неприятным шипением растаяли в воздухе.

– Ха, и это говорит тот, кто вероломно напал на нас из засады? – спросил эльф. – Некромант, агрессивный дохлый ублюдок!

Но восставший не обратил внимания на эти слова.

– Произошла крайне неприятная ошибка, – заявил он. – Мы приняли вас не за тех, и приносим извинения за то, что убит один из ваших соратников... ну и наш погиб тоже.

Кость изумленно вытаращилась на восставшего, лоб ее пошел морщинами.

«Как удобно иметь металлическое лицо, – подумал Расин. – Не видно краски стыда. Хотя краснеют ли Зэм вообще?»

– Здесь не гоблинобол, чтобы вести счет, – надменно поджав губы, процедил эльф. – Кто вы вообще такие, и что вам здесь нужно?

Тут Расин позволил себе немного расслабиться – раз пошли такие речи, то, скорее всего, новой драки в ближайшее время не будет. Гибберлинги принялись осматривать раны друг друга, и даже воинственный пыл Кости как-то угас, похоже, она ощутила, наконец, боль от порезов на собственном теле.

– Может быть, не будем орать, а сойдемся поближе? – предложил Эрэм.

Эльф подождал немного, изображая раздумья, а затем кивнул, и они медленно двинулись навстречу друг другу.

– Тебя перевязать? – предложил Расин.

– Давай, – с неохотой согласилась Кость, – а то знобит чего-то.

Из трех ее ран самой опасной выглядела та, что находилась на шее, она продолжала кровоточить. На правом бедре располагалась простая царапина, и еще одна отметина от меча виделась на запястье.

Эльф, судя по ним, умел не только заклинаниями кидаться.

Расин возился с бинтами, но не забывал слушать разговор предводителей двух отрядов. Говорили они негромко, но в то же время он мог различить каждое слово, не особенно при этом напрягаясь.

– Кто вы такие, и что здесь делаете? – повторил вопрос эльфа.

– Меня зовут Эрэм, – представился восставший. – И мы здесь, чтобы добыть из пирамиды некий предмет, не для себя, а по просьбе одной влиятельной и обладающей значительными ресурсами персоны.

– Да? Вот как? – удивление в голосе эльфа было неподдельным. – И что за предмет?

– Теперь твоя очередь отвечать, уж поверь мне.

– Головешка, – Расин не сразу понял, что таким образом чужак назвал себя: ничего себе имечко для гордого, помешанного на красоте во всем, даже в звуках представителя древнейшей расы Сарнаута! – И мы здесь точно с той же целью, как ни дико это выглядит.

– Надо же... кто бы мог подумать, – голос Эрэма звучал спокойно, услышанное вовсе не оказалось для него сюрпризом. – И ради какого предмета вас отправили сюда?

– Твоя очередь отвечать.

– Да, и это так... – зашуршала ткань, зашелестел пергамент, показывая, что восставший извлек из глубин одеяния изображение того жезла, за которым они сюда и явились. – Вот, смотри, и именно эту вещь мы обязались добыть для нанимателя. Вы тоже?

– Нет, совсем нет, – вновь те же звуки, а это уже Головешка полез за пергаментом. – Ничего похожего.

– Подвеска? – настала очередь Эрэм удивляться. – Как странно.

И Расин был с ним полностью согласен – ну да, еще возможно, чтобы нашлись два богатых могущественных типа, решивших отправить по группе наемников в одно и то же место за разными предметами.

Но чтобы это случилось одновременно?!

Случайно это произойти не могло, а значит, их столкновение на черной земле кто-то запланировал... но вот кто, и зачем? Один

это человек, или тут сошлись две противоборствующие силы?.. И ради чего они сражаются, ведь не ради же безделушек из пирамиды? Почему схватка должна произойти именно тут?

Вопросы, слишком много вопросов, и пока не видно, как найти ответы.

– Сдается мне, что нас втравили во что-то не очень приятное, сделали пешками в какой-то игре, – эльф пришел к схожим выводам, и они его, если судить по голосу, вовсе не обрадовали. – Как выглядел тот человек... ну или не человек, кто нанял тебя и прочих?

Произошел обмен довольно невнятными описаниями, после которого стало ясно, что ни одна, ни другая сторона толком не понимает, кто именно за ней стоит, и ради чего ему это нужно.

– Все, – сказал Расин, закончивший возиться с ранами Кости. – Так будет лучше.

– Не думаю, – ответила она, глядя туда, где лежал ее муж. – Хоть убей, не думаю.

Глава 11

Гнев пузырился внутри Головешки подобно шипучему вину, охлажденному до соответствующей температуры – пузырьков немного, и всплывают они медленно, один за одним, никакого кипения и бурления. Но он знал, что стоит только тому, кто этот гнев вызвал, оказаться поблизости... ох, ему точно мало не покажется.

Хотя шансов на это пока было не особенно много.

Отправить их в столь далекое путешествие, назначить целью укрытую в джунглях Асээ-Тэпх пирамиду, и все для того, чтобы столкнуть с другой группой наемников, только из Империи... но зачем?

В том, что встреча с Эрэмом и его соратниками не случайна, эльф не сомневался.

Восставший Зэм, маг не из последних, творивший чары, в которых Головешка не мог разобраться... Два орка, и не увальни, а опытные воины, взять хотя бы эту бешеную бабу, что не упала и после нескольких ран... и хадаганец, сумевший не только выстоять под напором взбешенного храмовника, но и сваливший того удачно брошенным ножом.

Один убитый, и это после нападения из засады – не такой плохой исход.

Головешка не жалел о Велигоре, но он не мог признать, что с тем за спиной было спокойнее. Окажись с ними Пожиратель Грехов, схватка могла закончиться совсем иначе, но тут уж ничего не сделаешь.

– Значит, ты не знаешь, кто именно беседовал с тобой у твоего дома в Сиверии? – уточнил Эрэм, когда эльф закончил рассказ.

– Я даже лица его не видел, понимаешь? Догадываюсь, что он неплохой маг, – Головешка пожал плечами.

– Ну и с нашей стороны ситуация не лучше, – восставший оглянулся туда, где плечом к плечу стояли могучая орчиха и жилистый хадаганец со смуглым, невыразительным лицом. – Предлагаю объединить усилия, благо между нашими целями нет противоречия... вам – подвеска, нам – жезл.

– Эти твари, кем бы они ни были, стравили нас между собой, а ты предлагаешь все так же танцевать под их дудку? – гнев в душе Головешки забурлил сильнее, накатило желание вытащить меч и снести башку тупоумному мертвяку.

– А что предлагаешь ты? – вопросом на вопрос ответил Эрэм.

Эльф задумался.

Вот прямо сейчас развернуться и пойти назад, чтобы сесть на корабль в ближайшем астральном порту? Добраться до Кватоха и попытаться отыскать заказчика... но кто сказал, что он еще там, а не перебрался, скажем, на Игш или Кадаган, куда сейчас, во время мира, свободно ходят корабли из Новограда?

– Мы хотим больше узнать о тех, кто отправил нас сюда, – продолжил восставший. – Может быть, мы сумеем это сделать, проникнув в пирамиду и достав те вещи, на которые нам указали?

– Если они вообще существуют, – буркнул Головешка.

– Если существуют, – согласился Эрэм. – Но проверить это можно одним способом. Кроме того, заклинание, не позволявшее добраться даже до входа, исчезло...

С этим спорить трудно – серый вихрь, закрывавший строение будто колпаком, сгинул бесследно. Конечно, остались другие, спрятавшиеся за каменными стенами, но справиться с ними будет легче, если за дело возьмутся два мага, а не один.

– Я должен посоветоваться с соратниками, – вскинув подбородок, сказал Головешка.

Не то чтобы он ждал от гибберлингов умных мыслей, но все же они провидцы, особенно Ульфа, и глядишь, подскажут что разумное, а кроме того, не вредно будет взять паузу, обдумать ситуацию еще раз.

– Как будет угодно, – и Эрэм отвесил изящный поклон вполне в эльфийском стиле.

Головешка улыбнулся, постаравшись, чтобы это вышло не слишком криво, и пошел туда, где ждали его гибберлинги.

– Все целы? – поинтересовался он, добравшись до них.

– Сражаться можем, – отозвалась Ульфа. – О чем вы говорили?

– А еще провидица, – Головешка усмехнулся и изложил содержание беседы с восставшим. – Что скажете? Не врет ли этот урод с железной мордой и гнилым сердцем? Что ждет нас в будущем?

Свен дернул единственным ухом, Тронд принялся скрести мех на груди.

– Около этой пирамиды Нити ведут себя очень странно, – проговорила их сестра, глядя куда-то в пространство над правым плечом эльфа. – Они постоянно двигаются, сплетаются и расплетаются, разрываются, но вновь срастаются, и за всем этим наблюдает смерть, та самая, о которой я говорила в прошлый раз. Не настоящая, чуждая. Дышащая...

Она поводила руками перед лицом, давая понять, что ей не хватает слов.

– А что насчет восставшего? – переспросил Головешка, но

Ульфа его словно не услышала.

– Она играет в игру, двигает по полю фишки, и каждая из них кокон. Мыслящее, – продолжила она. – Мы уже вошли на это поле, и теперь нам некуда деваться. Стены. Отступить, сбежать – значит угодить в лапы смерти обычной, а тут у нас есть шанс выжить.

И дальше она понесла нечто уж совсем невнятное.

Головешка понял лишь, что предсказать что-либо конкретное ни гибберлинга, ни ее братья здесь не могут.

– Ладно, хватит, – сказал он. – У меня от твоих речей уши в трубку свернулись. Значит, слава предкам, стоит принять предложение того гнилозадного и объединить усилия?

– Истинно, – кивнула Ульфа. – Убив их, мы ничего не добьемся.

– Ага, – подтвердил Свен.

– Ну тогда пошли знакомиться с новыми друзьями, – и Головешка повернулся в ту сторону, где Эрэм в чем-то горячо убеждал союзников: хадаганец слушал его молча, а вот орчиха яростно ругалась, и во взгляде ее, обращенном на эльфа, было мало дружелюбия. – Эй, восставший, мы подумали и решили согласиться! Что насчет вас?!

– Все в порядке, – отозвался Зэм, поворачиваясь.

Они сошлись там же, где совсем недавно шли переговоры – трое против четверых.

– Это вот мои соратники... – Головешка одного за другим назвал гибберлингов. – Обещаю от себя и от них, что отныне мы не поднимем руки ни на одного из вас, если сами не станем целью нападения.

Формула четкая, не допускающая двусмысленностей.

– Это мои соратники... – начал в свою очередь Эрэм.

Жилистый хадаганец с черными глазами и русыми волосами оказался Расином, орчиха – Костью. Глянув на нее, Головешка решил, что никакая клятва не остановит эту деваху, если она решит отомстить за мужа, и поэтому спиной к ней лучше не поворачиваться.

Хотя другие двое ничуть не лучше...

Надо же, кто бы мог подумать, что он станет действовать рука об руку с ходячим трупом и хадаганцем!

Но ничего, на крайний случай есть гибберлинги – открыто враждебные намерения те сумеют почувствовать. Вспомнились слова Ульфы об «игре», которую ведет смерть, и от них воспоминания потянулись к Горацию ди Дазирэ, Историк, говорившему примерно то же самое.

Он явно знал что-то...

Но откуда?

Хотя у тайного ордена, возглавляемого Найаном, старейшим магом Сарнаута, свои, особенные пути.

– Надеюсь, что единение наше станет нерушимой основой успеха, – заявил Эрэм настолько пафосно, словно как минимум заключил союз меж двух враждебных государств. – А в знак того, что прежние распри преданы забвению, сейчас мы совместно предадим земле наших друзей, павших в бою бессмысленном, но честном и яростном. Яростном и честном, да.

Головешка, вновь накинувший на лицо капюшон, позволил себе скривиться.

Будь его воля, он бы оставил трупы тут на забаву падальщикам... Велигор был всего лишь случайным знакомым, ханжой и глупцом, а что до орка, то все они грубые и дикие варвары.

Но сейчас деваться некуда.

– Конечно, мы сделаем это, – сказал Головешка. – Надеюсь, что у вас есть лопаты?

На то, чтобы похоронить убитых, потратили остаток дня.

Лопата нашлась только одна, походная, с короткой рукояткой, и ей орудовали по очереди. Расин заработал пару мозолей на правой ладони, но хуже всех из-за высокого роста пришлось эльфю.

Пока тела опускали в землю и закапывали, он почти непрерывно ругался.

– Ну что, дело сделано, и погибшие обрели вечный покой, – объявил Эрэм. – Предлагаю вам присоединиться к нам в нашем лагере, ведь он...

– Стой, – влез Головешка. – Вход в пирамиду открыт, глупо это не использовать.

– Но уже темнеет, – возразил восставший.

Солнце и вправду исчезло за деревьями, сумрак густел, но до ночи время оставалось.

– Это верно, но вдруг к утру защитные чары восстановятся? – сказал эльф. – Запалим факелы, на крайний случай можно использовать заклинания... Или ты...

Наверняка он хотел сказать «ты не хочешь туда идти», но Эрэм не дал собеседнику закончить фразу.

– Хорошо, пошли! – поспешно бросил он.

– Я останусь тут, – сказала Кость. – Я должна попрощаться с мужем.

И она, не дожидаясь ответа, присела на колени рядом с холмиком, обозначавшим место, где покоился Мосол.

– Идем, не будем ей мешать, – сказал один из гибберлингов, тот, что женского пола, и Расин в очередной раз испытал удивление: никак не мог привыкнуть, что эти похожие на животных мохнатые существа разумны и могут говорить.

Разное болтали об этом народе в Империи, и что их создали из зайцев и кошек эльфийские маги, и что они все поголовно извращенцы, спят с братьями и сестрами, и что выводятся из яиц, что предсказывают будущее с невероятной точностью... иногда сталкивались с ними на поле боя, последний раз шесть лет назад, перед заключением мира, убивали их, гибли сами от мечей и копий в мохнатых лапах.

Но вот правды о гибберлингах почти никто не знал.

– Она должна провести тут всю ночь, – добавил Расин.

А вот об орках, давних союзниках, он имел куда больше сведений.

– Ну и отлично, чего же мы ждем? – нетерпеливо бросил Головешка.

На то, чтобы приготовить факелы, ушло еще какое-то время, и к пирамиде двинулись почти в полной темноте. Под ногами захрустела черная корка, покрывавшая землю вокруг возведенного непонятно кем сооружения, его громадный силуэт начал приближаться.

Оранжевый дрожащий свет упал на наклонно уходящую вверх стену из камня, и Расин понял, что она не гладкая, какой выглядела издали, что ее покрывают тысячи крохотных угловатых значков.

– Что это такое? А ну-ка... – и Головешка наклонился, поднес факел вплотную. – Провалиться мне в астрал!

– Что там? – без особого любопытства поинтересовался Эрэм.

– А смотри сам... Лекс, Хос, Стагн... опять Хос, Гирд, Арг, сдвоенный Капр... руны Покровителей.

– Но это невозможно, – восставший покачал головой. – Они появились недавно. Пирамиде же тысячи лет.

– Я говорю, сам посмотри, – раздраженно бросил Головешка. – Или ослеп, мертвяк?

Расин пригляделся: символы, вырезанные на поверхности пирамиды, и вправду напоминали священные знаки, ставшие известными на Сарнауте лишь пятьдесят лет назад, но при этом камни, на которых их изобразили, вне всяких сомнений выглядели древними.

Да и существ, что умеют возводить нечто подобное, не бывало на Святой Земле с самого Катаклизма, не считать же таковыми дикарей, по слухам населяющих заброшенные уголки джунглей?

Загадка...

– Да, имеется определенное сходство, – неохотно признал Эрэм, изучив несколько символов. – Но я слишком мало знаю о них, чтобы выносить определенные суждения... Силой же... – он сделал паузу, и голову восставшего на миг окутало золотистое сияние, – они не обладают.

– Вот и я мало, а тот, кто знал, того вы убили, – и эльф выразительно глянул на Расина.

Тот в ответ лишь улыбнулся – сражение есть сражение, и если не ты, то тебя, и уж о том, какими достоинствами и познаниями обладает твой противник, ты будешь думать в последнюю очередь.

– Нет, сила здесь есть, – неожиданно вмешалась в разговор гибберлингка. – Стены.

– Понятно, что стены, – раздражение прорезалось в голосе Эрэма. – И что с того? Вообще, что ты в этом понимаешь?

– В этом – мало, но зато я вижу Нити, – сказала Ульфа.

Насколько Расин запомнил, именно так ее и звали.

– Хватит вам спорить, – вмешался он. – Факелы прогорают.

Восставший фыркнул так, что затряслось все его металлическое лицо, и пошел дальше. Дюжина шагов, и они оказались перед одним из тех изваяний, что охраняли вход в пирамиду.

Каменный меч, упертый острием в землю, голова без лица, узкая талия схвачена широким поясом. Ноги и торс едва намечены, как и складки просторного одеяния вроде того, в каких ходят Зэм.

Да, на скульптуры джунов, каких полно в Асээ-Тэпх, это похоже мало.

А вот в развалинах старых городов восставших нечто подобное встретить можно.

Расин мало интересовался древними временами, ему хватало настоящего, и поэтому он плохо представлял, кто был раньше, краснокожие, сгинувшие от загадочного Проклятия, или Зэм, уничтожившие сами себя и потом возродившиеся как один из народов Империи. Понимал только, что строили и те и другие в глубокой древности, хотя друг от друга могли быть отделены веками, если не тысячелетиями.

– Надо же, оно живое! – воскликнул Головешка, поднимая факел над головой. – Дальше...

Тьма, словно полог закрывавшая путь внутрь пирамиды, заколыхалась, из нее выдавилось нечто приземистое на кривых лапах. Зверь, похожий на ящерицу и рыбу одновременно, глянцевито-черный, скакнул прямо на эльфа, блеснули в

раскрытой пасти белые треугольные зубы.

Головешка шарахнулся в сторону, рванул меч из ножен.

Расин метнул один нож, за ним второй, оба раза попал, но клинки пролетели насквозь.

– Ах ты! – воскликнул эльф, когда мощные челюсти сомкнулись на его бедре.

Ударил сам, но и меч причинил твари не больше вреда, чем ножи.

– Назад! – закричала Ульфа. – Отходи!

Но Головешка уже и сам все сообразил, с болтающимся на ноге зверем он сделал прыжок в сторону, подальше от входа в пирамиду. Черное тело начало таять, потеряло обманчивую плотность, и тварь с протяжным рычанием исчезла, словно питалась в землю.

Расин увидел свои ножи, преспокойно лежавшие на земле.

– Вот это номер, слава предкам! – озадаченно заявил эльф, ощупывая бедро.

Странно, что он вообще мог стоять, после укуса столь крупного хищника мышцы должны быть разорваны, а из перерубленных острыми зубами артерий – хлестать кровь.

– Боль выглядела настоящей, а вот повреждений вообще нет, – продолжил Головешка. – Я уже решил, что этот уродливый выкидыш пирамиды отхватит мне конечность по самую шею!

В голосе его звучало облегчение.

– Что это вообще было? – спросил Расин. – Ведь не живое существо?

– Овеществленное заклинание, не дающее незванным гостям пройти далее, – ответил Эрэм. – Первое препятствие мы одолели, но за ним встало второе, и с ним тоже придется повозиться, уж поверьте мне.

Он сделал руками глядящее движение, и с ладоней восставшего заструились серебристые искорки. Поплыли вперед, туда, где меж двух каменных стен недружелюбно колыхалась стена темноты.

– Как интересно! – Головешка мигом забыл про пострадавшую конечность. – Посмотрим, как оноотреагирует.

Первая из искорок коснулась завесы мрака, осветила нечто похожее на шнур из иссиня-черных нитей, и погасла. За ней начали одна за другой тухнуть остальные, даже те, что находились в добром метре от цели.

– Чрево мира! – выругался Эрэм. – Что это?

– А давай-ка я, – Головешка, чуть прихрамывая, сделал несколько шагов, чтобы встать рядом с восставшим. – Попробуем зайти с разных сторон, сверху и снизу, и с бока.

Что он сделал, Расин не очень понял, увидел только результат – дюжину легших поперек входа в пирамиду радуг, не более полметра в длину каждая, что казались живыми, дергались и ползали наподобие громадных безголовых гусениц, да еще и издавали шипение вроде того, что испускают брошенные на сковородку куски свежего сала.

– Зря вы это делаете, пустая трата сил и времени. Истинно, – вмешалась Ульфа.

– Всем известно, что гибберлинги лишены способностей к высшей магии, ибо... – начал Эрэм занудным голосом.

– Стой, поддается! – перебил его Головешка.

Радуги собрались вместе, сползли в дергающийся, пульсирующий клубок, и тот поплыл вперед, точно вминаясь во тьму, так что та отступила, раздалась, на миг показались уходящие вперед и вверх стены, испещренные теми же самыми значками, что и наружная поверхность пирамиды.

А затем раздалось громкое «пф-ф-ф-ф!», и многоцветный светящийся шар исчез.

– Ну что, проход открыт? – с сомнением в голосе поинтересовался Эрэм.

– Нужно бы проверить, – и Головешка выразительно посмотрел на Расина.

Понятно, чужак, да еще и хадаганец, такого, если что, не жалко.

– Мне ножи забрать нужно, – сказал тот, отдал факел одному из гибберлингов и сделал шаг вперед.

Смотрел на занавес из тьмы не отрываясь, и все равно упустил момент, когда тот вздрогнул. Обнаружил прямо перед собой угольно-черную морду, пылающие алым огнем глаза, оскаленную пасть.

Успел качнуться вбок, даже цапнуть один из ножей за рукоять, и тут нечто тяжелое ударило ниже левой подмышки. Ребра хрустнули, Расина бросило в сторону, шарахнулся о камень с такой силой, что в голове помутилось.

Но даже в таком состоянии вспомнил, что спасение в бегстве.

Кувырнулся назад, перекатываясь через голову, ощутил рывок за подошву, словно в нее вцепились острые зубы.

– Все, вывернулся! – сказали над самым ухом, и он сообразил, что сидит, тяжело дыша, в руке зажат нож, второй лежит там же, где и ранее, а явившийся из мрака зверь вновь исчез бесследно.

– Я же говорила, что вы зря тратите время, – с издевкой произнесла Ульфа. – Способности к высшей магии не делают человека или эльфа ни умнее, ни сильнее, ни лучше.

– Молчи, карлица! – огрызнулся Головешка. – Может быть,

стоит кинуть тебя вон туда, и посмотреть, что будет, если скормить заклинанию одну сильно болтливую гибберлингку? Понимаешь?

Двое братьев Ульфы шагнули вперед, прикрывая сестру, и в лапах их, обманчиво хилых, блеснули кинжалы. Их имена Расин запомнил, но вот кому какое принадлежит, не взялся бы сказать с уверенностью.

Хотя нет, вон тот, без уха, Свен, а второй значит Тронд.

– Не горячись, она в чем-то права, – сказал Эрэм, похлопав эльфа по плечу, отчего тот гадливо дернулся. – Нам стоит дожждаться дня, и уповать на то, что первое заклинание, то, что представало глазам в виде серого вихря, не воспрянет с силами за темное время.

– В любом случае мы уходим, – объявила Ульфа. – Где ваш лагерь? Там?

– Я провожу, – поддержал ее Расин, поднимаясь с земли: ушибленные ребра зверски болели, с той стороны, где ударился лицом, на скуле, если судить по ощущениям, набухал синяк. – Если хотите, сидите тут. Мне хватит на сегодня. Слишком много для одного дня.

Для него это была настоящая речь.

– Ладно, пойдем отсюда, – с неохотой признал Головешка. – Утро вечера мудренее. Но если что, вы будете виноваты!

– Понятное дело, что не ты, такой высокий и прекрасный, – ссызвил Расин.

Эльф вновь дернулся, руки его сжались в кулаки, изо рта вырвалось шипение.

Хадаганец уже подумал, что сейчас придется драться, и ладонь его сама легла на меч. Но Головешка сдержался, лишь ругнулся невянятно через плотно сжатые зубы да посмотрел ненавидяще.

И они пошли в сторону лагеря.

Спал Головешка плохо, вполуха, все ждал, когда бешеная орочья баба подкрадется к нему, чтобы отомстить за мужа. Ворочался с боку на бок, вслушивался в звуки ночных джунглей, пытаясь различить шум приближающихся шагов, время от времени проваливался в тяжелую дремоту.

В очередной раз впал в забытие уже на рассвете, а когда открыл глаза, то обнаружил, что неподалеку горит костер, над ним булькает котелок, а ложкой в нем мешает именно Кость.

На всякий случай ощупал себя – вдруг где торчит воткнутый нож? – но ничего не нашел, и ощутил даже некоторое разочарование: орки, как всем известно, не только уродливы, а

еще и кровожадные и тупы, и поэтому ни один из них не в силах сдержать чувств.

– Доброе утро, – сказал появившийся рядом Эрэм. – У пирамиды все в порядке.

Головешка издал сдавленное хмыканье, выражавшее одобрение, и, отвернувшись, закатил глаза: о предки, славные красотой и возвышенными деяниями, в какую жуткую компанию он попал?

Хадаганец-убийца, неотесанная орчиха и ходячий мертвяк из Зэм!

Каждого бы убил с удовольствием прямо сейчас – первого за вчерашнее оскорбление, вторую из предосторожности, а третьего для того, чтобы избавить мир от уродливой ходячей нежити.

Но и гибберлинги не лучше, в бою показали себя хорошо, а вот потом...

Что за бред несла Ульфа?

Хотя чего еще ждать от провидицы, всякий, кто хоть чуть-чуть умеет заглядывать в будущее, не в своем уме.

– Доброе-доброе, – сказал Головешка, откидывая в сторону одеяло и поднимаясь.

От недосыпа башка казалась тяжелой, словно с похмелья, и самое обидное, что не выпил вчера ни капли... и вообще, трудно вспомнить, когда последний раз употреблял что-нибудь приятно дурманящее.

Поискать что ли в джунглях грибов каких?

В Асээ-Тэпх должно расти полно всякой дряни, он даже читал манускрипт на эту тему... как же тот назывался, ага, «Веселящие травы, корни и плоды Святой Земли или Травник Сумасшедшего Историка».

Ну ясно, в здравом рассудке после изучения этого вопроса не останешься.

– Что в котелке? Надеюсь, не яд? – поинтересовался Головешка, вытягивая шею.

Орчиха метнула на него злой взгляд:

– Спроси у мохнатых, опасно ли это есть. И хоть убей, ты нарываешься...

– Да я всего лишь пошутил, понимаешь? – забормотал эльф, чувствуя необычное для себя смущение: вроде бы ничего особенного не сказал и не сделал, а на душе скребет когтистой лапой.

В котелке оказалась каша, щедро сдобренная кусочками белого мяса, похожего на лягушачье: гибберлинги лопали это блюдо так, что за ушами трещало, ну и Головешка забыл про свои опасения.

– Ну что, за дело? – спросил Эрэм, когда с едой оказалось покончено.

Хорошо восставшим, и есть не надо, и пить вроде бы не обязательно...

– За дело, провалиться ему в астрал, – согласился Головешка.

Заклинание, прикрывавшее пирамиду, на место не вернулось, но то, что загораживало вход, никуда не исчезло: несмотря на ясный день, узкий проход заполняла тьма, не позволявшая видеть далее пары шагов; ну а маги могли различить еще кое-что, изогнутые, еле-еле светившиеся контуры, уходившие боками в стены, в землю, дрожащие, пересекающиеся.

Будто свалка намазанных фосфором тележных колес.

– И что с этим делать? – спросил Головешка, задумчиво поглаживая себя по затылку.

– Изучать, – бросил Эрэм. – Для чего даны нам знания и умения чародейские, как не для постижения чудес этого мира, одно из которых перед нами сейчас предстоит отменно?

Ну вот, не успел Велигор почтить в бозе, как объявился другой любитель выпренных речей.

– Изучать так изучать, – в какой уже раз за утро согласился с собеседником Головешка, и они принялись за дело.

Ранее ему доводилось видеть в деле колдунов из восставших, но только в бою, а там обычно не до того, чтобы разбираться в хитростях, какие использует твой противник, главное убить его побыстрее, ну или хотя бы вывести из строя на какое-то время, да еще уцелеть при этом самому.

Но сейчас эльф мог в спокойных условиях наблюдать, как работает Зэм.

Понятно, что общие принципы конструирования заклинаний никуда не делись. Кое-что в способах их применения выглядело похожим, но отдельные вещи Эрэм делал способами, недоступными чародеям ни одного из прочих народов Сарнаута, даже Великим Магам...

Зато Головешка был сильнее во всем, что касалось стихийной магии.

Но она, как быстро выяснилось, здесь совершенно бесполезна – ни огонь, ни воздух, ни вода или земля, ни их комбинации ничего не смогли сделать с заклинанием, что представало обычным глазам в виде черной завесы, да еще и порождало монстров.

– Может быть, обезболить себя каким-нибудь отваром, и попытаться прорваться? – предложил эльф, устав от бесплодных попыток. – Ведь реального вреда эти бестии не наносят, только пугают и заставляют тело дергаться.

Около пирамиды они находились втроем с Эрэмом и Ульфой, Кость отсыпалась в лагере, а Расин и двое гибберлингов мужского пола несли стражу в лесу на случай появления незваных гостей, разумных или неразумных.

– Но толкают и бьют вполне ощутимым образом, – восставший покачал головой. – Например, я ощущаю боль куда слабее, чем любой из вас, и способен вообще отключить тактильную чувствительность. Но ведь достаточно меня отпихнуть, чтобы я не прошел. Кроме того, ты уверен, что войдя в эту завесу, останешься цел и невредим?

Такой убежденности у Головешки не было – очень уж странным выглядело заклинание, настолько хитро закрученным, будто ставил его и вправду кто-то из Великих Магов.

Хотя почему бы и нет?

Ведь наверняка имелись и в прошлом чародеи, не уступавшие тем же Незебу или Тенсесу?

– Тогда что же нам делать? – спросил он.

– Попытаемся еще, но на этот раз с использованием магии крови, – предложил Эрэм. – Я пытался с пойманными на болоте лягушками, но, может быть, нужно существо более крупное?

– Хочешь пойти на охоту? – поинтересовалась Ульфа. – В джунгли?

– Отправим Расина, – восставший оглянулся в ту сторону, где в зарослях должен был прятаться хадаганец, и призывно замахал. – Если уж кто сумеет выследить нужного нам зверя в этих кишачих опасностях лесов, так это он.

Расин выслушал просьбу без энтузиазма.

– Постараюсь, – коротко отозвался он, и вновь скрылся в чаще.

Пока ждали, попробовали для разнообразия пробиться внутрь пирамиды через стенку.

Ульфа со второй попытки отыскала место, где за испещренной знаками Покровителей каменной плитой находилась пустота. Головешка и Эрэм собрали всю свою силу, и ударили ей, словно тараном, едва позаботившись о том, чтобы придать заклинанию форму.

Строение вздрогнуло, полетела каменная крошка, по алой поверхности расползлись трещины.

– Ну, давай же! – воскликнул Зэм, победно вскидывая руки.

И тут их постиг обратный удар.

Головешка успел заметить, что поверхность пирамиды вновь стала целой, и тут нечто тяжелое садануло его в грудь. Взлетел в воздух, точно угодившая под пинок лягушка, перед глазами замелькали деревья и ветки.

Упал удачно, ничего не ушиб, но пришел в себя далеко не сразу.

Прочухавшись, обнаружил, что с Ульфой все в порядке, и что Эрэм прилаживает на место лицо из металла.

– Ты видела, что у него там? – не удержавшись, спросил он у гибберлингки.

– Рожа еще красивее, чем у тебя, – ответила та, оскалив в усмешке мелкие белые зубы.

Эльф только рукой махнул.

Не успели решить, что делать дальше, как из чащи выбрался Расин с напоминавшим оленя существом на плечах. Когда сгрузил его наземь, стало ясно, что рогов на голове нет, зато вдоль хребта тянется полоска из острых игл длиной в ладонь, а глаза на изящной голове как у рептилии, желтые, с вертикальным зрачком.

– Ну что, годится? – почти равнодушно спросил хадаганец.

Зверь при звуках его голоса задержался в путах, забился, пытается открыть замотанную пасть.

– Думаю, что да, – ответил Эрэм. – Тащите его сюда.

Головешка невольно поморщился, когда в руках восставшего появился нож из обсидиана, острый и черный – эльфы никогда не практиковали магию подобного рода, а к тем, кто ее использовал, относились, мягко говоря, с презрением.

Но на бесптичье и гарпия – соловей.

Эрэм воткнул в землю колышки и аккуратно привязал к ним продолжавшего дергаться «оленья». Похлопал того по морде, от чего зверь вытаращил глаза и замер, и сам застыл, подняв руку с ножом.

Забормотал что-то таким низким и тихим голосом, что слов не разобрать, только вибрацию. От нее вдоль позвоночника забегали мурашки, покалывание возникло в задней части головы, и от земли начал подниматься серый туман, видимый только глазам чародеев.

Головешка в принципе мог разобраться в том, что творится, пустить в ход свои изучающие заклинания, но его удерживала даже не столько боязнь помешать, сколько гадливость...

Колдовство Зэм было для него что смердящий труп, и лезть в него руками!

Бр-р-р!

Эрэм выкрикнул что-то, и нож его ударил подобно молнии, вспорол шею «оленью». Хлынула кровь, неправдоподобно темная, почти черная, струя ее, коснувшись земли, потекла по расширяющейся спирали.

Серый туман принялся сгущаться, стекаться в одно место, из

толстой колонны выдвинулись лапы с тремя пальцами, сформировалась голова с огрызками ушей, кривые ноги. Ударил по земле хвост, и распахнул пасть прямоходящий ящер, высотой превосходивший не только человека или эльфа, но и орка.

Еще один удар, новый фонтан крови, и открылись алые, пылающие глаза.

Расин, судя по спокойному лицу, созданной с помощью колдовства твари не видел, а вот Ульфа следила за ней внимательно, на ее мордочке отражалось перемешанное со страхом недоверие.

Эрэм повелительно махнул рукой, и ящер затопал к входу в пирамиду.

«Убить одну бестию с помощью другой, – подумал Головешка. – Идея неплоха. Только получится ли?»

Приземистый зверь выскочил из мрака, едва сотканный из тумана монстр переступил незримую границу. Заклацали челюсти, свирепый рев покатился по прогалине, отражаясь от пирамиды и стены деревьев, ударили в стороны струи дыма, заменяющего колдовским бестиям кровь.

Черное перемешалось с серым, и какое-то время было неясно, кто одолевает.

Затем Эрэм запрокинул голову, издал горловой стон, и каменный нож выпал из его ослабевшей руки.

– Хватай его! – крикнула Ульфа, но Головешка уже и сам прыгнул к восставшему.

Отогнав нежелание прикасаться к мертвой плоти, схватил того под мышки, придержал. Когда поднял голову, от ящера из тумана остались лишь тающие ошметки, а монстр из пирамиды сгинул без следа.

И преграда осталась на том же месте.

– Что, не получилось? – спросил Расин.

Глава 12

Расин без особого любопытства наблюдал за манипуляциями Эрэма: за время совместного путешествия насмотрелся на всякое, привык и к выпрненным речам, и к жутким чудесам. А вот помогавший восставшему эльф со странным именем Головешка вызывал куда больший интерес: откуда он взялся такой и где получил такие шрамы, что их не смогли убрать?

Принесенный из леса зверь истек кровью, но как оказалось, зря.

Не дававшее пройти внутрь заклинание ничуть не изменилось, завеса из мрака не разорвалась.

– Что, не получилось? – спросил Расин.

– Похоже на то, – ответила Ульфа. – Эй, некромант, ты в порядке?

– Да, да... все хорошо, – слабым голосом отозвался Эрэм, и попытался выпрямиться. – На сегодня, пожалуй, хватит, нужно передохнуть хотя бы до вечера... Спасибо.

Он высвободился из рук Головешки, подобрал нож и выпрямился.

– Есть еще кое-что, – сказал Расин. – Я обнаружил это в лесу.

Он нарочно до сих пор молчал о том, что увидел во время охоты – знал, что маги не уделят ему внимания, пока в очередной раз не упрутся лбом в стену или не достигнут решающего успеха.

– Да, и что такое? Говори! – эти слова эльфа прозвучали как приказ, и что удивительно, он сам это заметил и сбавил тон: – Э... я хотел сказать, мы слушаем. Понимаешь?

– Я снова видел следы, – проговорил Расин.

На этот раз отпечатки все тех же тяжелых сапог он обнаружил не далее как в километре от лагеря, напрямик к северу от пирамиды. Сумел немного пройти по следу и отыскать признаки того, что кто-то забирался на высокое дерево, с которого удобно следить за окрестностями.

– Двое, говоришь? – уточнил Эрэм, когда хадаганец закончил рассказывать. – Непонятно, что им тут делать... Может быть, это случайные путешественники?

– Не думаю, – Расин покачал головой. – Они здесь уже несколько дней.

– Не нападают, но при этом держат нас под присмотром?! – Головешка стряхнул с головы капюшон, стало видно, что золотые глаза его пылают азартом, а лицо подергивается от нетерпения. – Так это же наверняка те парни, что наняли нас! Слава предкам, возник шанс взглянуть им в лицо, вцепиться в горло и узнать,

какого рожна все это затеяно?

– Стой, погоди... – попытался вмешаться Эрэм, но эльфа его не услышал.

– Сейчас мы отправимся туда, где ты нашел этот след, и там уж я с него не сойду! – он сладострастно облизнулся.

Из зарослей, где скрывались дозорные-гибберлинги, донесся удивленный вскрик.

– Это Тронд, – тут же вскинулась Ульфа. – Похоже, что-то случилось...

– Не иначе, – сказал Расин, глядя туда, где шевелилась трава и качались ветки.

По деревьям, перескакивая с одного на другое, а также по земле мчались десятки, даже сотни существ, похожих на рыжих муравьев, только каждое было в ладонь величиной и могло похвастаться головой, похожей на человеческую.

– Это еще что такое? – спросил Головешка.

Словно выплеснувшаяся из громадной кастрюли жидкость цвета заката вылилась на черную прогалину. Из кустов выскочил один из гибберлингов и помчался к остальным, высоко задирая ноги и размахивая кинжалом.

– Быстро, к лагерю! – приказал Эрэм, и его голос не оставил сомнений, что дело серьезно. – У нас еще есть шанс уцелеть!

Головешка, судя по виду, собирался возразить, но передумал.

Муравьеподобных существ многие тысячи, из лесу возникают новые и новые их волны, и уничтожить такую орду – задача не для двух магов, измотанных противостоянием с хитрым заклинанием.

Расин отходил последним, закрывая спины остальным.

Самый шустрый из муравьев прыгнул на него с толстой ветки, растопырив лапы. Свистнул меч, с хрустом рассек хитиновый панцирь, остро запахло кислым, и дергающийся труп упал наземь.

Но его тут же втоптали в землю сородичи.

Взвизгнул один из гибберлингов, Расин ударил еще раз, вновь попал, но в душе его зашевелился страх – невозможно сражаться с подобным скопищем мелочи, против него поможет лишь огонь или какая изощренная магия, но способны ли сейчас на нее Головешка или Эрэм?

Дерево, мимо которого он пробежал, рухнуло, не выдержав тяжести взобравшихся на него тварей.

– Быстрее! Все ко мне! – рявкнул восставший.

Они были уже рядом с лагерем, навстречу сквозь заросли метнулась Кость, заспанная, недоуменно моргающая, но с булавой в одной руке и с обнаженным мечом в другой.

– Назад! – замахал на нее Эрэм. – Сражаться бесполезно!

Отогнутая ветка стегнула Расина по глазам, он не успел закрыться и на некоторое время ослеп от боли. Пробежал несколько шагов, налетел на кого-то недовольно всхрипнувшего, и заморгал, пытаясь вернуть зрение.

Ага, вот кострище, вон сваленные кучей дорожные мешки...

А вон и авангард муравьиной армии, несутся так, словно по пятам за ними идет лесной пожар.

– Ближе! – приказал Эрэм одному из гибберлингов, что дернулся было в сторону. – Вот так...

Он сделал широкий жест, и с металлической ладони потекла лента бледно-зеленого пламени. Легла наземь, и опоясала сбившихся в кучу наемников кругом – зыбкая, ненадежная ограда, внутри которой к тому же оказалось сразу две многоногие бестии с человеческими головами.

Но одну Кость расплющила ударом булавы, вторую поймала на кинжал Ульфа.

А затем волна муравьев нахлынула на чародейский круг, и потекла в стороны, будто встретила на пути несокрушимый утес, разбилась на два потока из рыжих стремительных тел...

– Откуда они взялись? – спросила Кость все еще хриплым со сна голосом.

– Хотелось бы и мне это знать, – процедил Головешка, и вышло это у него почти угрожающе. – Никогда я не слышал и не читал о том, чтобы в этих местах водилась пакость такого рода, понимаете?

– Асээ-Тэпх в новое время изучен очень плохо, как тебе хорошо известно, эльф, – назидательно проговорил Эрэм. – А рукописи, написанные об этой земле учеными моего народа, сгинули во мраке веков.

– Но сами-то ученые живы? – Головешка хмыкнул. – Или лучше сказать – мертвы? Только ходят и разговаривают.

Муравьеподобные твари неслись на них рядами и колоннами, но ни одна не могла пересечь слабо мерцавшую полосу бледно-зеленого пламени. Начинали поворачивать еще за добрый метр до нее, и пробегали мимо, блестя злобными глазками на карикатурно искаженных лицах.

Сколько это продолжалось, Расин не смог бы сказать, но поток начал понемногу редеть. В темно-рыжем пологе, что затягивал лес вокруг лагеря, возникли проплешины, а затем он разбился на отдельные струйки.

– Скоро все закончится, – заметила Ульфа.

– Да, чтобы сделать такое предсказание, нужно быть великим провидцем, не иначе, – буркнул Головешка.

И словно отозвавшись на эту фразу, круг из зеленого пламени замигал и погас.

– Все, я больше не в силах его удерживать, – признался Эрэм.

Расин метнул один за другим два ножа, замелькал меч в руках эльфа, задвигались в боевом танце гибберлинги мужского пола, закрывшие собой сестру, ударила булава Кости, с хрустом разможила одного из муравьев.

Но осталось их еще предостаточно.

Хадаганец рубил и колол, не давая тварям прорваться к восставшему, что казалось, совсем лишился сил и с трудом удерживался от падения. В один момент орчиха, стоявшая левее, увлеклась и прыгнула вперед, и Расин понял, что бок открыт, только когда его укусили в плечо.

Повернув голову, обнаружил перед собой уродливое подобие человеческой башки размером с кулак.

– Шррррх! – произнесла она, и меж игольчатых зубов мелькнул змеиный язык.

Он не успевал сделать ничего, ни стряхнуть тварь, ни ударить ее.

Острый клинок воткнулся в муравья сбоку, и торжествующее выражение на крошечной физиономии исчезло. Брызнула кровь, и стряхнутое с меча дергающееся тельце улетело прочь, размахивая лапами.

– Спасибо, – прохрипел Расин, глядя на своего спасителя, которым оказался Головешка.

– Ничего, еще сочтемся, – недружелюбно отозвался тот. – Но... в следующий раз.

В этот враги наконец закончились.

– Ну что же, мы справились, – слабым голосом проговорил Эрэм, и не сел даже, а скорее упал на задницу. – Уж не сомневайтесь, на сегодня я отвоевался... Все на завтра.

– Вот уж нет, не все, – возразил эльф, вытирая измазанный в крови муравьев клинок чистой тряпичей. – Никакие чудовища не удержат меня от того, чтобы взглянуть на следы, что отыскал наш хадаганский друг... Кто со мной? Ты, Расин, понятно, а еще?

– Мы не пойдем, – заявила Ульфа. – В этом нет смысла.

– А я прогуляюсь. Хоть убей, я еще ничего достойного сегодня не сделала, – и Кость вызывающе тряхнула косой.

– Вот и отлично, – подвел итог Головешка. – Мы пошли, а на вас ужин... и уборка.

Ну да, раскиданные повсюду трупы гигантских муравьев тоже надо утащить прочь, и Расин был откровенно рад тому, что заниматься этим делом придется кому-то другому.

Нет, Головешка видел, что случилось с окрестностями лагеря после того, как по ним пронеслась орда мелких чудовищ – сломанные ветки и целые деревья, превращенная в вязкую кашу трава, борозды и рытвины там, где еще недавно была гладкая поверхность.

Но он надеялся, что на том участке леса, где хадаганец нашел след, все осталось так же, как и ранее.

– Ты уверен, что это то место? – переспросил он.

– Конечно, – сказал Расин, и указал туда, где из густого подлеска торчал опаленный молнией ствол. – Я это запомнил. Другого рядом нет. Ошибиться невозможно.

Ну да, если тут и был след, то от него не осталось и следа...

И даже поисковые чары применять бесполезно – Головешка чувал разлитую по лесу ауру, оставленную похожими на муравьев бестиями, тяжелую, раздражающую, похожую на смрад протухших яиц.

Она забьет все остальное.

– Провалиться им в астрал, – пробормотал он, яростно сжимая и разжимая кулаки. – Откуда они только взялись?

– И очень вовремя взялись, – сказал Расин. – Чтобы не дать нам отыскать след.

– Ты думаешь? – Головешка бросил на хадаганца острый взгляд: тот был, конечно, уродливым варваром, но неплохо показал себя в бою, да еще и соображал на удивление неплохо. – Хотя да, орда непонятно откуда вылезших муравьев... а ну постой-ка, ха-ха! Ведь их след у нас есть!

– Предлагаешь пойти по нему? – спросила Кость. – Но есть ли в этом смысл? Может, они вот так несутся по джунглям от самого Эльджуна до плато Коба, а затем обратно, пожирая все по дороге.

– Чтобы это понять, много времени нам не понадобится, – Головешка оглянулся на заходящее солнце: да, скоро начнет темнеть, но и пройти им нужно никак не больше километра или двух.

След, оставленный муравьями, тянулся через лес широкой полосой, но она понемногу сужалась – поначалу до десяти метров, затем до пяти, и наконец стала напоминать просеку, оставленную взбесившимся лесорубом, затем узкую, еле заметную тропку.

И закончился у развороченного муравейника.

Выглядел он так, словно что-то взорвалось на небольшой глубине, раздробив прочную кровлю и выкинув тысячи подземных обитателей под свет враждебного им солнца. Комья земли жирно отблескивали в полумраке, вяло шевелились издыхающие личинки.

– От плато Коба до Эльджуна, говоришь? – Головешка посмотрел на орчиху со всем презрением, на которое был способен, но та не отвела взгляда, воинственно задрала подбородок и расправила плечи, отчего ее грудь, и так выдающаяся, стала выпирать еще больше.

– Кто-то что-то сделал с ними... – проговорил Расин, опускаясь на корточки. – Наверняка оставил следы.

– Наверняка, – Головешка с усилием втянул воздух через ноздри. – Ищи обычные. Ну а я займусь магическими.

Здесь было совершено чародейство, это он ощущал безо всяких сомнений, но какое именно, понять не мог. Мешала та же аура, оставшаяся после мощнейшей колдовской трансформации, произведенной над огромным количеством живых существ в очень короткий период времени.

Искать следы того, кто мог сотворить подобное, все одно, что ловить струйку чернил в бочке воды.

– Хорошо, – и Расин принялся бродить по зарослям, время от времени нагибаясь и щупая землю.

Головешка закрыл глаза.

Ну что же, попробуем определить, кто здесь колдовал, так сказать, по почерку...

Все заклинания четко разделены по направлениям, магию света, которую используют те же храмовники, никогда не путаешь с магией тьмы, а астральное чародейство с природным, столь любимым некромантами. То, что сотворили с обитателями муравейника, можно сделать разными способами, но все равно их не так много.

И чтобы понять, как все произошло, нужно поступить так, а затем так.

Даже через опущенные веки Головешка видел, как в ладонях у него вырос цветок, будто сотканный из лунного цвета, полупрозрачные лепестки по одному отвалились и разлетелись в разные стороны.

– Ух ты, как красиво! – не удержалась, воскликнула Кость.

– Не отвлекаясь, следи лучше, что вокруг творится, – посоветовал ей Головешка.

Орчиха фыркнула, но послушно отвернулась.

Каждый из лепестков настроен на сродство с определенным видом магии, и по резонансу... Ага, есть, правого уха коснулся мягкий переливчатый звон, а оставшийся в руке стебель налился темно-багровым огнем.

Магия тьмы, ничего удивительного, а вот и контур заклинания, тающий, еле заметный, наполовину погруженный в землю.

– Иди сюда, – прошептал Головешка, нагибаясь и пытаясь зацепить его ладонями.

Вроде бы получилось, но в следующий момент его тряхнуло так, словно ухватил молнию. Из глаз полетели искры, и показалось, что рядом стоит высокая фигура в одеянии вроде халата, подпоясанном в талии.

Это что, тут колдовал один из Зэм, ходячих мертвяков? Хотя почему нет?..

Восставшие способны творить чудеса с плотью, что с живой, что с мертвой...

Зашевелившиеся в глубине души подозрения заставили Головешку нахмуриться – интересно, знает ли Эрэм о том, что в окрестностях пирамид бродят его сородичи, не желающие, чтобы их обнаружили? И если знает, то заодно он с ними или является их злейшим врагом? Ведь с одной стороны, запросто мог погибнуть вместе с остальными в момент нашествия муравьев, а с другой, у него наготове было позволяющее спастись заклинание!

Ладно, попробуем копнуть дальше.

Но более ничего у Головешки не вышло – след от чужого заклинания он видел, но зацепиться за него, несмотря на все усилия, не сумел.

– Проклятые уроды, – пробормотал он, переводя дух. – Что там у тебя?

Неизменно спокойный Расин вновь стоял рядом.

– Ничего, – проговорил он. – Они могли прийти по этому следу, затем уйти по нему. Или спрятать отпечатки иным способом. Не обязательно с помощью магии.

Головешка почесал в затылке – темнеет, и времени на то, чтобы обшаривать лес, у них нет; да и сил после сегодняшних трудов и деяний осталось, честно говоря, не так уж и много.

– Возвращаемся в лагерь, – сказал он, а когда они сдвинулись с места, добавил, понизив голос: – Что ты знаешь о той тухлой заднице, что привела вас сюда, об Эрэме?

Хадаганец пожал плечами:

– Очень мало. Только то, что он сам рассказал.

– А доверяешь ли ты ему?

Этот вопрос заставил Расина задуматься, некоторое время он шагал, хмурия брови, а затем ответил:

– Нет.

– А почему ты спрашиваешь, бескрылый? – влезла в разговор Кость.

Этот вопрос заставил Головешку вздрогнуть, лицо его загорелось от прилившей крови, перед глазами потемнело, в ушах возник гул, заглушивший шумы погружавшихся в ночь джунглей.

Эх, врезать бы ей заклинанием, чтобы от боли исказилась эта грубая физиономия, или воткнуть меч в брюхо, чтобы самка орка умирала долго и мучительно.

Но нет, он справится, не ответит на оскорбление, а вспомнит про него потом.

Да, месть – это такое блюдо, которое лучше подавать на стол холодным.

– Есть признаки, что колдовство с муравейником сотворил тоже восставший, – собственный голос прозвучал странно, будто говорил кто-то другой, но Головешка все же сумел выговорить фразу спокойно.

– Понятно, – заметил Расин. – Но всю дорогу он был хорошим соратником.

– Не раз выручал нас, сражался плечом к плечу, – добавила Кость как ни в чем не бывало, хотя есть шанс, что она не заметила той вспышки гнева, что скрутила Головешку. – Может быть, эти Зэм никак не связаны с нашим?

– И это возможно, но все-таки за ним лучше приглядывать, – сказал эльф.

И с этим никто не стал спорить.

В лагере их встретили суесящиеся вокруг костра гибберлинги и кипящий на огне котел с каким-то варевом.

– Это из кого сделано? – поинтересовалась Кость, пригнувшись.

– Дык из тех муравьев, – ответила Ульфа с самым серьезным выражением морды. – Чего зря мясу пропадать?

И только лукавый блеск черных глаз выдал, что это все же шутка.

Головешка так и не понял, из чего или из кого состряпали блюдо гибберлинги, но управился со своей порцией быстро. Затем, поскольку пришла его очередь сторожить, ложиться не стал, уселся в стороне от пламени, завернувшись в плащ и положив на колени обнаженный меч.

Эрэм улегся первым, не покрываясь, ничего не подкладывая под голову.

Негромко засопела устроившаяся у самого кострища орчиха, угомонились гибберлинги, стало различимо потрескивание остывающих угольков, шорох ветра в кронах, отдаленные крики птиц и лягушачьи трели с болота.

Над самыми верхушками деревьев бежали тучи, и такими же рваными и мрачными, как они, были и мысли эльфа.

Да, странности Зэм можно объяснить тем, что он типичный представитель своего народа, а трудно ожидать нормального поведения от существа, прошедшего в объятиях смерти невесту

сколько лет.

И не факт, что он заодно с теми его сородичами, что колдовали у муравейника...

Но все равно творится слишком много подозрительного – таинственные заказчики; чужаки в окрестностях лагеря; невероятно вовремя напавшие муравьи; исчезнувшее само собой масштабное заклинание, что до того момента, если верить тому же Эрэму, не поддавалось ни на сантиметр.

И слова Горация насчет того, что они влипли в масштабную игру, где являются лишь пешками... и прорицание Ульфы, в котором она заявила, что игрок – сама смерть, а ведь с ней как раз Зэм связаны теснее всего.

Но даже если группа восставших и затеяла тут нечто, то ради чего?

Зачем сводить в джунглях Асээ-Тэпх две группы наемников, да не простых, а отборных? Чтобы добыть золотую подвеску, изготовленную мастером-ювелиром из дома ди Дазирэ и черный жезл из дерева?

Нет, это даже не смешно.

– Чтобы их демоны забрали, – пробормотал Головешка, сам не очень хорошо понимая, кого имеет в виду – соратников, что смотрели пятый сон, муравьев или неведомых чужаков вместе с аниматорами.

Откровенно говоря, он больше не верил в то, что даже выполнив задание, получит обещанную награду – да, возможно тот, кто отправил сюда изуродованного эльфа, и способен убрать коросту астральных ожогов и даже вырастить ему новые крылья, но вряд ли он собирается это делать.

Зачем ему это надо, особенно если он добьется цели, а эльф погибнет?

Головешке зверски, до слюны во рту и звона в башке захотелось выпить.

Расин проснулся с первыми лучами солнца, и некоторое время лежал неподвижно, наблюдая за спутниками.

Тронд, стороживший вторую часть ночи, прохаживался туда-сюда, время от времени начинал зевать, смешно разевая пасть. Его сородичи спали абсолютно беззвучно, напоминая две брошенные комками белоснежные шкуры.

Нет, все же эти гибберлинги странные, куда дальше от людей, чем орки или даже тролли...

И эта их способность к предсказаниям, от которой в дрожь бросает.

Головешка метался во сне, постанывал и иногда даже

бормотал хоть и громко, но неразборчиво. Что-то его мучило, скорее всего, тяжелые грезы о тех днях, когда он был столь же прекрасен, как остальные эльфы, и наверняка занимал меж своих выдающееся положение.

Расин почти ничего не знал о нем, но мог о многом догадаться.

Про себя усмехнулся, вспоминая тот момент, когда вчера Головешка едва не бросился на Кость... и наверняка убил бы ее в приступе слепой ярости, не встань на его пути кто-нибудь более сильный.

А вон и орчиха – под тонким одеялом вырисовываются округлости грудей.

Как ни крути, она женщина, а женщины у Расина не было давно, с самого Суслангера... Может быть, потолковать с Костью сегодня вечером, благо муж ее уже два дня как в могиле, а затем слегка «помять лужок», давно мечтал проделать это с одной из баб ее народа.

Если, конечно, они доживут до этого самого вечера.

В окрестностях пирамиды, куда привел их Эрэм, на это можно лишь надеяться.

А вон и сам восставший, не понять, спящий, мертвый или просто лежащий неподвижно, то ли союзник, то ли враг, то ли один из кукловодов, что дергает за ниточки, но при этом сам маскируется под марионетку.

Да, во всей этой компании, как ни неприятно об этом думать, можно положиться лишь на эльфа...

– Доброе утро, – сказал Расин, откидывая одеяло.

Тронд ответил улыбкой и взмахом лапы – этот тип был еще менее разговорчив, чем сам хадаганец.

– Займемся завтраком? – предложил тот.

Гибберлинг кивнул.

Поднимались неохотно, медленно, с тягучими зевками и недовольными физиономиями – вчерашний день измотал всех, и казавшегося несокрушимым Эрэма и немыслимо сильную даже по орочьим меркам Кость.

– Ну что, какие планы на сегодня? – спросил Головешка, когда с завтраком оказалось покончено.

– А что, у нас есть варианты? – восставший потер металлические руки, произведя неприятный скрежет. – Отправляемся к пирамиде и вновь попытаемся освободить вход.

– А как же те типы, что прячутся в джунглях? – поинтересовался эльф.

– Ими займусь я, – сказал Расин. – И, милость Незеба, мне нужен один из вас.

И он указал туда, где рядом, точно птицы на жердочке, сидели гибберлинги.

– Хочешь опереться на провидца? – спросила Ульфа, задумчиво почесывая покрытую шерстью грудь. – Хорошо, с тобой пойдет Свен, ему проще общаться с людьми.

– Ага, – подтвердил одноухий гибберлинг.

– Что вы собираетесь делать? – поинтересовался Эрэм.

– Пошарим по окрестностям, – Расин встал. – Они тоже должны встать лагерем. Подходящих мест не так много.

– Хорошо, – одобрил восставший. – Тогда не будем терять времени, все за дело.

Куда именно направиться в первую очередь, хадаганец, если сказать честно, решил уже на ходу... У болота расположится только ненормальный, ну или тот, кому нипочем вонь и летающие кровососы, а восставших обе эти вещи беспокоят куда как меньше, чем людей или гоблинов.

Поэтому для начала стоит посмотреть там.

– Слушай меня, – сказал Расин, когда верхушка пирамиды исчезла из виду за деревьями. – Идем на восток, проверим этот вариант. Вон там, севернее, тот муравейник. Чего почувствуешь – говори.

– Ага, – согласился Свен. – Пока Нити парят в пустоте, ничего не цепляя.

Провидец он провидец и есть, внятных речей от него не жди.

До края болота они дошли без приключений, и двинулись для начала на север. Обнаружили логово тварей, похожих на крылатых обезьян, затем их атаковало нечто верещащее и многолапое.

Когда раненая тварь, подволакивая уцелевшие конечности, убралась в чащобу, Расин заметил, что на ближайшем дереве сидит черная птичка с красными пятнами на крыльях.

– Это что? – спросил Свен.

– Доказательство, – ответил Расин, и протянул руку.

Птичка с протяжным «фьююиить» перелетела ему на ладонь, потопталась там, и даже клюнула один из пальцев.

– Это же змея! – воскликнул гибберлинг. – Хотя нет, наверное, она была змеей.

– Была. Я сам это видел.

Доказательство негодующе чирикнуло и умчалось прочь.

Они прошли мимо муравейника, из обитателей которого вчера сделали чудовищ. Повернули на запад, и вот тут Свен неожиданно остановился и даже ухватил спутника за руку.

– погоди... – произнес он искаженным голосом. – Я чувствую... ага... Нити... Давай туда!

И он ломанулся через джунгли, точно сошедший с ума лось.

Расин проверил, на месте ли метательные ножи, и побежал следом – если впавший в провидческий раж гибберлинг угодит в беду, то придется его выручать, и догадитесь с двух раз, кому именно?

Захлюпала под ногами вода, остался позади крохотный ручеек, метнулся в сторону «олень» вроде того, какого добыл вчера. Свен с треском врезался в заросли глянцевого блеска темных листьев, и тут показалось, что впереди, в той стороне, куда они бежали, кто-то вскрикнул.

Расин прибавил шага.

Он нагнал гибберлинга в тот момент, когда тот вылетел на круглую полянку размером с небольшую комнату: трава примята, чернеет пятно кострища, уходит вверх, сочится дымок, аккуратной кучкой лежат дрова, и всюду, куда ни кинешь взгляд, следы все тех же тяжелых сапог.

– Стой! – рявкнул хадаганец, но гибберлинг сам остановился, выставив перед собой кинжал.

Кто бы ни разбил здесь лагерь, они ушли только что, причем захватили вещи. Словно узнали, что к ним спешат незваные гости... есть, конечно, вероятность, что почуяли с помощью сторожевых заклинаний.

– Я осмотрю следы, – сказал Расин. – А ты гляди по сторонам.

Сейчас лучший момент для того, чтобы на них напасть.

– Фьююют, – донеслось сверху, и на одной из веток обнаружилось Доказательство: вид у нее был крайне деловой, склонив голову, птица внимательно наблюдала за тем, что творится внизу.

Расин обошел поляну, внимательно глядя под ноги – следов тут много, даже слишком много, но нужно выбрать наиболее свежий, тот, что уходит из лагеря чужаков последним.

Ага, похоже, что вот этот.

Он даже опустил на четвереньки и понюхал отпечаток, и только после этого спросил:

– Он?

– Кажется, что да, – в этот раз Свен обошелся без обычного «ага». – Нити висят... Странно.

Расин неспешно двинулся по следу, держа наготове сразу два метательных ножа – когда имеешь дело с магами, единственный шанс в том, чтобы атаковать первым и не дать противнику возможности ответить.

Ловил каждый звук – дыхание гибберлинга, шорох упавшего с дерева листа.

Довольно быстро уверился, что идут в верном направлении –

чужаки, и было их двое, удирали в спешке, и даже не пытались запутать следы. На колючем кусте с ярко-алыми колесами цветов нашел обрывок темно-синей грубой ткани, столь любимой восставшими.

Похоже, догадка Головешки насчет Зэм была верной.

– Рискнем, – сказал Расин, оглядываясь на спутника. – Чуть быстрее.

– Ага, – кивнул тот. – Можно, пока не опасно.

Еще один ручеек, и судя по тому, как он петляет, может быть, что тот же самый. Здесь след ушел в воду, и на другом берегу не появился – неплохой способ сбить погоню со следа, вот только у них есть с собой провидец, а от него таким образом не скроешься.

– Куда? – спросил Расин.

– Вверх по течению, – ответил Свен.

Петля, другая, и вот они, свежие отпечатки – вон там сорван мох, чуть правее смята трава, и над ней сломанная ветка выдает, что кто-то пытался за нее зацепиться, выбираясь из ручья.

– Опасно! – воскликнул гибберлинг, но Расин уже и сам краем глаза заметил движение.

Упал, не обращая внимания, что хлопается лицом в неприятно теплую, мутную воду. Над головой пронеслось нечто тяжелое, с гулом ударились о ствол одного из деревьев, полетели куски коры.

Ага, всего лишь качающееся на веревке бревно... когда успели его повесить?

Или готовились к бегству заранее, выбирали путь для него, устраивали ловушки?

– Далее путь наш будет усеян терниями, – задумчиво проговорил Свен, сидевший на корточках в глубоком месте, так что из ручья торчали лишь плечи, выставленные руки с кинжалом и голова.

– Это понятно, – Расин выпрямился и начал выбираться из воды.

В сапогах хлюпало, с одежды текло, но ничего, такие мелочи его не остановят.

На следующую ловушку наткнулись через полсотни шагов – яма с кольями, замаскированная настолько хорошо, что заметить ее сумел только гибберлинг, да и то в последний момент.

Аккуратно обошли ее, и лишь для того, чтобы едва не угодить в упавшую сверху сеть из толстых веревок.

– Это было бы неприятно, – сказал Расин, восстанавливая дыхание после разрывающей мышцы скачка в сторону.

Чужаки заранее готовились к тому, что рано или поздно их обнаружат, но почему?.. Отчего они не могли расположиться

подальше от пирамиды, так, чтобы отыскать их лагерь стало невозможно?

Кроме того, нельзя же устроить сотню таких ловушек, чтобы с гарантией избавиться от погони!

– Впереди опасно, – в очередной раз предупредил Свен, и Расин остановился, хотя пока не видел ничего.

– Что там? – спросил он.

– Не могу понять, – отозвался гибберлинг. – Знаю лишь, что дальше идти не стоит.

Густой подлесок из тех же шипастых кустов, какие не раз видели ранее, поднимающиеся из него могучие стволы, рассеченный на тысячи лучей, слегка позеленевший солнечный свет, что падает сверху, качающиеся на легком ветерке лианы, запах сырой листвы...

– Обойдем? – предложил Расин, и сделал шаг.

Показалось, что земля уходит из-под ног, он попытался остановиться, но не смог. Взбунтовавшиеся ноги сами потащили его дальше, голова закружилась, и на миг он даже потерял направление, утратил знание о том, куда и зачем движется, и где вообще находится.

Это даже не яд, это магия, а значит, шансов у него нет...

Какое-то время не воспринимал, не думал и не чувствовал ничего, затем сообразил, что стоит на четвереньках: ноги и руки подламывались, по лицу тек вонючий пот, но он был жив, и даже не пострадал.

С невероятным усилием сумел распрямиться, встать на колени.

Гибберлинг лежал неподалеку, скорчившись в позе зародыша, слышались его судорожные вздохи.

– Свен? – позвал Расин.

– А... что? – отозвался тот, поднимая голову.

– Надо убираться отсюда, – со второй попытки, опершись рукой оземь, смог встать. – Пусть с заклинанием разбираются те, кто могут.

– Ага, – гибберлинг качался, точно пьяный, глаза у него были дикие, непонимающие.

Сам Расин ощущал себя будто после основательного удара по затылку – его сильно тошнило, волнами накатывала слабость, так что он едва удерживался на ногах, лес то и дело начинал плыть, размазываясь в набор зеленых, серых и коричневых полос.

В таком состоянии не то что по чужому, по своему следу идти опасно.

Глава 13

Около пирамиды провели целый день, и день этот оказался не самым приятным в жизни Головешки. Магией он занимался более века, и давно, с самого начала обучения не чувствовал себя настолько беспомощным.

Они испробовали все, что только можно, кроме разве уж совсем разрушительных заклинаний. И не преуспели – вход так и остался надежно запечатанным, а внутренности непонятно кем возведенного строения не сделались доступнее.

– Провалиться ей в астрал, – пробормотал Головешка после очередной неудачной попытки.

– Будь осторожнее со словами, а то вдруг оно так и выйдет, как ты пожелаешь, – Эрэм усмехнулся, хотя его металлическое лицо осталось неподвижным.

– Может оно и к лучшему, – проворчал эльф, потягиваясь, чтобы размять ноющую от усталости спину. – Тогда мы все с чистой совестью сможем отправиться по домам... Если Ульфа нам разрешит, конечно.

Провидица на замечание не отреагировала.

Она весь день провела рядом с ними, помогала чем могла, но тут и ее дар не стал надежным подспорьем.

– Давай перерыв, а затем еще попробуем... – Эрэм осекся на полуслове, обернулся.

Из леса выбрался Расин, шагавший неуверенно, словно только что научившийся ходить ребенок. За ним показался Свен, которого и вовсе мотало из стороны в сторону, как селянина после визита в трактир.

Головешка мгновенно заметил на обоих следы заклинания, похожие на клочья серо-зеленой ваты.

– Кто же вас так? – спросил он.

– Те, кого мы пытались найти, – отозвался Расин, и рассказал, что с ними произошло.

– Отшибающая разум магическая ловушка? – Головешка встрепенулся, на миг забыл об усталости, в душе его вскипели азарт и желание достать наконец этих засранцев. – Слава предкам, теперь им от меня не уйти! Пойдем, показывай дорогу, быстрее!

Он ждал, что Эрэм начнет возражать, заведет знакомую песню насчет того, что чужаки не опасны, что нужно заниматься пирамидой и все прочее может еще некоторое время подождать...

Но тот повел себя неожиданно.

– погоди! – воскликнул он, делая шаг к хадаганцу. – Надо

привести его в себя!

Расин только охнул, когда его словно ледяной водой окатили восстанавливающим заклинанием. Встряхнулся, как собака после купания, и стал самим собой, внимательным, спокойным и беспощадным, идеальной машиной для слежки и убийства, выращенной в военных лагерях Империи.

– Да, я готов, – сказал он. – Кто еще с нами?

– Я – нет, – Свен помотал головой. – С меня и одного раза хватило.

– Да вы и вдвоем справитесь, уж не сомневайтесь, – Эрэм посмотрел на темнеющее небо. – Идите быстрее, а то ночью вам будет сложнее, и использовать факелы в такой ситуации неразумно.

С этим стал бы спорить лишь безумец.

Расин шагал по лесу быстро и уверенно, совершенно не так, как еще совсем недавно, Головешка торопился следом. Как он понял, они оставили немного восточнее муравейник, ставший родиной для орды пронесшихся через джунгли чудовищ, пересекли извилистый ручей.

– Здесь, – сказал хадаганец, останавливаясь, но эльф уже и сам все видел.

Заклинание лежало на земле подобно громадному яйцу из ваты, по клубкам которой, серым и округлым, бегали зеленые и синие искорки. Оно немножко искажало проходивший через него свет, так что стволы казались изогнутыми, а ветки изгибались под причудливыми углами.

Да, обычному воину такое заметить невозможно, не говоря уж о том, чтобы справиться.

– Ну, сейчас попробуем, – сказал Головешка.

Это вам не слабый, гаснущий контур, это полноценное заклинание, и не так сложно определить, кто его поставил... Главное – нащупать опорную точку, с которой все началось, и раскрутить процесс в обратную сторону.

Джунгли, темно-фиолетовое небо, стоявший рядом Расин – все исчезло для эльфа. Словно провалился в глубокий колодец с плотной и очень темной водой, и теперь уходил вглубь, держась за тонкую, норвящую выскользнуть из пальцев нить, что порвется при малейшем неловком рывке...

Головешка уже разглядел впереди крошечную блистающую точку, растущее светлое пятно, когда все пошло не так. Его дернуло в сторону, рот наполнился кровью, а в ушах словно ударил тяжелый колокол... раз, другой, третий, да так, что череп вот-вот расколется на куски.

– Чт-то пр-роисходит? – прохрипел он, открывая глаза.

Веки поднимались с трудом, словно кто-то превратил их в свинцовые заслонки.

– Там свет, – отозвался Расин. – До этого звучал гром и сверкала молния.

Но Головешка уже был в состоянии видеть и собственные руки, и лицо хадаганца, и зарево над лесом в той стороне, где находилась пирамида и остались их соратники, и еще кое-что, доступное лишь взгляду мага...

В темном и так небе чернел пролом, и в нем переливалась радужная бесконечность.

Зрачок астрала, глаз хаоса, заглянувший в дырку, проделанную в той незримой оболочке, что окружает каждый аллод, в том числе и тот, что именуется Святой Землей.

– О нет... демон? – прошептал Головешка. – Сейчас? Только этого нам не хватало! Бегом!

Понятно, что астральное чудовище может прорваться в обычное пространство в любом месте и в какой угодно момент, но все же подобные вещи происходят сами по себе не так часто... А здесь видны признаки того, что демону помогли, сначала подманили, а затем открыли портал.

Кто? Неужели опять те же неведомые Зэм?

Или в игру вмешался кто-то еще?

Расина не пришлось уговаривать, и вскоре они мчались через лес изо всех сил. Зарево продолжало колыхаться над лесом, точно громадный огненный прыщ, и ветер доносил тяжелые взрывывания, от которых дрожала земля.

Ветки хлестали по лицу, сердце лупило как бешеное, в груди хрипело и свистело, но Головешка не обращал на это внимания.

– Давай, нажмем... давай, – повторял он, хотя вряд ли смог бы бежать быстрее.

Последний ряд кустов, два сросшихся дерева, и вот он, лагерь...

Толстенный ствол переломлен у основания как тонкий пруттик, рядом валяется один из гибберлингов, и белый мех его заляпан черными кляксами... Кость скачет вокруг костра, в руках ее пляшут меч и булава, Зэм стоит, вскинув руки, и с пальцев его течет оранжевое пламя...

И надо всем этим парит колоссальная тварь, похожая на камбалу с множеством рассеянных по брюху злобных глаз навывкате и тысячей щупалец, что пучками натыканы по обоим бокам.

И дрожащее желтое зарево поднимается как раз от ее спины.

– Как с ним сражаться!? – воскликнул Расин, и в голосе его прозвучала растерянность.

– Руби, что к тебе тянется, и этого будет достаточно! – ответил Головешка, и вступил в бой.

Молния, ударившая в одно из щупалец, не пришлась демону по вкусу, он дернулся и заревел. Вниз обрушился звук такой мощи, что уши на мгновение онемели, а языки костра вжало в землю.

Эрэм покачнулся, и пламя, вздымавшееся с его пальцев, замерцало.

Кость споткнулась, и это спасло ее от удара щупальца, толстого, как корабельная мачта. То пронеслось совсем рядом с орчихой, врезалось в дерево, отчего оно затрещало и накренилось.

Головешка швырнул еще одну молнию, на этот раз попал в один из глаз астрального монстра. Краем глаза увидел, что Расин метнулся туда, где стояли, прижавшись спинами друг к другу, два уцелевших гибберлинга, как рыбкой сверкнул в льющемся с неба свете брошенный нож.

Висевшая наверху тварь излучала чудовищную мощь, под ее тяжестью прогибалось само пространство, размерами она могла поспорить с драконом... и все же с ней нужно сражаться, и не просто сражаться, а желательно еще и победить.

Головешка уклонился от щупальца, что пропахало борозду в земле, рубанул по нему мечом.

Это для демона комариные укусы, нужно врезать как следует, по самой сердцевине астрального монстра, ведь здесь, в обычном мире он куда слабее, чем в родной стихии. А для этого нужно сосредоточиться на несколько долгих мгновений, и не попасть под удар.

Он закрыл глаза и глубоко задышал, концентрируя волю для атаки.

Увидев, что напало на них, Расин в первый момент подумал, что угодил в страшный сон. На то, чтобы описать это существо, определить, на что оно похоже, у него просто не хватило бы слов.

Сомнений не вызывало лишь то, что оно громадно и полно злобы.

Он бросил нож, и щупальце, нацелившееся оторвать голову Ульфе, испуганно отдернулось. А затем и сама гибберлингка махнула кинжалом, брызнула белесая кровь, и наземь упал дергающийся обрубок длиной в человеческую руку, усеянный присосками и заляпанный слизью.

Не хватало еще споткнуться об эту дрянь.

Ну, Головешка способен сам о себе позаботиться, не говоря уж об Эрэме, Кость держится неплохо... Нужно помочь тем, кто

слабее, а то Ульфа, похоже, сегодня уже лишилась одного из братьев.

Он прыгнул вперед, нагнулся, пропуская над головой очередное щупальце.

– Назад! – крикнула гибберлинг, но к кому она обращалась и что имела в виду, осталось неясным.

Очередная конечность демона, висевшего в небе подобно туче, выскользнула из кустов. Гибберлинг, Тронд, судя по тому, что у него были оба уха, успел отскочить, а вот его сестра замешкалась.

Щупальце обхватило ее за талию, перехлестнуло шею.

– Хрррр... – прохрипела Ульфа.

Расин ударил наотмашь, затем еще раз, но гибберлингу стремительно потащило вверх.

– Нет! – завопил Тронд, подпрыгивая, чтобы ухватить сестру за ноги.

Ему не хватило совсем чуть-чуть.

Милость Незеба, что там маги?

Расин оглянулся... вокруг Эрэма бился целый клубок из щупалец, но ни одно не могло схватить восставшего, мешал исходивший от того яркий зеленый свет, чьи лучи там и сям вырывались из сплетения конечностей; Головешка стоял, выпрямившись, и демон почему-то не обращал на него внимания; эльф наверняка колдовал, хотя пока эффекта от его заклинаний видно не было.

Быстрее, быстрее!

Ульфа вскрикнула еще раз, тонко, отчаянно, и затем ее голос потонул в торжествующем реве чудовища.

– Нет! – по лицу упавшего на колени Тронда текли слезы. – Нет! Нет!

Расин услышал его голос чуть ли не впервые.

Рубанул еще по одному щупальцу, и на этот раз удачно, срубил пару присосок и нанес длинную рваную рану. Полетели теплые вонючие брызги цвета гноя, и судя по судорогам исполинского тела наверху, демон почувствовал боль.

Головешка издал пронзительный, яростный вопль.

Вокруг него забился призрачный ореол цвета льда, сложился в наконечник копья размером с человека. Устремился вверх, изгибаясь и пульсируя, оставляя позади шлейф из крохотных белых и голубых звездочек.

Ударил туда, где на исполинском брюхе находилось полукружье из глаз.

Явившийся из астрала монстр изогнулся, пытаясь избежать удара, наперерез копьём метнулись десятки щупалец. Одно

вспыхнуло ярким огнем, за ним второе, третье оказалось разрублено пополам, и тяжело, как упавший с обрыва дуб, полетело вниз, за ним устремилось четвертое.

А затем копье ударило в цель.

Очередной вопль демона Расин не услышал, он его ощутил не ушами, а всем телом. Завибрировали кости, задребезжали, ударяясь друг об друга, зубы, кишки пустились в пляс, глаза затянула кровавая пелена.

Но тут же исчезла, и он увидел, что гигантскую тварь разорвало пополам.

Одну часть подбросило вверх, и она наполовину погрузилась в несущиеся по небу облака. Вторая накренилась, и пошла к земле, точно астральный корабль, лишившийся возможности летать.

Судя по тому, что щупальца продолжали двигаться, демон не был убит.

Но способность держать себя в воздухе он утратил, да еще и понемногу начал таять – по краям колоссального тела возникли струйки дыма, в гляцевитой серой плоти открылись воронки глубоких язв.

– Ага, получил! – торжествующе закричал Головешка, и в руке его блеснул меч. – Добивай!

Клубок щупалец вокруг Зэм расплелся, и стало видно, что руки восставшего танцуют подобно двум пчелам. Он сделал резкое движение, словно бросая что-то вверх, и Расину показалось, что в сторону пирамиды унеслась пылающая искра, заключенная в сердцевину крохотной тени.

А затем половинка туши демона ударилась о землю, и та вздрогнула.

Хадаганец перескочил через щупальце, катившееся по земле подобно бревну. Хлестанул мечом по кончику другого, что сунулось уж слишком близко, и понял, что конечности больше не двигаются целеустремленно и скоординированно, как было ранее.

Останки таявшего монстра бились в агонии.

Зависшая в небесах половинка судорожно дергалась, перемешивая облака конечностями, и уменьшалась, уменьшалась... Многочисленные глаза моргали яростно и растерянно, но рев больше не оглушал, и ядовитое зарево понемногу слабело...

Очередное щупальце превратилось в столб из тумана, и тот растаял под налетевшим ветром.

– Все, – слабым голосом проговорил Эрэм, и джунгли погрузились во тьму.

Демон сгинул без следа, остались лишь поломанные деревья,

ямы и борозды в земле. Ульфа исчезла, но тело Свена наверняка осталось лежать там, где они увидели его в первый момент.

– Да, справились, – подтвердил Головешка. – Так, кто уцелел?

– Ульфы нет, – сказал Расин.

Тронд, судя по жалобному скулежу, был жив, хоть и пребывал не в лучшем состоянии.

– А где наша грозная воительница? – спросил эльф. – Эй, Кость, откликнись?

Они нашли орчиху, лишь запалив факелы – к северо-западу от лагеря, в гуще кустарника, куда отшвырнул ее упавший демон, и не просто отшвырнул, а еще и придавил, так что нетронутой осталась лишь голова, а все прочее обратилось в кровавую мешанину из мяса и костей.

Увидев останки Кости, Расин сглотнул и отвел взгляд.

И об этой женщине он думал еще сегодня утром?

– Надо их похоронить, – сказал Эрэм, и на этот раз Головешка не только смолчал, а еще и первым взялся за лопату.

Могилы выкопали немного в стороне от лагеря, под сенью чудом уцелевшего громадного дерева. Провозились большую часть ночи, и когда засыпали последнее тело, то на востоке обозначилось бледное свечение рассвета.

Из мрака выплыли очертания изломанных стволов, валяющиеся тут и там ветки.

– И где же Тенсес, чтобы воскресить их? – бросил Головешка. – Это же его земля? Где он?

Никто не ответил.

– Тогда задам другой вопрос, – эльф, судя по решительному лицу, останавливаться не собирался. – Откуда взялась эта тварь? В то, что она вылезла тут случайно, я не верю.

– Кто-то открыл портал, – Эрэм задрал голову, чтобы посмотреть в небо, такое мирное в этот предрассветный час. – Но кто?.. Сам понимаешь, что ответить невозможно.

– Кто-то, не желающий, чтобы мы попали в пирамиду, – сказал Расин.

Тьма понемногу рассеивалась, и он мог видеть лица соратников: лишившийся близких родственников Тронд раздавлен горем и вряд ли до конца осознает, что происходит вокруг; отбросивший капюшон на спину Головешка разозлен и раздрадован, и не скрывает чувств; что испытывает Эрэм, по маске из металла прочитать невозможно, но отчего-то он кажется довольным.

Хотя нет, это впечатление не может быть истинным.

Что получил восставший от гибели гибберлингов и Кости?

– Но мы отбились, пусть и с потерями, – Эрэм со звяканьем

хлопнул ладонями друг о друга. – А значит, назло неведомому супостату должны продолжить наше дело, обязаны добраться до цели... до целей.

– Предлагаешь вновь биться лбом о то заклинание? – в словах Головешки прозвучала усталость. – Или за эту ночь ты получил откровение, постиг великую истину, что позволит нам пройти дальше?

– Нет, не получил, уж не сомневайся, – восставший остался спокойным. – Побеждает только тот, кто старается.

– Надо отдохнуть, – вмешался Расин. – Сейчас мы мало на что годимся.

Эрэм, судя по жестам, собрался возразить, но глянул на Головешку и передумал.

– Хорошо, конечно, – сказал он.

– Я посторожу, – неожиданно подал голос совершенно вроде бы безучастный к разговору Тронд.

Расин лег на свое место, завернулся в одеяло, но уснуть сразу почему-то не смог. Помешали даже не столько мышцы, дергавшиеся от усталости, не ушибы и порезы, заработанные в последние дни, сколько бежавшие по кругу унылые мысли, от которых никак не удавалось избавиться.

Что они тут делают?

Для чего их заманил сюда тот незнакомец из пустыни? Каковы его цели?

Кто натравил на них сначала орду гигантских муравьев, а затем и астрального демона? Противники нанимателя, не желающие, чтобы кто-то проник во внутренности пирамиды?

Но кто они? Почему не нападут сами?

Ведь при такой колдовской мощи и умении, что проявили чужаки, им нет смысла бояться открытой схватки с Головешкой и Эрэмом, а ведь последний может запросто оказаться предателем...

В голову еще почему-то лезло Доказательство.

Как видел ее, шагая по следу, как сотворенная магическим способом птица умчалась туда, где позже они обнаружили чужой лагерь, а затем сидела на ветке на краю той самой поляны...

Что-то с этим было не так.

Но поймать за хвост мысли, что уже начали выстраиваться в нужном порядке, он не смог, уснул.

Спал Головешка плохо, хотя неприятности со стороны Кости ему больше не грозили.

Но все равно он то проваливался в темный, полный ярких и бессвязных видений омут, то выныривал из него, обливаясь потом

и скрипя зубами то от страха, то от злости. Чудилось, что по зарослям вокруг лагеря бродит кто-то высокий, под вершины деревьев, но при этом лишенный лица, его темный силуэт оказывался все ближе и ближе, холодные руки тянулись к горлу.

Головешка дернулся в очередной раз, нащупал рукоять меча и проснулся.

Солнце уже взошло, его розоватые лучи пробивались через кроны на востоке, отчаянно вопили птицы, далеко, где-то за пирамидой, сладострастно рычал хищный зверь. Никаких темных высоких чужаков видно не было, как и Эрэма, у костра сидели Расин и Тронд.

– Мы думали, ты уже никогда не очнешься, – сказал хадаганец.

– Не дождетесь, – буркнул Головешка. – Где наш мертвяк?

– Ушел к пирамиде, глянуть, что там.

– Ну-ну, – встать оказалось неожиданно сложно, на несколько мгновений тело отказалось повиноваться. – Ах ты, провалиться мне в астрал, чтобы меня демоны...

Но нет, астральных бестий лучше не поминать, а то явятся во второй раз.

– Ты как? – спросил Головешка, подойдя к Тронду.

Не то чтобы эльфа сильно заботило состояние гибберлинга, просто он знал, насколько сильно уроженцы этого народа привязаны к братьям и сестрам, как тяжело они переживают потерю внутри роста... Нет, нужно прямо сейчас выяснить, на что годится единственный оставшийся в живых провидец, можно ли на него рассчитывать.

Тронд кивнул и даже изобразил нечто вроде улыбки.

– Ты нам еще потребуешься, – настойчиво продолжил эльф, – дабы наказать тех ублюдков, что вызвали эту бестию и погубили тем самым твоих родичей... Отомстить! Понимаешь?

«Да, до чего докатился Балдуин ди Дусер, – с горечью подумал он, и вздрогнул, поскольку уже много лет даже в мыслях не позволял себе употреблять собственное имя, слишком крепко связанное с прошлой жизнью, той, что канула в ненасытную пасть времени. – Убеждаешь полуразумное животное в том, что оно представляет ценность! Видели бы это родичи!»

А даже если бы и видели, то что с того?

Никто из этих надменных золотоглазых красавцев не проходил через то, через что прошел он, не варился заживо в бездонном котле астрала, не жил отшельником в дикой холодной Сиверии...

И это если даже не брать в расчет события последнего времени!

– Понимаю, – сказал Тронд.

Смотрел он твердо и осмысленно, говорил четко, и мохнатые лапы его не дрожали. Какой ценой это давалось гибберлингу, впервые в жизни оставшемуся в одиночестве, неизвестно, но он выглядел собранным и готовым ко всему.

Ну и отлично, главное, чтобы в нужный момент не подвел.

В Расине сомнений нет вообще никаких – этот, хоть и человек, хоть и уроженец ненавистного Хадагана, показал, что не боится никого, а когда доходит до схватки, стоит пятерых.

Головешка без сомнений доверил бы ему спину.

И это одному из тех, с кем много лет сражался, кого ненавидел всей душой!

Оставался Эрэм, не ставший менее подозрительным даже после того, как вчера они бились плечом к плечу...

Посреди схватки, когда исход еще не определился, Зэм сотворил некое заклинание, очень странное, и мало похожее на боевое, но разобрать, что это такое, эльф не смог, поскольку был очень занят. Через какое-то время эти чары оказались повторены, но Головешка вновь прохлопал ушами.

– Что, завтракаете? – спросил как по заказу появившийся из джунглей Эрэм. – Заканчивайте быстрее, ведь у меня для вас хорошие новости.

– Это какие? – спросил Головешка, еще и не приступавший к трапезе.

– То, заклинание, что мешало нам войти в пирамиду, более не существует, – восставший проговорил это торжественно, будто его слушали не трое усталых воинов, а многотысячная толпа.

Расин недоуменно хмыкнул.

– Ты мне не веришь? – Эрэм, несмотря на помятую металлическую физиономию, рваную и грязную хламиду, выглядел в этот момент величественно, почти грозно. – Хочешь, проверь сам?

Но к пирамиде отправились лишь после того, как покончили с завтраком.

И едва вышли на прогалину, окружавшую древнее строение, как Головешка почуял, что здесь кое-что изменилось. Даже безликие стражи взирали на мир немного по иному, а в том проеме, что вел внутрь, не колыхалась более вязкая, непроницаемая для взгляда мага тьма.

Обычный мрак, и не более.

Расин подобрал нож, валявшийся у стены вот уже второй день, и никто на него не набросился.

– Чисто, – с некоторым удивлением сказал хадаганец, вытаскивая из-за пояса срубленный по дороге факел.

– Я же говорил, – будь у Эрэма нормальное лицо, оно в этот момент отразило бы оскорбленное достоинство.

Кремень ударил о кресало, полетели искры, и факел вспыхнул дрожащим желтым огнем. Свет упал на стены, покрытые точно такими же значками, как и наружные, разве что более крупными.

Проход вел прямо, пол выглядел гладким и монолитным, и все же Головешке не хотелось туда идти.

– Ну что же, настал час исполнить то, ради чего мы и прибыли в эти дикие земли? – пафосно возгласил Эрэм. – Идем же внутрь, откроем путь к лежащим там древним тайнам.

– Э, нет... – сказал Расин. – Я бы не стал спешить.

– Но почему? – восставший резко повернулся, взметнулись полы его одеяния, хлестнули по голенищам тяжелых сапог. – Остался, может быть, один, последний, шаг! Разве мы допустим, чтобы наши товарищи погибли зря?

– Прежде всего, мы не допустим собственной гибели, – Головешка покачал головой. – Впереди, я чувствую, нас ждет еще не одна опасность. – Он и вправду ощущал, что внутри, словно крысы во мраке, таятся заклинания, не менее опасные и сложные, чем те, с которыми они уже столкнулись; и не сказать, чтобы справились, те отчего-то исчезли сами. – А лезть к ним в пасть, оставив в тылу непознанного врага, очень неблагоприятно.

– Но кто сказал, что это враги? – воскликнул Эрэм.

– Так это что, друзья натравили на нас демона и тех муравьев?

– Это могло произойти случайно! Мы не можем быть уверены, что вход останется открытым сколь-нибудь долгое время, может вернуться и тот вихрь, и эта темная напасть! – восставший говорил убежденно, чувствовалось, что он и сам верил собственным речам. – Если мы упустим шанс, то кто знает, подарит ли нам судьба новый?

Но все же ощущалась за этой вроде бы искренней убежденностью нотка расчетливости, словно Эрэму было позарез нужно как можно быстрее загнать спутников внутрь пирамиды.

Или Головешке это только казалось?

– Предлагаю такой вариант, – сказал он. – Мы вдвоем идем на разведку, прямо сейчас, а Расин и Тронд остаются здесь, прикрывают нам тыл, и лучше делают это не тут, у входа, а где-нибудь в джунглях, где их не так просто заметить... Если мы натыкаемся на какое-нибудь препятствие, которое не можем одолеть с ходу, то тут же возвращаемся.

– Но это же... – начал Зэм.

– Я согласен, – перебил его хадаганец, а Тронд кивнул.

Головешка почти увидел, как исказилось от досады спрятанное за маской из металла лицо.

– Хорошо, – выдавил Эрэм. – Я вынужден подчиниться мнению большинства.

Расин подмигнул эльфу и зашагал прочь, через мгновение он исчез в зарослях на краю прогалины. Тронд, двинувшийся в другом направлении, отстал от человека на несколько мгновений.

– Пошли, – сказал Головешка, поднимая факел повыше.

Не то чтобы он сильно нуждался в обычном свете, но с ним все равно как-то спокойнее.

Шаги глухо отдавались в узком, больше похожем на щель проходе, мимо проплывали испещренные значками каменные плиты, столь тесно подогнанные друг к другу, что в щель не пролезло бы и лезвие бритвы. Потолок нависал над самой головой, на удивление бугристый, и такой же черный, будто закопченный, как и голая земля вокруг пирамиды.

Первая развилка встретила их метров через пятнадцать.

– Куда идем? – спросил Головешка. – Или разделимся?

– Не думаю, что это будет разумно, – проговорил Эрэм. – Давай сначала... направо.

Ожидавшее их впереди заклинание дало о себе знать буквально шага через три. Подул холодный ветер, полный запаха луговых трав, ушей коснулось успокаивающее журчание воды, пение птиц...

Головешку потянуло лечь прямо тут, подложить руку под голову, и спать, спать...

Вовремя отшатнулся назад, да еще и потянул за собой начавшего качаться Эрэма. Отступил на несколько шагов, и наваждение исчезло, остался лишь гаснущий во тьме контур заклинания, отчасти похожего на то, на которое наткнулись Расин с гибберлингом.

Что, и тут поработали восставшие?

Если это они поставили тут ловушку, то на кого?

Боевой маг по прозвищу Головешка – не та цель, ради которой стоит затевать нечто столь масштабное.

– Сумеешь убрать это быстро? – поинтересовался он на всякий случай. – Я – нет.

– Могу попробовать, – сказал Эрэм без особой уверенности в голосе.

Стоит отдать Зэм должное, он попытался, и вовсе не для отвода глаз, вложил в дело немало силы. Но все его потуги оказались тщетными, заграждавшее путь заклинание лишь издевательски померцало в полутьме, но ничуть не изменилось... только делаешь шаг вперед, как ощущаешь все тот же ветер,

слышишь приятные звуки и накатывает желание спать.

Головешка не сомневался, что немного дальше оно становится неодолимым.

– Попробуем второй коридор, – сказал он.

Но там их ждало в точности то же самое, наведенная дремота вновь обрушилась с силой разогнавшегося быка, ноги ослабели, а веки потянуло вниз так, словно к ним привязали веревки с грузом.

– И ты предлагаешь отступить? – спросил Эрэм, когда они пришли в себя, отойдя к развилке.

– Вне всякого сомнения, – подтвердил Головешка. – Нужно обезопасить наш тыл.

– Стоит ли думать о тыле, когда самое интересное лежит впереди? Когда... – восставший начал горячо, но затем, обнаружив, с каким выражением лица его слушают, осекся.

– Слава предкам, в свое время меня здорово учили не только магии, а тактике, стратегии и прочим воинским премудростям, – сказал Головешка, презрительно улыбаясь. – И я вовсе не собираюсь посрамить своих наставников, понимаешь?

– Но мы...

– Да, мы явились сюда не для того, чтобы с кем-то сражаться, тут ты не ошибся, – продолжил эльф, не дав собеседнику вставить даже слово. – Вот только и не за смертью. Собственной или чьей-либо еще. Кто знал, что мы окажемся частью большой игры? Может быть, ты знал, а я – нет.

Это был прямой вызов, намек на то, что Эрэму известно больше, чем остальным.

– Мне ведомо столько же, сколько и тебе, – проговорил тот, покачав головой. – Послушай, нас прикрывает Расин и один из гибберлингов, а они все сильные провидцы, и он учует любую опасность. Мы должны...

– Нет, – Головешка вновь прервал восставшего. – Я своего решения не изменю. Сначала мы обязаны разобраться с тем, что происходит снаружи, и только затем лезть внутрь! Если хочешь, оставайся тут, а я пошел!

И, развернувшись, он двинулся к выходу из пирамиды.

Глава 14

Когда меж двух каменных фигур появилась третья, из плоти и крови, Расин вздохнул с облегчением. Эльф вышел из пирамиды живым, никаких следов, что его одурманили заклинанием, а значит, у них еще остаются шансы на то, чтобы выбраться отсюда живыми.

Головешка огляделся и решительно затопал в ту сторону, где прятался хадаганец.

А где же Эрэм?

Или маги что-то не поделили между собой, эльф оказался сильнее, и восставший умер в неизвестно какой уже раз, разве что теперь окончательно, без возможности снова встать на ноги?

Не сказать, что Расина такой вариант сильно расстроил бы.

– Эй, ты где там? – спросил Головешка, остановившись у самого края зарослей. – Давай, вылезай, разговор есть... И ты, мелкий! – он повысил голос. – Как тебя, Тронд! Шагай к нам, нужно кое-что обговорить!

Ветви заколыхались, зашуршали листья, и гибберлинг выбрался на открытое место. Через мгновение он очутился рядом с эльфом, и Расин тоже покинул свое убежище в густом кустарнике.

– Что с Эрэмом? – спросил он.

– Изучает очередное заклинание, преградившее нам путь, – Головешка махнул рукой. – Делает вид, что надеется разобраться с ним сам, без тех чудес, благодаря которым исчезли два предыдущих. Ну а нам нужно разобраться кое с кем еще, помните?

Тронд кивнул, и симпатичная мордочка его исказилась от ненависти.

– Фьють-фьють, – свистнули над головой, и Расин, обнаружив на одной из ветвей Доказательство, наконец поймал ту мысль, которую упустил сегодня ночью, перед тем как провалиться в сон.

Чужаки могли увидеть колдовскую птицу, и именно ее появление – стать для них сигналом, что пора покинуть лагерь. Вот только по случаю ли черное крылатое существо возникло перед их глазами, или ее отправил некто, способный управлять такими вот магическими тварями?

Ведь сначала она наткнулась на них со Свенем в лесу...

– Можно действовать так же, как и вчера, – задумчиво сказал Головешка. – Отыскать то заклинание, что ударило вам по рассудку, и идти от него. Рассеяться оно не должно было, кое-какие следы остались, и я за них уцеплюсь. Только вот боюсь,

что...

И он выразительно оглянулся в сторону пирамиды.

– Их предупредят, – закончил фразу Расин. – Да, такое возможно.

Тронд кивнул.

– Я не доверяю этому дохлому уроду с железной физиономией, что произносит выразительные речи, – признался Головешка, и его изящные руки, покрытые пятнами ожога, сжались в кулаки. – Поэтому нужно действовать так, чтобы он не смог нам помешать... только вот как?

– Обман, – сказал Расин. – Сообщим Эрэму ложные сведения.

– Весь расчет на то, что он передаст их дальше? – эльф тут же ухватил мысль. – Чужаки будут знать, что мы планируем действовать вполне определенным образом, ну а мы поступим иначе. Осталось только выдумать правдоподобную «наживку», которую они заглотят без сомнений... Ведь мы имеем дело не с людьми или эльфами, а с дохлыми Зэм!

– Какая разница? – Расин пожал плечами. – Их тоже можно заманить в ловушку.

В этот самый момент Эрэм вышел из пирамиды и остановился между каменными стражами, как никогда похожий на их младшего брата – такой же высокий, худой и мрачный, лишенный лица, разве что без тяжелого меча, обращенного острием к земле.

– Действовать будем следующим образом, – и хадаганец изложил свою задумку. – Что скажешь?

Последний вопрос относился к Тронду.

Только провидец способен оценить шансы на успех, когда имеешь дело с неизвестным противником, обладающим магическими способностями, да еще и дело происходит в столь неприятном месте, как окрестности затерянной в джунглях Асээ-Тэпх таинственной пирамиды.

Гибберлинг подумал несколько мгновений, а затем сказал:

– Годится.

– О чем беседа? – спросил подошедший к остальным Эрэм, и голос его прозвучал настороженно.

– Размышляем насчет плана действий, – сказал Головешка, ядовито улыбаясь под своим капюшоном. – Надо с гарантией отловить засранцев, что изо всех сил портят нам жизнь. Ты для этого дела не годишься, у Тронда тоже лапы коротковаты, поэтому отправимся мы вдвоем...

И он рассказал то, что должен был рассказать.

Расин подумал, что впервые в жизни примет участие в столь хитрой интриге – чужаки, прячущиеся в джунглях, для эльфа и

человека вроде бы дичь; но на самом деле они сами потенциальные охотники, поскольку вскоре узнают о планах собственных поимщиков; остается только сделать так, чтобы восставшие, мнящие себя хозяевами положения, стали не более чем лишь пешками в чужой игре.

Стоило признать, что врал Головешка мастерски, не возникало сомнений, что он говорит правду.

– Ну, хорошо, – Эрэм если что и заподозрил, то виду не подал. – Когда пойдете?

– Сейчас и отправимся, – сказал Расин, с трудом отогнав искушение повернуться туда, где на ветке сидела черная маленькая птичка с кроваво-красными пятнами на крыльях.

– Чего зря время терять? – поддержал его Головешка. – Смотрите тут, не спите.

Сложная задача достается и гибберлингу – ему наблюдать не только за тем, что происходит в джунглях вокруг лагеря, но и за восставшим, не дать тому учинить очередную каверзу, а сделать это не проще, чем не позволить змее убежать из дырявой клетки.

– Разве тут заснешь? – спросил Эрэм, и засмеялся так, что затряслось его металлическое лицо.

Расин кивнул, и они зашагали прочь, точно в том направлении, где остался разоренный муравейник.

– Как мне хочется его убить, – прошептал Головешка, когда Зэм и гибберлинг исчезли из виду за деревьями.

Хадаганец хмыкнул:

– Если уж сам Тэп не справился, то у тебя мало шансов преуспеть.

Эльф мгновение озадаченно молчал, а затем расхохотался.

– Ничего, и не на таких находили управу, – угрожающе пробормотал он и оглянулся. – Так, кажется, что мы уже достаточно отошли, можно заняться делом... Остановись-ка.

Наложить чары невидимости можно лишь, когда объект колдовства остается неподвижным. Понятное дело, что они не заставят тебя целиком исчезнуть для чужих глаз, но сделают куда менее заметным.

В астральном корабле он использовал простой вариант, сейчас придется задействовать нечто более основательное.

– Сначала ты... – Головешка принялся водить руками над головой Расина, и тот ощутил, как щекотка ползет от макушки вниз по затылку и щекам, затем по груди и спине. – Готово.

– Ничего не чувствую.

– А ты и не должен, – эльф усмехнулся. – Теперь я сам, и это будет потруднее.

Он пошевелил ладонями над собственным лбом, потом

словно что-то размазал по боковым частям головы. Очертания высокой стройной фигуры задрожали, и та, померцав, растворилась в воздухе.

Приглядевшись, Расин увидел смазанный, нечеткий контур, становившийся заметным, когда Головешка двигался.

– Ну вот, так намного лучше, – сказал тот. – Заклинание это хорошо тем, что его невозможно засечь на расстоянии, ну а что касается слуха, зрения и прочего обоняния, эльф и хадаганский диверсант должны оказаться лучше, чем полустгнившие ходячие трупы.

Это верно, восставшие никогда не славились остротой чувств или умением маскироваться.

– Поспешим, – сказал Расин.

Они скользили через лес, бесшумные и почти невидимые даже для обитавших в джунглях животных. Стадо «оленей» убралось с их дороги в последний момент, после того, как Головешка едва не врезался в вожака; проводил удивленными глазами похожий на покрытую чешуей зелено-серую кошку хищник; не удостоила и взглядом пронесшаяся в кронах группа крикливых рыжих обезьян.

Вот и то место, где неведомый враг поставил отшибающее рассудок заклинание.

– Оно на месте, даже не поистрепалось, – сказал эльф. – Никого не слышишь?

Если они рассчитали все правильно, то Эрэм уже сообщил союзникам, что за ними началась охота. Те должны начать готовиться к встрече с преследователями, и тем или иным образом нашуметь...

Расин напряг слух, повертел головой туда-сюда, выискивая зону тишины, что всегда возникает в лесу вокруг пробирающегося через нее двуногого, неважно, человека, орка, гибберлинга или Зэм: закрывают рты птицы, перестают свистеть насекомые, все твари неразумные прячутся, надеясь, что опасность пронесет мимо.

– Нет, ничего, – проговорил он. – А ты?

– И у меня тихо, – Головешка шагнул вперед. – Поковыряюсь пока в заклинании.

Он присел на корточки, а затем словно вовсе исчез, Расин лишь иногда замечал смазанное движение там, где поднималась или опускалась рука, наклонялась голова или колыхался на ветру край одежды.

Вокруг царила обычная какофония джунглей – писк, скрежет, вой, свист, рычание и визг, смешанные примерно в равных пропорциях. Слабый ветер носил удушливые запахи гнили и

цветов, лениво колыхал усеянные ветками и шипами листья, в вышине покачивались кроны.

Неужели они ошиблись, и Зэм на самом деле не предатель?

Никому он ни о чем не сообщил, и никто не собирается на них нападать?

Что тогда делать, возвращаться в лагерь не солоно хлебавши, признать, что они потерпели неудачу? А затем снова пытаться войти в пирамиду, добыть те предметы, ради которых они сюда якобы и явились? И делать это, постоянно ожидая нападения со спины?

Расину эта мысль не понравилась.

– Есть, – неожиданно сказал Головешка, и почти забывший о соратнике хадаганец даже вздрогнул. – Я вижу след, он ведет на северо-запад, но большой глупостью будет пойти прямо вдоль него.

– Двинемся рядом с ним, и очень осторожно, – и Расин сдвинулся с места.

Те, кого они ищут, наверняка разбили новый лагерь, но отыскать его будет куда сложнее, чем первый... Но есть шанс, что враг им встретится раньше, где-нибудь на полпути, где он сам приготовил засаду.

Сто метров через сплетение лиан, веток и стволов, еще сто...

Очень медленно, осторожно, дабы ничто не чавкнуло и не хрустнуло под ногами, чтобы не встревожилась сидящая на яйцах птица, и ало-желтая змея толщиной в руку не подняла головы.

Расин остановился за мгновение до того, как уловил подозрительный звук.

Негромкий глухой удар и за ним шорох, будто по траве поволокли нечто тяжелое... Скрежет, какой издает нож, которым снимают кору с деревяшки, и еле слышный лязг...

– След ведет туда, – прошептал Головешка, на мгновение стали заметны очертания его вскинутой руки.

Вон в те кусты, такие густые, что через них и таракану не протиснуться.

– Обойдем с запада, – так же тихо отозвался Расин, и потащил из ножен метательный нож.

Десять шагов и пауза, еще пять и остановка, семь и перерыв...

Чтобы их шаги, почти неразличимые, но все же способные достичь особенно чутких ушей, неестественной ритмичностью не выделялись из того водопада звуков, что заполняет лес.

Сердце Расина дрогнуло, когда он различил в тени зарослей высокую фигуру, а рядом еще одну: ну точно, восставшие, металлические лица и такие же руки, хламида неопределенного цвета подпоясаны в талии, и давят траву высокие тяжелые сапоги,

те самые, следы от которых он видел не раз.

Один старательно обстругивает бревно, другой стоит на корточках и ковыряется в земле.

– Что они делают? – одними губами произнес Расин.

– Готовят нам встречу, – отозвался Головешка.

Тот из восставших, что упражнялся с ножом, поднял голову и уставился в их сторону.

– Что такое? – поинтересовался второй, более плечистый и мощный, с гривой седых волос, и голос у него оказался очень низкий, глубокий, словно его обладатель сидел в огромной бочке или даже в колодце.

– Ты ничего не слышал? – спросил первый. – Вон там!

И он поднял руку, указывая немного в сторону от того места, где стояли человек и эльф.

– Нет, не слышал, – басистый встал с колен, потряхнул испачканные руки, отчего вновь раздался лязг. – Давай проверим, если ты опасаясь сюрприза от наших друзей.

Он выбросил ладонь перед лицом, и с той ударил расширяющийся луч, прошел джунгли, точно игла ветхую ткань. В его сиянии ветви и стволы поначалу вспыхнули золотом, потом стали прозрачными, и возникла своеобразная «просека» длиной не меньше километра.

Ее край пролегал в какой-то паре шагов от Расина.

– Ничего, – констатировал басистый Зэм, глядя, как по «просеке» трусит тот самый чешуйчатый хищник, которого они встретили не так давно; для зверя лес, похоже, не изменился. – Тут постоянно кто-то шумит. Слишком много жизни, но мы это исправим.

Он снова опустился на корточки, и в этот момент Головешка тронул хадаганца за плечо. Тот скосил глаза, и эльф показал сначала на себя, потом на того из восставших, что обстругивал деревяшку, и завершил эту пантомиму увесистым ударом кулака по собственному лбу.

Понятно, хочет взять этого живым... а что делать с басистым?

Так, теперь указывает на него и выразительно проводит ребром ладони по горлу... жест не оставляет сомнений.

– Понял, – выдохнул Расин.

Головешка кивнул, мягко хлопнул соратника по плечу и двинулся в сторону, растворившись на фоне леса. Понятно, ему действовать первым, ведь захватить врага живым куда сложнее, чем просто убить.

Эти Зэм выглядели опасными, даже когда занимались банальным вроде бы делом: так лев вызывает страх, когда

подобно коту сидит на заднице и лижет собственное брюхо. Головешка чувствовал исходящую от них угрозу, похожую на холодное дуновение.

Что самое противное, он не мог понять, чем они занимаются.

Хоть и брякнул Расину что-то насчет «подготовки к встрече», сам вовсе не был уверен в собственных словах. Уловил в копаемой яме и возникающей под ножом восставшего уродливой фигуре заготовки для могучего и сложного заклинания, но вот для какого, понять не смог.

Но ничего, скоро это не будет иметь значения.

Конечно, им очень повезло, что удалось вот так застать этих двоих врасплох... Сработал обманный маневр, сообщенные Эрэму ложные сведения... или они между собой не связаны?

Такая возможность Головешке не нравилась, но отвергнуть ее он пока не мог.

Он сделал еще шаг, так что между ним и тем из восставших, что орудовал ножом, не осталось деревьев. Еще пара метров, и Зэм почует заклинание невидимости, или просто заметят, что нечто подозрительное двигается на фоне зарослей.

Как жаль, что он не силен в телепортации, а то бы перенесся прямо вон туда, и ударил кулаком!

– Так, отверстие готово, – сказал мертвяк с могучим голосом, поднимаясь на ноги. – Ты...

Он осекся на полуслове, упершись взглядом в Головешку, и тот понял, что пора действовать. Прыгнул вперед, и розовое облачко сорвалось с его ладони подобно упитанной бабочке.

Но полетело куда быстрее любого насекомого.

Миг, и окутало голову того Зэм, что строгал деревяшку, но вместо того, чтобы вспыхнуть алым огнем, с шипением рассеялось: проклятье, этот тип, провалиться ему в астрал, заранее наложил на себя защиту от магии!

– Нападение! – гаркнул басистый, замахиваясь.

Головешка скакнул в сторону, но недостаточно быстро, его накрыло что-то вроде сети из веревок голубого света. Ощутил жжение на коже, судороги в мышцах – похоже, его поразили приемом из арсенала природной магии, что позволяет создавать яд прямо в теле врага.

Чтобы убрать это, придется напрячься.

Басистый торжествующе вскинул руки, но тут же качнулся назад, поскольку в горло ему воткнулся нож. Второй с глухим стуком вонзился в пах, а третий, пущенный с невероятной силой, пробил металлическую маску там, где на ней располагалась переносица.

Второй Зэм вскочил, отлетело прочь недоструганное бревно,

изображавшее некое существо с длинным носом, узкими глазами и сложенными в молитвенном жесте руками.

– Рэвд? – позвал он.

Басистый еще размахивал руками, даже выбулькивал через перерубленное горло какие-то слова, но уже падал. И мчалась к нему, огибая деревья, просачиваясь через кустарники, размытая тень, что была Расином.

В теле Головешки разом скрутило все мышцы, сердце остановилось, его будто сжала холодная лапа. Но он нашел силы шагнуть вперед, выдернул непослушной рукой меч, весивший словно хорошее бревно.

Зэм, строгавший деревяшку, начал поворачиваться, но не успел.

– Получи! – рывкнул Головешка, обрушивая руку с зажатым на ней эфесом на затылок восставшего.

Ощутил, как промялась необычайно мягкая кость, почувствовал смешанный с вонью разложения запах нагретого металла и аромат благовоний, и Зэм рухнул на живот, нелепо вывернув руки.

– Отлично! – голос Расина прозвучал словно издалека. – Эй, а с тобой что?

Головешка упал на колени, его трясло, из носа текла слезь, перемешанная с гноем, в горле клочкотало, в желудке жгло. Выронил меч из немеющих пальцев, и сообразил, что не видит земли перед собой, что все перед глазами залито колышущимся серым туманом.

Созданный силой чужого колдовства яд расползался по телу.

– Сейчас... – сумел выдавить он, надеясь на то, что его слова можно разобрать. – Добей одного... свяжи другого...

Хадаганец не первый раз в такой передрыге, должен разобратся.

Серый туман сменился тьмой, острая боль пронзила череп, словно в него вколотили с десятков гвоздей одновременно, и тут начало действовать его собственное заклинание. Головешка создал его, бросаясь в атаку, и сделал это наспех, без точной доводки, но зато вложил немало сил.

Он почти услышал, как по жилам струится родниковая вода...

Чистый, свободный от примесей огонь зажегся в сердце, свет вспыхнул под сводами черепа...

Вспотевшее лицо обдало свежим ветром, его песня зазвучала в ушах...

Кости наполнились сырой, холодной мощью земли, стойкостью древнего камня.

Всякая стихия в основе своей чиста, и тело, что является

смесью четырех стихий, может одолеть любой, сколь угодно мерзкий яд, надо только немного ему помочь, добавить сил.

Сердцебиение, только что болезненное и лихорадочное, понемногу становилось ровным. Головная боль уходила, исчезали судороги и тошнота, мало-помалу развеивалась тьма перед глазами.

Вскоре он уже видел, что происходит вокруг.

Расин отрубил убитому им Зэм руки и ноги, отсек голову, да и тело покрошил как шинкованную капусту. Занявшись вторым, находившимся без памяти, прикрутил ему кисти одна к другой за спиной, и сейчас опутывал веревкой ноги.

– Что, тоже собрался заделаться восставшим? – спросил он, на миг отрываясь от своего занятия.

– В смысле? – не понял Головешка.

– Решил сначала умереть, а потом воскреснуть. Вид у тебя... милость Незеба.

– А, ну да... – эльф осторожно, словно боясь свернуть набок нос, вытер лицо. – Попытка не удалась, ха-ха.

Смех вышел так себе, не особенно веселый.

Головешка сумел подобрать меч и запихнуть его в ножны, и только потом отважился на попытку встать. Без особой радости увидел, что украсил землю перед собой пятном блевотины, и пообещал себе, что пленник, хоть и не он в этом виноват, ответит за такой позор.

Оскорбить взоры окружающих столь неприятным зрелищем – бесчестье для эльфа!

Даже для такого неправильного, как тот, кто некогда звался Балдуином ди Дусер.

– Готово, – сказал Расин, отпуская ноги пленника. – Второй не оживет?

– Сейчас мы его лишим этой возможности, – силы возвращались в тело, и Головешка мог даже колдовать, не опасаясь того, что вновь окажется на земле в обнимку с лужей собственной блевотины.

Иметь дело с огнем он любил всегда, еще с тех времен, когда был учеником.

Пламя вспыхнуло жаркое, оранжево-алое, закутало останки Зэм полупрозрачной пеленой. Вверх потянулся столб черного, смрадного дыма, а отрубленные руки и ноги, как показалось, задержались, норовя отползти в стороны, спастись от гибели, на этот раз окончательной.

Вскоре на траве осталось лишь несколько лужиц расплавленного металла.

– Еще кое-чего могу, – сказал Головешка. – Теперь займемся

вторым.

Он повернулся к оставшемуся в живых Зэм, и тут заметил то, чего не увидел раньше – ладони восставшего скрывали перчатки, и Расин, связывая их, подвинул одну так, что стала видна белая, как мел, кожа.

Не может быть... хотя почему не может?

Выходит, это тот самый тип, что приходил к его дому в Сиверии холодным похмельным утром?

– Старый знакомый, – пробормотал Головешка, и по телу его пробежала дрожь ненависти и отвращения.

Как он был настолько глуп, что позволил ходячим мертвякам втянуть себя в их безумные игры? Купился на обещание исцелить его от шрамов и ожогов, от следов прежней доблести?

– Привести его в себя? – спросил Расин.

– погоди, не торопись... – Головешка остановил его решительным взмахом руки. – Если все обстоит так, как я думаю, то сначала нужно принять кое-какие меры предосторожности, иначе нам мало не покажется, когда он в себя придет.

Настолько сильному магу хватит мгновения, чтобы разобраться в обстановке и изменить ситуацию, и им очень повезло, что удалось застать Зэм врасплох, одного убить, другого лишить сознания.

Но на такой случай есть очень полезное заклинание.

Головешка сосредоточился, несколько раз глубоко вздохнул, выкидывая из головы лишние мысли. Скрестил руки перед грудью, а когда развел их, то меж ладоней запульсировал радужный шар, похожий на мыльный пузырь с зажженной свечкой внутри.

Теперь нужно аккуратно надеть его на башку пленника, и тот станет обладателем легкого слабоумия. На вопросы ответить сможет, а вот собраться в достаточной степени, чтобы самому наколдовать что-нибудь – нет.

– Приводи, – велел эльф.

Расин мгновение поколебался, а затем похлопал восставшего сначала по одной металлической щеке, затем по другой. Тот дернулся, заскреб по земле связанными ногами, стал ощутим проникающий через маску взгляд, растерянный, блуждающий.

– Как тебя зовут? – спросил Головешка.

– Абум, – отозвался Зэм. – А вы... кто вы такие? Что... творится?

Видно было, что он прилагает невероятные усилия, пытаясь осознать происходящее. Но заклинание действовало исправно, и сил преодолеть его действие у пленника не находилось.

Теперь сомнений у Головешки не осталось, он узнал фигуру,

высокую и худую, и даже голос. Понятно, что тогда, в Сиверии, Абум немного изменил его, но все равно главное скрыть не сумел.

– Мы твои друзья, – промурлыкал эльф. – Очень хотим знать, что ты тут делаешь. Кому служишь, чего добиваешься?

– Я не могу говорить о таких вещах, – ответил Зэм. – Мне... нельзя.

Вот это ничего себе, насколько глубоким и мощным должен быть запрет, чтобы проявиться даже сейчас!

– Если ты не скажешь, мы сделаем тебе больно, – с сожалением в голосе произнес Головешка.

Он махнул Расину, и в руке у того объявился нож с зазубренным лезвием.

Понятно, что восставшие не столь чувствительны к пыткам, как люди или эльфы, но все же что-то они ощущают, и даже у этих наполовину механических существ можно найти слабые места.

– Для начала, – продолжил Головешка, – мы отковыряем тебе правую кисть... Понимаешь?

Хадаганец закатал рукав Абума, открыв место, где ярко-белая плоть соседствовала с обычной, морщинистой и смуглой.

– Нет, я не хочу... – жалобно произнес Зэм.

– Тогда расскажи нам. Кому ты служишь? Кто отдает тебе приказы?

– Я не могу... Нельзя.

– Режь, – велел Головешка.

Лезвие ножа прикоснулось к коже восставшего, тот дернулся всем телом, и поспешно заговорил:

– Мы лишь слуги Великого Тэпа, чья мощь питает Вселенную и славных детей его! Исполняя волю Отца Нашего, мы должны освободить его из заточения, и тогда возродится государство народа нашего в силе и славе!

– Тэп? – глаза Рисана удивленно расширились. – Он же сгинул тысячи лет назад?

– Не совсем так... – пробормотал Головешка, ощущая, как холодок бежит по позвоночнику.

Он слышал о Зэме, что поклоняются величайшему магу, мыслителю и губителю собственного народа, считая его воплощением древнего бога смерти. Знал, что в Империи их преследуют, что обычные восставшие не особенно любят сородичей, причастных к культу Тэпа.

Вот повезло так повезло...

– В чем состоит ваша служба Тэпу здесь, в Асээ-Тэпх? – спросил Головешка, стараясь как можно тщательнее сформулировать вопрос. – Что вы должны тут сделать?

– Давно знали мы, что Отец Наш тысячи лет как заточен в каменном вместилище! – провозгласил Абум. – Аллод, где оно сокрыто, неверные именуют Святой Землей, и стал он доступен для всех чуть больше полувека назад!

Ну точно, путь сюда нашли в девятьсот одиннадцатом, после Ночи Демонов...

– Само же узилище, из плоти гор возведенное, искали мы упорно, но находилось оно под завесой древнего заклинания, и рухнуло то лишь шесть лет назад, когда содрогнулся астрал всего Сарнаута! – продолжал вещать Зэм, дергаясь и выпучивая глаза.

Да, было такое, когда Скракан и Незеб закрыли-таки Врата Джунов.

– Теперь же откроем мы двери, и выйдет Отец Наш на свободу! – и далее Абум понес какую-то околесицу насчет того, что Тэп, едва выбравшись из заключения, немедленно займется восстановлением государства народа Зэм на Святой Земле, что все чужаки будут отсюда изгнаны.

Хотя не такую уж околесицу...

Если прикинуть, то Лига и Империя сейчас ослаблены войнами и не смогут вмешаться. Сил у тех и у других хватит на отправку нескольких кораблей с десантом, да на защиту собственных форпостов, и все.

– Он говорит о той пирамиде? – спросил Расин. – Там находится Тэп?

– По крайней мере, они так думают, – сказал Головешка. – Но кто знает, так ли это? Понятно теперь, о чем говорила Ульфа и о чем меня пытался предупредить Гораций...

Все они, и пылкий храмовник, и провидцы-гибберлинги, и парочка орков, и даже он сам, премудрый эльф, действительно оказались лишь пешками в чужой масштабной игре. В той игре, ведет которую в самом деле Смерть, та ее ипостась, что воплощена в существе по имени Тэп.

При мысли о том, что оно и вправду может находиться в пирамиде, Головешке становилось дурно.

– Хорошо, – сказал он, пытаясь собраться с мыслями, коих оказалось слишком много. – Скажи, именно для освобождения этого вашего отца сюда прибыли и мы, и они? – кивок в сторону хадаганца.

– Конечно, – Абум кивнул и захихикал. – Без вас нельзя.

Отлично, значит нет никаких двух противоборствующих сторон, всем водит одна и та же рука... Но зачем нужно сталкивать две группы наемников между собой, для чего потребовались маги со стороны, если сами Зэмтэпоклонники в чародействе слопали не одного златолесского волка?

– Это вы открыли портал для демона? – спросил Расин.

– Мы, кто же еще? – в голосе Абума прозвучала гордость. – Как, он вам понравился? Выбрали самого могучего...

В этот момент Головешке до дрожи в руках захотелось ударить восставшего.

За Велигора, за Ульффу со Свенном, за остальных...

Глава 15

Расин увидел, как темнеет от прилившей крови лицо эльфа, и на миг ему стало страшно – не сдержится Головешка, убьет и этого Зэм, и кто тогда ответит на оставшиеся вопросы? А их столько, что хватит исписать не один лист – заодно ли с ними Эрэм, зачем они вызвали из астрала демонов, но при этом не попытались убить тех, кто шел по их следу?

И это лишь то, что пришло на ум сразу.

– Вот сволочи... вы... – сказал Головешка, разжимая стиснутые кулаки, и начал понемногу бледнеть.

Слава Незебу, пронесло.

– Почему? – искренне удивился Абум. – Мы хотим лишь счастья и процветания. Собственному народу.

«Значимая оговорка», – подумал Расин, и тут понял, что рядом кто-то есть.

Оглянулся, и увидел, что из кустов неспешно выбирается никто иной, как Эрэм. Непонятно как, но он сумел подобраться незаметно... пусть они оба увлеклись допросом и по сторонам почти не смотрели, это не оправдание.

– А, вы все же их поймали? – спросил он, с хрустом потирая металлические ладони. – И таинственные враги оказались моими сородичами? Ай-ай-ай, какой стыд!

– Воистину так, – согласился Абум и затанул нечто унылое, религиозное: – Восславим же Отца Нашего, повелителя смерти и той грязи на светлом лице ее, что жизнью именуется! Вознесем же хвалу ему, что наших врагов он лишает разума, путает замыслы их и смущает их души!

– А ты зачем явился? – спросил Головешка.

– Так, есть одно дело, – сказал Эрэм.

Расин почувствовал недоброе в тот момент, когда восставший сделал еще один шаг. Отскочил вбок, дернул из ножен метательный нож, но ноги подогнулись, а руки отказались повиноваться.

Неловко завалился на живот, перекатился.

Увидел, что лицо Головешки искажено, что вокруг него пляшут языки зеленого и фиолетового пламени.

– Предатель! – воскликнул эльф.

– Ни в коем случае, – почти ласково проговорил Эрэм, и сделал что-то, что именно, Расин не понял.

Но Головешку отшвырнуло на добрый десяток метров, он врезался спиной в ствол дерева. Захрустело, и шипевший от боли эльф рухнул на четвереньки, огонь, защищавший его, погас.

Расин напряг мышцы до предела, и сумел-таки извлечь клинок из ножен.

Он даже замахнулся, но движение получилось вялым, словно член пораженного бессилием мужика. Выскользнувший из руки нож не долетел до Эрэма, а упал в траву, причем восставший даже не глянул в сторону хадаганца.

– Я никого не предавал, уж поверь мне, – проговорил он, неспешно поднимая руки. – Я всегда был заодно с моими истинными братьями по духу... ну а вы... лишь попутчики.

Новый взмах, и на Головешку словно обрушилась невидимая тяжесть, вмяла его в землю. Эльф задергался, забормотал что-то сквозь перехваченное судорогой горло, но осекся на полуслове.

– Ты в моей власти, надменный ублюдок, – продолжил Эрэм, явно наслаждавшийся происходящим. – Ох, как давно я мечтал об этом, с того самого момента, как впервые увидел твою чванливую морду, презрительные взгляды, услышал высокомерный, цедящий слова голос. Ты, несомненно, умрешь, но не прямо сейчас, а позже, когда в этом возникнет нужда.

Расин потянулся за вторым ножом, тем самым, что с ядом, ухватился за ребристую рукоять: клинок весил точно упитанная свинья, да еще и почему-то выскальзывал из пальцев.

– Давай... давай... – прошипел хадаганец.

Единственный шанс – метнуть его в Эрэма, что стоит спиной.

– А сейчас я хочу сделать так, чтобы ты не смог помешать, – сказал восставший.

– А ну-ка немедленно врежь ему! – подал голос Абум, начавший приходить в себя.

Заклинание подбросило Головешку в воздух и заставило перевернуться лицом вверх. Эльф раскинул руки, точно пытаясь уцепиться за воздух, и тяжело рухнул на спину, безмолвный, с закрытыми глазами и безвольно распахнутым ртом.

Но он дышал, это Расин слышал.

Нож поддался, и хадаганец сумел отвести руку для броска, но в этот самый момент Эрэм обернулся.

– Как интересно, – сказал он, и взял брошенный клинок прямо из воздуха, будто снял его с полки. – Ты, ничтожная тварь, осмеливаешься противиться мне? Это ты зря!

От первого заклинания Расин смог увернуться, перекатившись в сторону, и на земле там, где лежал, появилась вмятина. Но потом силы у него кончились, и он ощутил, как нечто входит в солнечное сплетение, крушит ребра, и перед глазами закрутилось цветастое огненное колесо.

Пришла боль, такая, какой не ощущал ни разу в жизни, и с ней – темнота.

Вынырнул на свет вроде бы сразу же, и понял, что сидит, упираясь подбородком в подтянутые к груди колени.

– Проклятье... – прошептал Расин, поднимая голову, что гудела как с похмелья.

Внутри черепа екнуло, там словно перекатился тяжелый и очень колючий еж. Переждал вспышку боли, и открыл глаза, чтобы обнаружить перед собой полосу черной, будто опаленной земли, за которой поднимались деревья.

Он был связан – руки за спиной, ноги вроде бы свободны, и сидел, прислонившись спиной к стенке пирамиды. С одной стороны находился пребывавший без сознания Головешка – капюшон откинут, видно бледное лицо. С другой беспокойно вертел головой Тронд – мех покрывают темные пятна, дыхание тяжелое, в глазах дурман.

– И тебя повязали, – сказал Расин, сплевывая вязкую слюну.

Гибберлинг оскалился, точно дикий зверь, после чего кивнул.

Послышались шаги, и из-за безликого изваяния с мечом в руках появился Эрэм. Увидев, что хадаганец пришел в себя, он издал короткий смешок и проговорил, не скрывая удовольствия:

– Что, очнулся? Очень вовремя.

– Почему вы не убили нас сразу? – поинтересовался Расин.

– Еще не догадался? – голос Головешки звучал слабо, но глядел эльф на восставшего с неукротимой злобой. – Им нужны наши смерти, но в четко рассчитанное время, и в определенном количестве. Вспомни, что было, когда мы только встретились? Погибают Велигор и Мосол, и заклинание, что не давало вам проникнуть в пирамиду, исчезает само собой! Затем является демон, забирает с собой троих, и уже та пакость, что закрывала вход, тоже проваливается неведомо куда. Не без помощи вот этого вот друга...

Последнее слово он произнес с нескрываемым презрением.

Тронд зарычал и забился в путах, даже подскочил на месте, норовя добраться до Эрэма.

– Bravo, – сказал тот, не отрывая взгляда от Головешки. – Ты сообразил верно.

– А сейчас вы убьете еще одного или даже двоих, чтобы снять очередное заклинание, – продолжил эльф. – Эх, ты, а еще притворялся, что ты с нами, а мы верили...

– Ни то, и ни другое, и ни третье не является правдой, – восставший покачал головой. – Я никогда не говорил, что такой же, как остальные, вы сами в это поверили. Обвиняйте собственную доверчивость и глупость. То же заклинание, что мешает пройти... – он усмехнулся. – Мы надеемся убрать его без жертвенной крови, но впереди вне всякого сомнения встретятся

новые. И тогда вы нам понадобится, непременно.

– Почему именно мы? – поинтересовался Расин.

К этому моменту он проверил собственные путы и обнаружил, что узлы затянуты плотно, веревки прочны, и связали его так, что быстро выпутаться не получится. Восставшие наверняка обыскали пленников – предпоследний нож, тот, что хадаганец носил за голенищем сапога, исчез.

Но вот клинок, спрятанный в особом кармане подштанников, они не нашли.

А это значит, что еще остается шанс, пусть крохотный, не больше ногтя на мизинце гибберлинга.

– Останетесь здесь! – неожиданно воскликнул Тронд. – Вы оба! Она заберет вас!

– Можешь пророчествовать сколько угодно, – Эрэм презрительно махнул рукой. – Умение заглядывать в будущее не помогло твоим брату и сестре, не спасет оно и тебя. Насчет того, почему именно вы... да, не так просто было отыскать таких, как вы, как те два орка и сумасшедший храмовник... Можете гордиться – вы все существа особенные.

С негромким шорохом из пирамиды вышел еще один восставший, тот, что откликался на имя Абум.

– Мы можем приступить, брат, все готово, – сказал он, не глядя на пленников.

– погоди, не спеши... – Эрэму откровенно нравилось выступать в роли наставника, объясняющего ученикам сложные вещи. – Каждый из вас обладает уникальной силой жизненной искры, намного превосходящей среднюю... Если бы для снятия заклинания годился каждый, то нам пришлось бы куда проще – заманили сюда с дюжину-другую тупых паломников, идиотов, верящих в благого Тенсеса и не способных даже ногти себе постричь. Но нет... пришлось несколько лет искать тех, кто подходит на роль жертвы, выдумывать для каждого приманку, а иногда еще и кнут, чтобы он как миленький побежал туда, куда надо...

Он усмехнулся, хлопнул металлическими ладонями друг о друга.

– Потом терпеть ваши претензии, мириться с тем, что вы все до одного смертельно опасны даже для нас... да, и кое-кого мы на этом пути потеряли, но великая цель того стоит. Отец Наш проснется, и будет с нами, и тогда мир вне всякого сомнения изменится.

– Почему вы так верите Тэпу, ведь он истребил ваш народ? – Головешка откровенно тянул время, задавая вопросы, но вот на что он рассчитывает, Расин не очень понимал.

Надеется, что рядом с пирамидой объявится кто-то еще, в игру вмешается новая сила? Готовит заклинание, делая это незаметно для восставших, которые тоже маги хоть куда, но не всемогущи и не всеведущи?

И то и другое маловероятно...

– Что ты, эльф, можешь понимать в таких вещах? – высокомерно осведомился Абум. – Да, он познакомил нас со смертью, но лишь для того, чтобы мы, пройдя через нее, вернулись к жизни вечной. Ты же скоро умрешь окончательно, без шансов воскреснуть. Готов ли ты?

Судя по звеневшей в голосе ненависти, этот восставший не забыл, как его взяли в плен и допрашивали.

– Да, хватит разговоров, – Эрэм глянул на солнце, что понемногу опускалось к деревьям. – Пора за дело. Сколь приятно встретить в этом пустынном месте столь одаренных достоинствами человека, эльфа и гибберлинга. Вставайте, нам пора начинать.

Услышав фразу про «достоинства», Расин нахмурился.

Кто-то в его присутствии выразался в точности таким же образом, причем совсем недавно...

И словно молния, ударило яркое воспоминание – полуденный зной плывет над Суслангером, на песке лежит гигантский паук, и по пустыне неспешно шагает высокая, худая фигура с угловатым, каким-то неправильным лицом.

– Это ты? – спросил хадаганец. – Ты приходил ко мне и обещал невозможное?

– Почему невозможное? – Эрэм протянул в сторону руку, щелкнул пальцами, и на ладонь к нему села черная птица с алыми пятнышками на крыльях, та самая, что была змеей. – Я не врал, когда говорил, что мы можем трансформировать плоть, живую или мертвую, причем истинным, неиллюзорным образом. Я сумел бы изменить твою внешность так, что подмену заметил бы не всякий маг, разве что сильный провидец.

Еще один щелчок, и на черную землю с шипением упала пустынная гадюка, желтая, с серыми пятнами.

– А что насчет меня, и мне вы сказали правду? – голос эльфа дрожал, на щеках цвели алые пятна.

– Конечно, – ответил Абум. – Я пообещал тебе то, что вполне в наших силах. Трансформация плоти, пусть даже такой, как у тебя, омертвленной хаотической силой астрала... Если бы это было нам необходимо, я бы убрал все твое уродство еще до заката. Вот крылья... с ними бы пришлось повозиться, и не факт, что ты смог бы на них летать... Хотя стал бы таким же, как твои сородичи, а большего тебе и не надо.

Головешка закрыл глаза.

– А теперь идем, – теперь Эрэм говорил с нетерпением. – Хватит болтовни.

– Вам придется меня нести, – сказал Расин. – Или убивать прямо здесь.

Судя по тому, что их пытаются загнать в пирамиду, Зэм не могли убить пленников прямо тут.

– И меня, – добавил Головешка, а Тронд кивнул.

– И не надейтесь, – буркнул Абум.

Холодный палец легко, почти нежно дотронулся до коленки Расина, и тот ощутил дрожь в мускулах. Дернулась сначала правая нога, затем левая, спина напряглась так, что в позвоночнике щелкнуло.

Восставший потянул руку вверх, точно управляя марионеткой, и хадаганец сам не понял, как вскочил.

– Как?.. – только и выдавил он.

– Очень просто, – Эрэм прикоснулся к плечу Тронда и резким движением заставил того встать. – Чужое тело – всего лишь инструмент, и сыграть на нем не так уж и трудно.

Головешка смог противостоять заклинанию, но и его хватило лишь на несколько мгновений. Вскоре и он оказался на ногах, и резкими, дергаными движениями зашагал к входу в пирамиду.

– Как... вы... определили... какой... коридор... вам... нужен? – произнес он, с трудом двигая челюстями и языком: мускулы лица подчинялись хозяину, но тоже не полностью.

– А это на самом деле неважно, – ответил Эрэм со смешком. – Надо убрать оба заклинания. Первый тоннель все одно заведет тебя в ловушку, второй откроет путь к цели.

Внутри пирамиды царил сухая прохлада, очень приятная после сырой жары джунглей Асээ-Тэпх. Расин топал следом за эльфом, почти ничего не различая перед собой и надеясь лишь на одно – что восставшие не дадут своей марионетке упасть.

Развилку он скорее почувствовал, чем увидел, а затем понял, что впереди что-то есть.

– Опасно, – сказал Тронд, и в этот момент они остановились.

Лежащее впереди заклинание Головешка чувствовал, хотя пока не ощущал пахнущего травой ветра, не слышал убаюкивающего журчания воды, сладкого пения птиц. Оно таилось во тьме подобно терпеливой хищной твари, что способна целый день караулить жертву, неподвижно сидя на одном месте.

– Ну что же, приступим, – Эрэм хлопнул друг о друга металлическими ладонями, на лязг откликнулось эхо.

А еще Головешка чувствовал, что за ним следят, и не в одну,

а в две пары глаз.

Вздумай он дернуться, лишь задуматься о каком-нибудь магическом действии, как его тут же оглушат или возьмут под контроль его тело, и так оцепеневшее, непослушное после чужих чар.

И как он мог так расслабиться, пропустить удар предателя?

Позволил Абуму, провалиться ему в астрал, отвлечь себя бредовым песнопением!

Эрэм сделал что-то, заклинание ответило, запело, как струна на ветру, и тьму рассеяло исходившее от него свечение. Головешка увидел мрачное лицо Расина, насуспенную мордочку гибберлинга, из мрака выплыли испещренные значками стены.

Восставшие колдовали вдвоем, слаженно и умело, и он надеялся на момент, когда они отвлекутся... Понятно, что Зэм ожидают от эльфа, что он обратится к так хорошо знакомой его народу стихийной магии.

Но не зря тот, кто отрекся от собственного имени, три года провел отшельником в Сиверии, развлекаясь не только пьянством и драками, а еще и чародейскими экспериментами и чтением трактатов, написанных не самыми глупыми волшебниками Сарнаута.

Ясно, что святой или астральной магией он не овладел, но арсенал пополнил.

– Готово, – сказал Эрэм, и заклинание исчезло, точно пламя задутой свечи.

Не осталось даже следа, зато впереди появилось нечто иное, представшее внутреннему зрению Головешки как темный коридор, уходящий вниз спиралью, и все сужающийся, сужающийся...

Не зря восставший сказал, что в том проходе, который они выберут первым, их ждет ловушка.

– Не хочешь прогуляться туда, эльф? – издевательски поинтересовался Абум.

– Только в вашей компании, – отозвался Головешка, и наморщил нос: ходячим мертвякам тьма не помеха, они в ней видят еще лучше, чем днем. – Хотя нет, извините. Слишком уж от вас воняет гнилью, и я бы на твоём месте проверил левую ногу, сдается мне, что в ней завелись черви.

Разозленный враг – глупый враг, а вывести из себя можно даже Зэм.

– Не старайся уязвить нас словами, – проговорил Эрэм, но эльф услышал, что второй восставший задышал чаще, услышал шелест, когда сжались в кулаки руки из белого, точно алебастр металла.

Семечко упало на благодатную почву, теперь нужно вырастить цветок гнева.

– Даже и не думал, – самым невинным тоном сказал Головешка.

– Дальше пойдете сами или снова вас тащить? – осведомился Эрэм, не обратив на реплику эльфа внимания.

На этот раз по собственной воле зашевелил конечностями даже Тронд – какой смысл в сопротивлении, если оно для врага не более, чем укус комара со сломанным носиком? Они вернулись к развилке и свернули на этот раз в правый коридор, ничем не отличавшийся от левого.

Но тут восставшие провозились отчего-то гораздо дольше.

В один момент Головешке даже показалось, что его оставили без внимания, и он пошевелил пальцами, норовя проверить веревки, столь нестойкие к действию пламени... Незримая рука тут же взяла эльфа за горло, и сжала, не больно, но достаточно ощутимо, чтобы закрыть путь воздуху.

Ладно, придется подождать еще.

На этот раз заклинание рассеялось с громким звуком, напоминавшим отрывку великана, воздух в коридоре заколыхался, и даже вроде бы дрогнул надежный каменный пол под ногами.

– Дорога открыта! – высокопарно объявил Эрэм. – Отец Наш, мы идем к тебе!

Никакой темной спирали впереди на этот раз не оказалось, проход закончился через десяток метров обычным тупиком. В нем обнаружилась дыра в полу, и уходящая вниз крутая лестница с высокими ступенями – Головешка разглядел ее с большим трудом, а уж Расин и Тронд и вовсе наверняка ничего не увидели.

– Нужен свет, – заметил Абум. – Иначе тут очень легко свалиться. Даже нам.

Там где стоял Эрэм, в темноте раздался удар металла о камень, полетели искры, и загорелся, роняя капли смолы, факел.

– Вы вперед, – приказал восставший, поворачиваясь к пленникам.

Первым на уходящую во тьму лестницу вступил хадаганец, за ним последовал гибберлинг, и Головешка оказался последним, за ним топали Зэм, прямо над головой пылал факел.

Может быть, удастся использовать его силу?

Но нет, за ним следят, и не дадут даже шевельнуться.

– Там дверь, – сказал Расин.

– Открывай, – велел Эрэм. – Никаких чар на ней нет, так что не бойся.

Дверь и в самом деле выглядела обыденно – деревянная, с

кривой обшарпанной ручкой, висевшая на ржавых петлях. Таковую меньше всего ждешь встретить в недрах таинственной пирамиды, куда удалось проникнуть лишь большим трудом и еще большей кровью.

Скрипнуло, открылся идущий справа налево проход, широкий, с высоким потолком и гладкими стенами цвета лесного ореха. Не успели и глазом моргнуть, как по нему пробежала волна светло-синего пламени, на мгновение осветила лестницу, каждую выбоинку в ступенях, и умчалась прочь.

– Это нам пока не понадобится, – и Эрэм затушил факел, потыкав им в стену.

Головешка хотел спросить почему, но не успел – новая волна холодного огня пронеслась по коридору, и стало ясно, что это не случайное явление, а нечто вроде освещения.

Кто бы ни строил это подземелье, он позаботился о гостях.

– Давай, шагай, – подбодрил пленников Абум, и они двинулись дальше.

В этом тоннеле легко разъехались бы двое всадников, а тянулся он, насколько было видно, как минимум на сотню метров в каждую сторону. В стенах зияли темные проемы, одни квадратные, другие круглые, третьи и вовсе треугольные, форму нормальной двери имел лишь тот, через который они сюда вошли.

– Куда дальше? – спросил Головешка. – Вашдохлый папочка не оставил карты?

– Не святотатствуй, или я заткну твою поганую пасть! – воскликнул Абум.

Ничего, дружок, яблочко скоро созреет, и посмотрим, кто укусит его за розовый бочок.

– Я тебя второй раз предупреждаю, эльф, – голос Эрэма наполнила холодная угроза. – Лишить тебя дара речи – дело мгновения.

– Уже молчу, уже молчу, – Головешка изобразил раскаяние.

После некоторых колебаний восставшие двинулись направо, в ту сторону, откуда бежали волны огня. Прошли мимо первого отверстия, из круглой дыры пахло смрадом и холодом, в ее глубине что-то завозилось, во тьме открылись светящиеся глазищи размером с кулак.

Тварь моргнула пару раз, но потом решила, что лучше будет не вылезать.

– Ну тут и тараканы. С кошку, – сказал Расин. – Давно хозяин не прибирался.

Он понял игру соратника, и решил по мере сил поддержать ее.

– Заткнись! – прошипел Абум.

Еще один проем в стене, на этот раз квадратный, и расположенный высоко, под потолок. Из него повеяло свежим запахом хлеба, но за этим ароматом Головешка различил угрозу.

– Быстрее вперед! Это яд! – рывкнул Эрэм, и никто на этот раз не прокомментировал его слова.

Новая дыра, овальная, и через несколько шагов после нее под ногой шагавшего первым Расина хрустнуло. Спасла хадаганца звериная реакция – он прыгнул назад, сшибая с ног гибберлинга, а на то место, где только что стоял, бесшумно рухнул кусок потолка длиной метра в три.

Головешка едва успел отскочить.

Громадный каменный блок все так же беззвучно поднялся, не оставив даже шва.

– Никакой магии, чистая механика, – задумчиво проговорил Эрэм. – Интересно. Жалко, что у нас нет времени изучить эту ловушку, придется обходить... а ну-ка, в стороны!

В руке его вновь запылал факел, и восставший шагнул к тому отверстию, мимо которого они только что прошли. Свет упал на тесный коридор овальной формы, где стены и пол покрывало множество закрученных в спирали канавок, блики побежали по торчащим тут и там прозрачным кристаллам.

Головешке показалось, что на него уставились сотни полных ненависти взглядов.

– Глаза закрыть, – велел Эрэм. – Тот, кто этого не сделает, лишится рассудка.

Под сводами черепа зашептали, забормотали, перебивая друг друга, скрипучие голоса – ты умрешь, и гибель твоя будет долгой, мы обглодаем тебя еще живым, высосем твои глаза, отгрызем уды, будем лизать те места, где сдерем кожу, а языки у нас шершавые...

Эльф поспешно опустил веки, и голоса стали намного тише, превратились в неразборчивый шепот.

– Идем вперед, медленно, по моей команде, – продолжал распоряжаться Эрэм. – Первый шаг, второй...

Головешка скользил на неровном полу, до дрожи хотелось раскинуть руки, чтобы упереться в стены, но верхние конечности были связаны. Позади надрывно сопел и кашлял Тронд, прихрамывал заработавший ушиб во время падения Расин, тяжело топал сапожищами Абум.

– Ступенька вверх, – предупредил Эрэм. – И за ней можно открыть глаза.

Новый коридор, как две капли похожий на тот, по которому они шли недавно, разве что по нему бегут волны уже алого

пламени. Хотя нет, не похожий – тут ощущалось чье-то присутствие, незримое, но могущественное, давил на плечи тяжелый раскаленный взгляд.

Неужели они и в самом деле приближаются к узилищу Тэпа?

– Ну нет, карта бы пригодилась, – сказал Головешка, отгоняя желание оглянуться.

– Не зубоскаль, эльф, – Эрэм остался невозмутимым. – И помни, что у нас мало времени – да, мы сумели убрать заклинания, преграждающие не только вход, но и выход, но сняли мы их только временно... Вскоре они начнут восстанавливаться, самым первым то, что сгинуло последним, за ним расположенное у входа, и в конце – кокон вокруг пирамиды. И тогда мы не сможем выбраться, даже если освободим самого могущественного Зэм всех времен, – тут в голосе его прозвучало благоговение.

– А нам-то что? – буркнул Расин. – Нам все равно умирать, ведь так?

– Но если мы не успеем по вашей вине, то я позабочусь, чтобы ваша смерть стала невообразимо долгой и мучительной, – Эрэм поводил факелом туда-сюда и затушил его. – Сюда!

И вновь пленники оказались в авангарде, а восставшие позади.

Из очередной дыры в стене высунулась тварь, и вправду напоминавшая таракана, но размером даже не с кошку, а с хорошего пса. Грозно зашевелила усами, но вздрогнула, заскрежетала и осыпалась горстью черного пепла – Эрэм покончил с ней одним взмахом.

Коридор раздвоился, потом еще, они свернули, избегая очередной ловушки, на этот раз спрятанной в полу, и Головешка чуть ли не впервые в жизни запутался, потерял направление.

Нечто в этом подземелье давило ему на разум, путало мысли, горячим смрадом проникало в ноздри. Он то и дело впадал в забытие, ловил себя на том, что бездумно шагает вперед, не помня о том, кто он такой, почему здесь оказался, и что нужно что-то сделать, чтобы избежать смерти!

Расин, судя по его виду, ничего не ощущал, а вот Тронд дышал все тяжелее и тяжелее.

Когда они вышли на перекресток, где пересекались два совершенно одинаковых коридора, гибберлинг повернулся и рванулся прочь по одному из боковых ответвлений. Восставшие не сдвинулись с места, Абум лениво махнул рукой, и Тронду словно подсекли колени.

Он упал, ударился плечом и головой о стену.

– Не стоит этого делать, – проговорил Эрэм, в несколько шагов догоняя беглеца и рывком поднимая его на ноги. – Иначе

ты рискуешь угодить в серьезные... неприятности.

Дюжиной шагов дальше по коридору закружилась, уплотняясь, белесая дымка. Встал от пола до потолка туманный вихрь, обозначились торчащие из него щупальца и расположенный вертикально слюнявый рот.

– Что это? – спросил Расин.

– О, лучше тебе не знать, – отозвался Абум.

Гибберлинга вернули на место, и они зашагали дальше – через зал, уставленный сотнями колонн, причем каждая из них отличалась от соседних формой, толщиной и материалом; по утопленной во тьму винтовой лестнице, такой узкой, что приходилось двигаться боком; через паутину сплетающихся тоннелей, выглядящих так, словно их прогрызли или проплавили.

Здесь Головешка ощутил, что над ним нависает невероятная масса камня, готовая в любое мгновение рухнуть. Захотелось вырваться на вольный воздух, увидеть свет, но он сдержался, не дал себе поддаться порыву.

Время для попытки освобождения еще не пришло.

– О, близко уже, я чувствую, видит Отец Наш, страдания которого длились веками, – зашептал Абум, когда впереди открылся еще один зал, на этот раз безо всяких колонн.

Факелы позволяли видеть только пол, выложенный черными плитками, справа и слева во мраке угадывались стены. Как ни странно, тут Головешка куда слабее ощущал чужое враждебное присутствие, и соображал вполне ясно, а в мускулы вернулись обычные резкость и сила.

Но Зэм на то и Зэм, чтобы чувствовать сородича.

– Тихо, не спеши, – осадил соратника Эрэм.

Через полсотни шагов из темноты впереди появились ворота, отлитые из вороненого железа: две колоссальные створки, украшенные изображениями дерущихся животных и работающих людей, цветками и порхающими птицами, звездами и кораблями, крепостными башнями и деревьями.

И закутанные в серую паутину заклинания, при виде которого Головешка поморщился.

– Ну и пакость, – пробормотал он.

– Не могу с тобой не согласиться, эльф, – сказал Эрэм, немного поднимая факел.

Эти чары выглядели невероятно мощными, но примитивными – они убили бы любого, кто тронул бы створки или засов толщиной в ствол престарелой сиверийской ели. Тем не менее, накладывал их тот же маг, что создал и вихрь, и все остальное, а значит, снять их будет не так просто.

И скорее всего, понадобится жертва, а то и не одна.

Глава 16

Расин брел, спотыкаясь и понунив голову, показывая, что он сломлен, не думает о сопротивлении или побеге.

Хоть они и забрались в недра спрятанного под пирамидой лабиринта, он не сомневался, что шанс обязательно будет. Кроме того, чем глубже они заходили, тем более возбужденно вел себя Абум – бормотал нечто восторженно-неразборчивое, вертел башкой и чуть ли на колени не падал.

Главное – освободиться от пут, а затем он им покажет, что магия решает не все.

– Ну и пакость, – неожиданно произнес Головешка, не пряча отвращения.

– Не могу с тобой не согласиться, эльф, – сказал Эрэм.

Впереди находились ворота, настолько мощные, что их взяли бы далеко не всякий таран. Массивные створки были обильно украшены, и черный металл блестел, словно его полировали только вчера.

Неужели за ними и вправду находится Тэп?

Честно говоря, Расин мало интересовался прошлым, и о величайшем маге в истории восставших знал мало. Помнил только, что тот по каким-то причинам решил известить собственный народ, создал для этого смертоносную болезнь, преуспел, но заразился сам.

Но по неясной причине не подох, а куда-то сгинул вместе с остальными Зэм.

И вот теперь поклонники Тэпа решили освободить его, вернуть в обычный мир. Создать на территории Святой Земли собственное государство... вот только хватит ли им одного аллода, пусть даже обширного и богатого?

Расин в этом сомневался.

Абум и Эрэм прошли вперед, и принялись разглядывать ворота, подсвечивая себе факелом. Хадаганец, воспользовавшись тем, что стоит на месте и на него никто не смотрит, сунул руки в штаны и попытался нащупать рукоять спрятанного в подштанниках ножа.

Чужаку его найти сложно, почти невозможно, но и самому вытащить непросто.

– Ну что же, приступим к последнему, я надеюсь, этапу нашей сложной операции, – Эрэм вновь говорил так, словно выступал перед многотысячной толпой. – Так, и кого же? Кто отдаст свою жизнь следующим?

Он повернулся, и Расин едва успел вытащить руки.

– Возьмем эльфа, – предложил Абум дрожащим от возбуждения и ненависти голосом. – В нем много силы, и мне будет приятно увидеть, как он сдохнет, умоляя нас о пощаде!

– Не дождетесь, гнилые уроды, – Головешка сплюнул, и угодил точно на сапог восставшему. – И вообще, вы уверены, что ваш давно протухший герой мотает срок именно в этой богадельне?

Эрэм покачал головой:

– Нет, этого мы зарежем позже... Вдруг я ошибаюсь и впереди еще преграды?

Абум раздраженно зашипел, но возражать не стал.

– Давай сюда гибберлинга, его кровь окропит эти ворота, – велел его сородич. – Интересно, ты провидел собственную смерть?

– Кое-что другое! – ответил Тронд, гордо выпрямляясь. – Оба останетесь тут! Сгинете без памяти!

Когда надо, он умел говорить не хуже погибшей сестры.

– Кричи-кричи, – Эрэм махнул рукой. – Ты никого не смутишь и не напугаешь. Остальные двое – вон туда, к стене! Сели на пол! И не вздумайте даже дернуться, ясно?!

Расин опустился на холодный, тысячелетиями не видевший света камень, точно такой же оказался у него под спиной. Рядом шлепнулся на задницу Головешка, злобно скалившийся, грязный, с бешеными глазами на осунувшемся за сегодняшний день лице.

– Ну что, ты готов показать им, чего мы стоим? – прошептал он.

– Готов, – так же тихо ответил Расин, думая, что раньше даже и представить не мог, что будет сочувствовать оказавшемуся на краю смерти гибберлингу и числить в союзниках эльфа. – У меня есть нож... сейчас я его вытащу... нужно только мгновение...

Тронд сопротивлялся отчаянно, но ничего не мог сделать с чарами восставших. Дергаясь, будто припадный, он прошел к самым воротам, и улегся на пол лицом вверх.

– Вот так хорошо, – сказал Эрэм. – Начнем же.

Он огладил ворота, не прикасаясь к ним, проведя ладонью в считанных сантиметрах от створок, и те отозвались тяжелым музыкальным звоном, и в глубине что-то шевельнулось.

– Отец Наш! – воскликнул Абум.

Расин сунул руки между коленей, сквозь ткань нащупал клинок, и повернул так, чтобы удобно было взять. Теперь нужно выдавить его из узкого кармашка, дабы рукоять выступила наружу и позволила себя зацепить.

– Ну и пакость, – повторил Головешка, смотревший куда-то в сторону ворот.

Как маг, он наверняка видел больше, но Расин об этом вовсе не жалел.

Эрэм снова провел рукой там, где между створками виднелась темная щель. Задребезжал, качнулся в скобах исполинский засов, издали скрежет петли, врезанные в каменные стены.

– Мы идем к тебе! – объявил Абум.

Тут Зэм сделали нечто такое, отчего Расин на несколько мгновений выпал из обычного мира. Показалось, что парит меж разноцветных облаков, в которых посверкивают молнии, подбираются ближе и ближе.

И тут же вновь очутился во мраке подземного зала, дрожащий, с головы до ног покрытый холодным потом.

– Давай быстрее, – нетерпеливо прошептал Головешка.

– Да... да... – Расин сунул руки в штаны и потащил нож из кармашка.

Другой клинок, куда большего размера, в этот момент возник в руке Эрэма, и восставший склонился над Трондом. Тот заизвивался, как угодивший под удар лопаты червяк, и изо рта его вместе со слюной полетели слова:

– Зря надеешься!.. Впереди лишь пустота!.. Ложный путь!.. Нить ведет в бездну!.. Остановись!

– Пророчествуешь, – сказал Эрэм. – Да только кто тебе поверит в такой момент, маленький гибберлинг? Твой дар слишком мал, чтобы охватить грандиозность деяния, которое мы собираемся свершить!

Он смотрел на Тронда, не отводя взгляда.

Абум стоял вплотную к воротам, подняв руки так, словно готовился ловить некий предмет, что упадет сверху.

– Не спи! – прошипел Головешка.

Расин и сам понимал, что сейчас на них никто не обращает внимания, и что другого такого шанса может не быть! Но связанные в запястьях, уже начавшие неметь руки слушались плохо, пальцы гнулись еле-еле.

Но вот, есть, нож длиной в ладонь выскользнул наконец из «гнезда»!

Метнуть его?

Можно попробовать, но вряд ли это приведет к успеху – мало шансов на то, что сумеешь попасть точно, но даже если попадешь, то выведешь из строя лишь одного из восставших!

Нет, придется сначала резать веревки на руках.

Расин развернул клинок и начал пилить собственные путы – одно волоконец лопнуло, за ним второе, разлохматилось третье, и вот веревка поддалась, разорвалась с тихим щелчком. Давление

на запястья ослабло, и в кистях закололо с такой силой, что он едва не выронил нож.

Укусил себя за губу, чтобы не вскрикнуть.

– Во славу Отца Нашего! – сказал Эрэм, и вонзил клинок в грудь Тронда.

Тот захрипел, хрип перешел в надсадное бульканье, а восставший нанес еще два удара, с хрустом ломая ребра, вспарывая грудную клетку. С потемневшего лезвия упала на пол алая капля, за ней вторая, по залу потек резкий запах крови, а Зэм сунул руку прямоком в тело гибберлинга.

Когда вытащил ее, то в кулаке судорожно билось сердце.

Абум не запел даже, а завыл, Расину показалось, что помещение наполнилось серыми размытыми силуэтами, что мчались к воротам, размахивая похожими на тряпки крыльями...

Но он уже стряхивал веревку с запястий.

Головешка нетерпеливо сопел, то и дело поглядывал в ту сторону, где продолжали колдовать восставшие.

– Во славу Отца Нашего! – повторил Эрэм, и швырнул сердце в ворота.

То вспыхнуло, точно метеор, ударило в одну из створок, и та загудела, пошатнулась. Пленникам на головы посыпалось каменное крошево, и Расин невольно глянул на потолок – выдержит ли?

– Давай, – Головешка подставил руки, и хадаганец принялся резать веревки на запястьях эльфа.

Он уже не думал об осторожности, лишь о том, чтобы успеть.

Но и восставшие не смотрели на пленников, оба таращились в сторону ворот.

Сердце сползало по створке, оставляя за собой раскаленный добела след, выплавленную в металле канавку. И от нее жар растекался в стороны, по черной поверхности бежали волны, размывая украшения, заставляя крошиться и вздрагивать косяки и притолоку из матерого камня.

Засов вспыхнул по всей длине, полетели белые и желтые искры, и Расин ослеп.

Рука его дрогнула, и нож, судя по недовольному восклицанию Головешки, резанул не то, что надо.

– Что это? – голос Абума звучал приглушенно, в нем слышались удивление и разочарование.

Расин сморгнул, и вновь смог видеть.

Ворота были наполовину открыты, створки покачивались на петлях, издавая жалобный скрип. За ними виднелось пространство, заполненное чем-то настолько странным, что рассудок хадаганца в первое мгновение спасовал, будучи не в

силах подобрать нужные слова.

Колеса из разноцветного огня, вращающиеся в заполненной звездами синеве?

Исполинские фигуры в алых и белых хламидах, бредущие по облакам?

Скопище извивающихся радуг, пронизанных колоннами из металла, способными держать на себе небо?

Колоссальный зал размером с императорский дворец в Незебграде, на полу которого лежат горы разного барахла, старых сапог, обтрепанных по краям плащей, гнутых ржавых мечей, штабеля гнилых досок, сундуки с сорванными крышками и изуродованные статуи.

Или все это вместе?

Расин отвел взгляд, понимая, что еще мгновение, и от этого зрелища он сойдет с ума. Обнаружил, что Головешка немигающими глазами таращится на ворота, а изо рта его тянется ниточка слюны.

– Эй, очнись, – воскликнул хадаганец, и как следует пихнул эльфа в плечо.

Тот не отреагировал, и тогда Расин попросту взял соратника за голову и повернул ее в сторону.

– Что?.. Э?.. Провалиться мне в астрал, – забормотал Головешка, осоловело моргая.

А Расин уже поднимался, взвешивая в ладони единственный оставшийся у него нож – коротковат, для того, чтобы с гарантией прикончить восставшего, нужен клинок подлиннее, но его нет.

– Готов? – спросил он.

Зэм не обращали внимания на то, что творилось за их спинами, они сохраняли неподвижность и смотрели на ворота, а точнее на то, что находилось или происходило за ними...

Главное самому не бросить взгляд туда, видеть только цель.

Эрэм располагался вполоборота, блики ползали по металлической маске, а кровь продолжала капать с зажатого в руке ножа. Абум стоял спиной, голова закинута вверх, так что затылок представляет собой идеальную мишень... не промахнуться, даже если захочешь.

– Ты готов? – повторил Расин.

– Да, – ответил Головешка, с перекошенным от усилий лицом поднимаясь на ноги. – Спасибо за помощь, и давай врежем этим уродам.

За воротами вскипели фонтаны огня, через них проглянул чей-то лик, бородатый и темный, в волнах из переплетающихся спиралей затанцевали фигуры, похожие на летучих мышей и на людей...

Абум издал горловой стон, вроде бы попытался шагнуть назад, но не смог.

Нет, не смотреть, только не смотреть!

Расин шагнул в сторону, взмахнул рукой, и нож с легким шорохом покинул его ладонь. Сверкнул вылетевшей из водопада рыбкой, и с мягким хрустом вонзился Абуму точно в основание черепа.

Тот содрогнулся всем телом, и начал поворачиваться.

В тот же момент ожил и Эрэм, задвигался медленно, отступая, вскидывая перед собой клинок.

– Фх-х-х! – зашипел тот, когда в него врезалась брошенная эльфом молния.

Черный зазубренный нож оплавился, будто он был из воска, а разочарованно взвизгнувший Головешка метнул второе заклинание. Но то ли прицелился неудачно, то ли Эрэм сумел воздвигнуть невидимый щит, но брызжащий искрами огненный шар полетел криво и ударил в грудь развернувшегося Абума.

Запахло паленой тканью и горелым мясом.

Восставший с белыми руками сделал шаг назад, потом еще один, потянулся за торчащим в затылке ножом.

– Что? – спросил он, и рухнул в бездну за воротами.

Корча сотрясла стены, пол и потолок, дрогнула, похоже, вся пирамида, от самого глубокого подвала до верхушки. Истошный вой, какой не способно родить горло смертного, будь он человек, орк или даже тролль, ударил по ушам с такой силой, что голову Расина пронзила боль.

Нечто не имеющее облика рванулось к воротам с той стороны, и створки двинулись с места. Покачнулись и начали медленно сходиться, а в пустых только что скобах возник толстенный засов.

Черный металл выглядел неповрежденным, канавка исчезла без следа.

– Не-е-е-ет! – закричал Эрэм так громко, что голос его пробился через прочие звуки: отголоски воя, скрежет петель, хруст крошащегося камня и отдаленный рокот в земных недрах.

Он небрежно махнул рукой, отбивая еще один брошенный Головешкой шар огня.

Затем прыгнул вперед и схватился за одну из створок, пытаясь удержать ее на месте. Восставшего потащило, раздался скрежет, и из-под его упершихся в пол пяток полетели искры.

– Проклятый дохляк... – прошептал эльф. – Сейчас я его!

Расин огляделся, пытаясь найти хоть что-нибудь годное для использования в качестве оружия. Ага, вон выпавший из потолка булыжник... его можно подобрать и бросить, чтобы попасть в

затылок еще одному Зэм.

Эрэм выпустил наконец створку, и ворота с тяжелым лязгом захлопнулись.

– Не-е-ет! – прорычал он еще раз, и развернулся.

Брошенный Расином булыжник ударился о металлическое лицо и отлетел в сторону.

– А теперь я займусь вами, – прошептал Эрэм, и его слова породили неприятное, хихикающее эхо в углах зала.

Хадаганец сообразил, что факелы погасли, металлические створки отрезали их от источника света, и он видит лишь смутные очертания высокой сутулой фигуры там, где стоял вошедший.

– А теперь я займусь вами, – и столько злобы прозвучало в этих словах, что Головешка невольно содрогнулся, отступил на шаг.

Эх, если бы он не так устал...

Еще недавно мечтал о том, что освободившись, пустит в ход магию тьмы, но сил хватило лишь на несколько простейших стихийных заклинаний, после которых ощутил себя выжатым досуха... Даже стоял с трудом, и очень хотелось, несмотря на отчаянно протестовавшую гордость, опереться рукой о стенку.

Ворота закрылись, и створки из вороненого металла стремительно обрастали серой «паутиной», в точности такой же, что покрывала их до того, как Зэм принесли в жертву гибберлинга.

Зря старались, протухшие душонки.

Что скрывалось за воротами, Головешка не понял, хотя увиденное потрясло его до глубины души. И даже, если честно сказать, эту душу из него едва не вытрясло – невидимые щупальца в один миг проникли во внутренности, и потащили прочь ту пылающую искру, что содержит истинную сущность мага.

Спасибо Расину, не дал соратнику пропасть.

Но сейчас, похоже, все равно умирать, и пусть даже никто их гибели не увидит, нужно сделать ее красивой.

– Ну что, гнилой мешок с костями? – спросил Головешка, гордо выпрямляясь. – Сорвали мы ваш гнусный замысел, слава предкам? Не выбраться наружу вашему папаше!

Честно говоря, он сильно сомневался, что за воротами находится Тэп, но это не имело особого значения.

Краем глаза заметил, что Расин шагнул в сторону, двинулся к противоположной стене зала. Это правильно – если они разойдутся, то накрыть двоих одним заклинанием будет сложнее.

– Вы оба умрете, а я попытаюсь еще раз, – пообещал Эрэм, и ударил.

Головешка успел выставить защиту в последний момент, перед глазами замерцал радужный щит. Обернувшаяся тысячами вихрей тьма грянула в него, и от напряжения из ноздрей и горла эльфа потекла кровь, вскинутые руки задрожали... нет, он не сдастся, он выстоит!

– Это тебе не поможет, – восставший усмехнулся, и вновь атаковал, на этот раз куда хитрее: у Головешки скрутило желудок, да так сильно, что он едва не опозорился, не измарал штаны.

Действуя на инстинктах, на боевом чутье, он пригнулся, и нечто просвистело над его головой. Врезалось в стенку в дальнем конце зала, донесся хруст и звон, какой издают ломающиеся сосульки.

Новый удар, и на этот раз щит получился намного слабее...

Расин вроде бы ринулся в атаку, без оружия, с голыми руками, надеясь перевести магическую драку в обычную. Но Эрэму хватило небрежного взмаха металлической ладонью, чтобы хадаганец отлетел прочь и остался лежать.

– Готов ли ты умереть, эльф? – торжественно спросил восставший.

И в этот самый момент ворота выгнулись от чудовищной силы удара изнутри. Разбуженная сила, что укрывалась за ними, попыталась наконец выбраться наружу, и пирамида вновь содрогнулась.

Серая паутина заклинания вспыхнула белым огнем, осветив зал целиком.

– Что?.. – Эрэм начал оборачиваться, и тут его словно обхватило незримым арканом.

Показалось, что металлические выпуклости на месте глаз восставшего слегка выпучились, его поволокло назад. Миг, и он едва не уперся спиной в металлические створки, вскинул руки, норовя оторвать что-то от горла.

Головешка поднял ладонь, чтобы нанести последний, завершающий удар...

Но оказалось, что внутри пусто, что резерв его исчерпан до дна, сил осталось лишь на одно заклинание. Потратить его на атаку, на попытку убийства предавшего их Эрэма, гнусного поклонника Тэпа, или на то, чтобы привести в себя лежащего без сознания Расина?

И убраться отсюда поскорее, пока те чары, с которыми столько возились, не переключат выход.

Ведь победить можно по-разному, не обязательно для этого

истребить всех врагов до единого. Куда важнее сорвать их замысел, не дать воплотить его в жизнь, довести до победного конца!

Головешка метнулся туда, где лежал хадаганец, приложил ладонь к его лбу.

Глаза Расина открылись, он вцепился в руку, прикасавшуюся к его голове, и только потом спросил:

– Что?

– Вставай, пора уходить. Нам здесь делать больше нечего.

Ворота все еще тряслись от нанесенного по ним удара, Эрэм боролся с тем, что его держало, и одолевал. Понемногу, сантиметр за сантиметром, он отходил от створок из вороненого металла, и, судя по движениям рук, драл на куски нечто невидимое, охватившее его шею.

– А этот? – Расин оказался уже на ногах.

– Не до него сейчас, – на мгновение Головешке стало совестно, что он бежит, отступает с поля боя, показывает врагу спину, но он тут же подавил это ощущение: угрызениями совести можно мучиться, если ты эльф-воитель в сверкающих доспехах, и твой враг сражается по правилам; если же ты имеешь дело с подлецами, а сам всего лишь наемник, откликающийся на достойное зверя прозвище, то и веши себя соответственно.

Первый шаг дался ему тяжело, при попытке глубоко вдохнуть в груди мерзко заклокотало. Даже подумал, что свалится на бегу, но ничего, кое-как справился с трясущимися ногами, и почти не отстал от Расина.

– Стойте! – донесся от ворот полузадушенный хрип. – Вам не уйти!

Эрэм все же сумел вырваться, и стук подошв по полу возвестил, что он бросился в погоню.

– Осторожнее! – крикнул Головешка, и прыгнул в сторону.

Расин последовал его примеру, и через то место, где они только что стояли, пронеслось сотканное из тьмы копьё. Врезалось в стену и, оставив глубокую выбоину, рассеялось, а по гладкому доселе камню разбежалась паутина трещин.

Они нырнули в узкую щель, обозначавшую выход из зала, когда заклинание на воротах погасло. Обрушившаяся на беглецов тьма оказалась настолько плотной, что Головешке показалось – он бежит сквозь черную теплую воду, и поток вот-вот собьет его с ног, а жидкость хлынет в горло.

– Куда? Я ничего не вижу! – воскликнул Расин.

– Держись за стены, и первый поворот направо... – прохрипел эльф.

Этот отрезок пути он запомнил неплохо, но вот то, что лежит

уровнем выше, сохранилось в памяти куда хуже.

Проклятый Эрэм намного лучше видит во мраке, а значит, и двигаться может несколько быстрее. Они должны шевелить ногами, не обращая внимания на то, что пол неровный, что то и дело спотыкаешься, задеваешь о стены, зарабатывая синяки и ссадины...

– Теперь налево, – командовал Головешка. – И сразу налево еще раз... Направо!

Он слышал, что восставший идет за ними, тяжелые сапоги били в пол равномерно и неумолимо.

– Прямо, в средний из трех! Теперь направо!..

Прилетевший сзади огненный шар осветил неровные черные стены, отбросил на пол длинные извивающиеся тени. Опоздал на мгновение и промчался мимо, поскольку беглецы свернули в очередной проход, и промахнувшийся Эрэм испустил полный разочарования вопль.

– Лестница! – воскликнул Расин.

– Давай вверх, давай... – прохрипел Головешка.

Он задыхался, бока ходили ходуном так, что трещали ребра.

Вслед за хадаганцем втиснулся на винтовую лестницу, затопал вверх по изогнутым ступенькам. Едва не врезался головой в потолок, и они очутились в зале, уставленном тысячей разных колонн.

Здесь был свет, рассеянный, слабый, падающий откуда-то сверху, будто там располагалось окно.

– Куда дальше? – спросил Расин. – Ты помнишь?

– Прочь от лестницы, – буркнул Головешка.

Замелькали по сторонам колонны, черные и белые, гладкие и украшенные резьбой, квадратные и круглые. Кто-то потратил демонову уйму времени, украшая это помещение, и понять бы еще, зачем он это сделал, если пирамида и вправду является тюрьмой для бессмертного Тэпа?

Они пробежали зал насквозь, но там, где ожидали увидеть выход, обнаружили лишь стену.

– Милость Незеба, – прошептал Расин. – Куда он делся?

– Тихо, – осадил его Головешка.

Эрэм, судя по звукам, поднялся по лестнице и сейчас шагает через лес из колонн. Интересно, он знает, куда направились беглецы, и идет по их следу, или двигается наугад, как они сами?

Хадаганец огляделся, кулаки его сжались, на лбу набрякли морщины.

Понятно – вокруг ничего, что можно использовать как оружие, и они беззащитны перед восставшим. Да, есть шанс, что здесь удастся спрятаться, отсидеться, но затем все равно нужно

как-то выбраться из пирамиды, и сделать это быстро, пока не ожили развеянные вроде бы заклинания.

Головешка скользнул за одну из колонн, достаточно толстую, чтобы скрыть его целиком. Прислонился спиной к холодному гладкому камню, и попытался смирить разрывавшее грудь дыхание.

– Прячьтесь-прячьтесь, – донеслось издалека злобное. – Я вас все равно найду...

Глаза у укrywшегося за соседней колонной Расина были отчаянные, ясно, что он готов броситься на Эрэма с голыми руками.

– Найду, уж не сомневайтесь, – шаркающие неторопливые шаги все ближе.

Что-то упало совсем рядом, как показалось, по другую сторону той колонны, за которой прятался Головешка. Он подобрался, готовясь, если что, вступить в бой с тем оружием, что ему дала природа – чем он, эльф, хуже человека, и сам не раз дрался на кулачках!

Мгновение тишины, и шаги начали удаляться.

– Вам не укрыться, – это прозвучало уже тише, и эхо заплутало по каменному лесу: «Ться... ться... ся...»

– Пошли, – шепнул Головешка, и для наглядности махнул рукой. – Вон там выход.

Сердце заколотилось от радости, когда через десяток шагов и вправду обнаружили проход в стене. Но когда тот вывел в совершенно круглый зал с чем-то вроде бассейна в центре, оба остановились.

Это место они точно не проходили.

– Мы не заблудились? – спросил Расин. – Вернемся?

Головешка покачал головой:

– Единственный наш шанс – найти другой путь и добраться до выхода первыми. Кроме того, времени на то, чтобы отступать и начинать заново, у нас просто нет. Понимаешь?

Силы к нему не вернулись, но он мог хотя бы чувствовать, что происходит вокруг. Ощущал, что понемногу начинают двигаться огромные массы заключенной в каменных стенах энергии, что схемы заклинаний, вроде бы разрушенных и уничтоженных, восстанавливаются, наполняются смыслом и силой.

В бассейне плеснуло, над низким бортиком поднялось нечто похожее на глаз размером с кулак.

– Давай бегом! – велел Головешка.

До выхода в противоположном конце зала метров двадцать, и их надо одолеть побыстрее.

Когда пробежали мимо бассейна, глаз оказалось уже

несколько, все на тонких стебельках, и к ним присоединились усеянные иглами щупальца. Настоящая волна извивающихся черных отростков перехлестнула через бортик, и ринулась наперерез беглецам.

Головешка перепрыгнул самую шуструю конечность, Расин наступил на другую. Выползшая из бассейна тварь разразилась негодующим шипением, и эльфа ударило в спину с такой силой, что он едва не упал.

Но это же помогло одолеть последние метры одним рывком, и они оказались в новом коридоре.

– Одно хорошо, – сказал Головешка, прислонившись к стене. – Он здесь не пройдет. Даже если сунется...

Обитатель бассейна, судя по его поведению, не имел возможности покинуть логово, и сейчас лишь бессильно ярился. Щупальца колотились о стены зала, скребли по полу в каком-то метре от беглецов, но дальше вытянуться не могли, и через их сплетение яростно смотрели многочисленные глаза.

– Что у меня там такое? – спросил Головешка, поворачиваясь к Расину спиной.

Пониже левой лопатки, там, куда пришелся удар, кололо и мешало, словно на одежде повисла колючая ветка.

– Разорвано. Несколько царапин, – ответил хадаганец. – Что...

Черная волна нахлынула на Головешку, он еще сообразил, что падает, и успел выставить руки. Потом холодное ударило в лицо, и уши заполнил монотонный пульсирующий то ли вой, то ли плач.

– Эй? Что с тобой? – голос Расина прозвучал слабо, донесся словно из заоблачной выси.

Головешка хотел ответить, что на иглах подземной твари был яд, и что если он не убил жертву сразу, то, скорее всего, должен ее лишь одурманить, а это значит, что сейчас все пройдет...

Но сил не хватило, а затем он на какое-то время потерял сознание.

А очнувшись, понял, что лежит на чем-то твердом и горячем, и этот предмет равномерно покачивается.

– Ты что? – прохрипел Головешка, сообразив, что хадаганец тащит его на себе. – Хватит.

– Ты уверен? – Расин опустил эльфа на пол осторожно, сделал шаг в сторону.

– Конечно! – гордо ответил тот, и тут новая черная волна накатила без звука, швырнула его на пол.

На этот раз он выбирался из обморока невыносимо долго, словно карабкался по вертикальному тоннелю с шершавыми бугристыми стенками, усеянному тысячами каменных зубов. Полз

вверх, обдирая руки, разрывая плоть, что на коленях и боках свисала кровоточащими лохмотьями, и видел далеко-далеко впереди точку яркого света.

Когда она превратилась в размытый блик на потолке, Головешка обнаружил себя лежащим на полу.

– Где мы? – спросил он, поднимая тяжелую, словно чугунную голову.

– Все там же, в пирамиде, – со смешком отозвался Расин. – Небольшой привал.

Головешку слегка знобило, но слабости в теле и дурмана в мозгу больше не было, и он видел все четко. Коридор, широкий, с высоким потолком, как две капли воды похожий на тот, в который они попали, спустившись по первой лестнице, но тут по стенам бежит волна желтого пламени.

А вот отверстия, круглые, квадратные и даже треугольные, кажутся знакомыми.

Глава 17

Головешка был куда легче, чем человек его роста и сложения, и Расин тащил эльфа без особого труда.

Вроде бы не напрягался, усталости не чувствовал, даже особенно не потел, но перед глазами то и дело начинало мутиться. Тогда он останавливался, несколько мгновений отдыхал, а потом шел дальше, стараясь не шуметь – неизвестно, за каким поворотом этого подземного лабиринта их может ждать Эрэм.

В один момент сообразил, что поднимается по лестнице, но не помнит, как на ней оказался.

– Что за ерунда? – пробормотал Расин, оглядываясь и пытаясь сообразить, был он здесь или нет.

Ответа на этот вопрос так и не нашел, зато наверху воспрянул духом – тоннель, где он оказался, сильно напоминал те, по которым передвигались на первом подземном уровне пирамиды. Прошел по нему с десятков метров, и решил, что пока достаточно, что нужно перевести дух.

Едва уложил Головешку на пол, как тот открыл глаза.

– Где мы? – спросил он, щурясь.

– Все там же, в пирамиде, – ответил Расин. – Небольшой привал.

С удивлением подумал, что тащил на себе эльфа, исконного врага Хадагана, одного из тех, кто убивал бойцов «Молнии» в войнах конца пятидесятых – начала шестидесятых годов, когда Империи поначалу сопутствовал успех, а закончилось все неожиданным заключением союза...

Хотя если вспомнить, то соратников Расина с не меньшим пылом убивали свои, такие же хадаганцы, и случилось это, когда дело дошло до вопроса, кому править в Незебграде, Гурлусхору или Яскеру?

– Ну что, ты как? Сможешь идти? – спросил он, прогоняя непрошенные воспоминания.

– Думаю, что да, – Головешка поднялся, потянулся так, что хрустнули суставы. – Кажется, я понемногу начинаю восстанавливаться, еще немного, и смогу колдовать.

– Тогда посоветуй, куда нам идти?

Судя по растерянному выражению, на миг появившемуся на лице эльфа, тот не знал ответа.

– Если бы я мог сказать? – Головешка поскреб в затылке. – Эх, есть-то как хочется. Интересно, сколько времени прошло?

– Должно быть, наверху уже ночь, – Расин пожал плечами.

На самом деле они имели возможность только догадываться, что творится в обычном мире – здесь, под спудом громадного каменного тела само время могло бежать с иной скоростью, или вообще в другую сторону.

При мысли об этом хадаганца продрало морозцем.

Не прошли они и дюжины шагов, как донесся раздраженный стрекот и из отверстия в стене выбрался почти такой же «таракан», как тот, которого видели на пути вниз. Только этот решил, что двуногие теплокровные стоят того, чтобы превратить их в поздний ужин.

Пошевелив усами, он ринулся в атаку.

Расин ударил бестию ногой, попал точно по жвалам, и таракана отбросило к стенке. Тут же к нему подскочил Головешка, и принялся остервенело топтать, круша панцирь, ломая крылья и лапы.

«Таракан» застрекотал, попытался развернуться, но оказалось слишком поздно.

– Получи, тварь! Получи! – орал эльф, ничуть не заботясь, что их могут услышать.

– Хватит! Стой! – Расин ухватил соратника за плечо. – Он уже не двигается.

– Да? – и Головешка, тяжело дыша, принялся брезгливо обтирать подошвы о каменный пол.

Из дыры, откуда выбралось громадное насекомое, на них пахло трупным смрадом. А затем впереди обнаружилась ловушка, Расин в последний момент заметил в полу тонкие щели.

На окаймленный ими участок он не вступил бы за все деньги мира.

Пришлось обходить через темный, узкий и изгибающийся будто кишка коридор. Выбрались вроде бы туда же, судя по холодному желтому пламени, волны которого так и продолжали бежать по стенам.

– Стой... – сказал Расин, уловив донесшийся спереди шорох.

Из треугольного проема, расположенного в пяти метрах от них, выступил Эрэм. Блеснуло металлическое лицо, белым огнем запылали пальцы вскинутой руки восставшего.

Хадаганец прыгнул обратно в тот проход, откуда они только что вышли.

Головешка оказался там же мгновением раньше, и сумрак большого коридора с треском распорол молния.

– Вам не уйти! – прокричал Эрэм. – Лучше выходите сами, и я убью вас быстро!

– Вот урод дохлый, – пробормотал эльф. – Совсем за идиотов нас держит. За мной!

Из «кишки» выбрались в том месте, где вошли в нее первый раз, позади ловушки. Показались восставшему лишь на мгновение, и тут же спрятались в другом ответвлении, с круглым входом.

– Сейчас проверим, насколько он внимателен, – сказал Головешка, сжимая кулаки.

Из основного коридора донеслись шаги, потом вскрик и тяжелый грохот, какой бывает, когда обрушиваются каменные глыбы. Выглянув из-за угла, Расин обнаружил, что на том месте, где находилась ловушка, в полу чернеет дыра, а в воздухе плывут клубы серой пыли.

– Не особенно, – пробурчал он. – Давай, вперед.

Вновь пробежали по «кишке», и помчались дальше по тоннелю желтого пламени. Добрались до перекрестка, и здесь Расин позволил себе обернуться – Эрэм медленно, но верно выбирался из ямы, виднелись зацепившиеся за ее край руки, закинутая на него же нога, лицо из металла.

Нижние конечности сами понесли хадаганца вперед.

– Стой, я чувствую! – Головешка остановился так резко, что соратник едва не врезался ему в спину. – Мы здесь проходили... или это было нечто похожее... – он, точно породистая собака, втянул носом воздух, а затем меж ладоней эльфа вспыхнул крохотный огонек.

Очередной боковой тоннель, на взгляд Расина, ничем не отличался от других: овальное темное отверстие, пол неровный, изнутри ничем не пахнет, тянет холодным и сырым ветерком.

Но Головешка подошел ближе, и язычок пламени осветил множество закрученных в спирали канавок, что покрывали стены, заблестели торчавшие отовсюду кристаллы, похожие на зубы из горного хрусталя.

Похоже, они и вправду проходили через подобное место.

– Глаза закрывай, и вперед, – велел эльф.

Расин вступил в овальный коридор, и тут же по спине, по бокам и даже по животу побежали мурашки. Показалось, что со всех сторон потянулись жадные когтистые лапы, даже ощутил колыхание воздуха.

– Ни в коем случае не открывай, – в словах Головешки ощущался страх.

«Ты умрешь», – шепнул кто-то прямо в ухо хадаганцу.

«Сдохнешь с вспоротым брюхом, – подтвердили с другой стороны, и над головой прозвучал хриплый смех, – глядя на свои кишки, вдыхая вонь собственного дерьма, и с отрезанным хреном в глотке... угадай, чьим?»

Этот вопрос заставил Расина сбиться с шага.

«Твои мозги будут сладкими на вкус, – доверительно сообщили ему, и нечто шершавое, как язык коровы, пришлось по щеке. – Ну а ребра мы воткнем тебе в задницу».

«Нет, лучше мы сделаем из них клетку! – вмешался еще один голос, такой же скрипучий, как и остальные. – А в нее положим всякие интересные круглые штуковины. Желчный пузырь, еще мочевогой...»

Расин прыгнул вперед, и голоса затихли.

– Все? – спросил он, понимая, что весь дрожит.

– Да, – отозвался Головешка. – Можешь открыть глаза, и вперед, вперед...

Этим коридором они точно шли, а значит, нужно одолеть всего лишь пару ловушек, и все, их ждет лестница наверх. Но за знакомым вроде бы поворотом дорогу неожиданно преградила стена, выглядевшая так, словно находилась тут последние несколько тысячелетий.

– Не может быть! – эльф ударил по ней кулаком и зашипел от боли.

Сзади, из-за угла донесся шум шагов.

Кто-то идет за беглецами по пятам, и не надо быть великим мыслителем, чтобы сообразить, кто именно.

– Может быть, встретим его? Нападем? – предложил Расин.

– Нет, я пока не готов, – Головешка осмотрелся, и двинулся в сторону треугольного проема в боковой стене. – Давай сюда, если повезет, то найдем обходной путь...

Здесь под ногами хлюпало, а обоняние щекотали запахи, напоминавшие о болоте. Расин шел, зажав нос, и на каждом шаге оглядывался, все ждал, что падающий в проход свет заслонит сутулая фигура восставшего.

Но тот, похоже, свернул куда-то не туда... или наоборот, туда?

Новый тоннель, и на этот раз по стенам бегут волны синего, точно летнее небо, пламени. А вот и гостеприимно распахнутая дверь, сбитая из досок, банальная, как истрепанный плащ.

– Стоп! – сказал Расин, когда Головешка на радостях рванул вперед.

– Что такое? – спросил эльф, останавливаясь.

И только восхищенно хмыкнул, когда хадаганец, выйдя вперед, указал на тонкую нить, протянутую поперек коридора на уровне лодыжек.

– Я бы не хотел это задеть, – проговорил он, аккуратно переступая через нее.

– Ловушки растут тут как грибы на болоте, и весь лабиринт непрерывно меняется, – Головешка оглянулся, и в голосе его

звучало злорадство. – Но это уже не наша забота!

На уходящей вверх лестнице с высокими ступенями царила кромешная тьма, но эльф вновь запалил огонек между сложенных чашечкой ладоней, и они затопали вверх. Через квадратный люк Расин выбрался в очередной коридор, стены которого украшали тысячи значков, похожих на руны Покровителей.

Насколько он понял, осталось совсем немного...

Но сделав пару шагов, почувствовал, как спереди повеяло свежестью, непонятно откуда донеслась соловьиная трель. Показалось, что под ногами не камень, а мягкая зеленая трава, и так приятно будет на нее упасть, раскинуть руки, подложить что-нибудь под голову.

Сильные пальцы вцепились в плечо, потянули назад.

– Теперь моя очередь тебя останавливать, – сказал Головешка. – Дохляк не врал. Заклинания восстанавливаются, и нужно придумать, как здесь пройти, провалиться мне в астрал...

Расин помнил, сколько возились Зэм, прежде чем одолели чары этого коридора.

– Ты справишься? – спросил он.

– Постараюсь, – уверенности в этом слове было не больше, чем рассудительности в башке типичного орка.

Головешка тяжело вздохнул, огонек выпорхнул из его ладоней и повис под потолком. Эльф повел рукой сверху вниз, точно поглаживая нечто невидимое, потом еще раз, и птичье пение звучало вновь, и впереди между стен обозначилось нечто похожее на огромный клубок светящейся веревки.

Расин, чтобы не мешать, отступил назад, к лестнице, и даже спустился на пару ступеней.

Пока внизу тихо, но Эрэм может появиться в любой момент, и если придется напасть на него с голыми руками, то лучше сделать это здесь, атакуя сверху, да еще и в узком пространстве, где магу не развернуться.

– Давай сюда, – позвал Головешка. – Я придумал.

Он держал нечто вроде голубого полупрозрачного колпака такого размера, чтобы без проблем надеть на голову.

– Это что? – спросил Расин.

– Некая разновидность защиты от магии, которая заставит тебя на время оглохнуть. Загородившая дорогу пакость действует первым делом через слух, и если у нее этого не получится, то может быть и удасться проскочить...

– Может быть?

– Откуда я могу знать наверняка? – лицо эльфа, покрытое напоминавшими кляксы пятнами ожогов, подергивалось. – Чары еще не вошли в полную силу, и это наш шанс! Рванем со всех ног,

так, глядишь, и получится... Все равно ничего лучше я не придумую!

– Хорошо, давай, – Расин подставил голову, а про себя взмолился великому Незебу и Святой Троице, а также всем двенадцати Покровителям разом, чтобы эта штука подействовала.

Со стороны лестницы долетел приближавшийся шорох.

Хадаганец ощутил легкое, почти невесомое прикосновение, что-то скользнуло по шее, и все звуки исчезли. Повернувшись, обнаружил, что Головешка надевает на себя точно такой же полупрозрачный колпак.

«Бегом!» – это слово эльфа, должно быть, прокричал, но Расин не услышал ничего.

Он кивнул и припустил вперед, вслед за летевшим у потолка магическим огоньком. Пахнувший травой ветер снова коснулся лица, уши не уловили ничего, и сонливость ударила совсем не с прежней силой.

В один момент веки все же опустились, но он продолжал бежать.

Если даже свалится, то перекатится вперед на метр-другой, и глядишь, выйдет из области действия заклинания.

– Все! – это восклицание Головешки прозвучало неожиданно громко, и Расин поморщился.

– Да? – спросил он, останавливаясь, и в тот же момент тоннель наполнился светом и грохотом.

Заклинание, оставшееся за их спинами, вспыхнуло призрачным огнем, и по другую его сторону обнаружился Эрэм с поднятыми руками. Похоже, он метнул какую-то мерзость в спины беглецам, и тех спасли лишь те чары, которые только что были препятствием.

– Я до вас доберусь! – крикнул восставший, перекрывая рокот в земных глубинах.

– Мечтай-мечтай, – бросил Головешка.

Если даже восставший не подглядел, каким приемом они воспользовались, то рано или поздно в его не самую тупую голову придет та же мысль, и тогда он и эту преграду оставит позади.

Увидев проникающий внутрь пирамиды слабый, рассеянный свет, Расин едва не вскрикнул от радости. Судя по нему, ночь шла к концу, но солнце еще не взошло, и над джунглями Асээ-Тэпх царило утро.

На этот раз остановился сам, безо всякого напоминания, глянул на Головешку.

– И это на месте, – подтвердил тот без особенной радости. – А ну-ка, проверим...

Эльф сделал шаг, и посреди коридора, в полуметре над

полом начал формироваться сгусток тьмы. Отрастил ноги, вытянулось бронированное рыло, и черный зверь, ощерив зубастую пасть, ринулся в атаку.

Он выглядел не совсем настоящим, менее материальным, чем тот, с которым имели дело, пытаясь проникнуть внутрь, но ударил Головешку ощутимо, так что тот выругался и отскочил назад.

– Что будем делать? – спросил Расин, оглядываясь.

Отсюда он не мог видеть, чем занят Эрэм, но шагов восставшего пока не слышал.

– Что делать? – вопросом на вопрос ответил Головешка, потирая ушибленное бедро. – Или я придумаю, как мы пройдем через эту штуковину, или мы тут останемся. Можно было бы испугаться, что навсегда, вот только это «навсегда» не продлится долго. Наш гнилой друг не даст ему затянуться...

Сил у него было куда больше, чем в подземельях под пирамидой, но все равно они вернулись не полностью. Он хорошо раздичал заклинание, понимал, что оно еще не восстановилось до конца, и что в этом, возможно, их шанс, и что нельзя терять ни мгновения.

Но вот как пройти через эти чары, он пока не знал.

Может быть, ударить сотканного из самой плоти магии зверя той же магией? Ничего такого они почему-то не пробовали, все норовили пустить в ход простое оружие...

– Давай-ка, – сказал Головешка. – Двигай вперед, а я постараюсь его выцелить.

– Я буду в роли живца? – спросил Расин.

– Что-то вроде того.

Хадаганец сделал шаг, чуть пригнувшись и расставив руки, точно собрался бороться с колдовской тварью. Та рванулась ему навстречу, и не обратила внимания на ударившую в загривок молнию, на окутавший длинную морду сгусток кислоты, способной проесть сталь.

– Ах ты! – рывкнул Расин, отлетая назад и падая на спину.

Нет, этот способ не годится.

Наложить на себя невидимость вкупе с незримым шагом?

Но заклинание лишено зрения и слуха, оно реагирует на ту искру, что пылает внутри живого существа, неважно, эльфа ли, уродливого гоблина, огромного тролля или пожирающего падаль разумного ящера.

Как скрыть ее?

Или, может быть, не скрыть?.. Сколько объектов способны остановить эти чары?

– Сейчас, сейчас, – прошептал Головешка, и руки его лихорадочно задвигались, творя один пасс за другим: взять его собственную искру, а также ту, что горит в груди Расина, и создать с дюжину отражений каждой, чтобы заклинание восприняло надвигающуюся на него толпу.

Хадаганец только хмыкнул и отступил к стене, когда в коридоре начали возникать смутные человекоподобные силуэты. Один взмахнул руками, второй подвис у самого потолка, и внутри каждого вспыхнула крохотная сверкающая точка.

– Ты готов? – спросил Головешка, хотя знал ответ. – Ломимся вперед через тычки и боль... Эта фигня, если я все правильно сделал, попытается остановить всех скопом, разбрасает свои силы, понимаешь?

– Да, – сказал Расин, и неожиданно оглянулся через плечо.

Из недр пирамиды донесся тяжелый удар, полыхнула яркая вспышка, на миг вырвала из мрака испещренные надписями стены. Эрэм прорвался-таки через преграду из наводящих сон чар, и сделал это, судя по прикатившейся снизу отдаче, одной лишь грубой силой.

Так что у них есть только одна попытка.

– Давай, пошли, – приказал Головешка, и взмахом руки сдвинул с места свое «воинство теней».

Преграда перед ними ощерилась более чем десятком оскаленных черных рыл, и эльф понял – сработало! Заклинание, не рассчитанное на то, чтобы иметь дело с большим количеством целей, попробовало атаковать все фантомы разом.

Между стенами тоннеля заметалось эхо многоголосого воя, дюжина пастей защелкала одновременно. Одна вцепилась в ногу Головешке, но это оказалось не так больно, как он ожидал, а встречный удар не отшвырнул его обратно, как было ранее, а лишь заставил покачнуться.

За ним, правда, последовал второй, третий, и эти стали куда более болезненными.

– Стойте! – прогремело сзади, и из-за спины накатила волна горячего ветра, затылка коснулось нечто очень горячее, словно Зэм вытянул метров на десять нагретые над костром руки из металла.

Головешка никогда не думал, что способен на такой рывок.

Он выскочил из зоны действия заклинания, и не удержался, свалился-таки на колени: покусанную в нескольких местах ногу дергало болью, ушиб на боку грозил обернуться сломанным ребром, но все это не имело особенного значения, поскольку они прошли, прошли!

Расин очутился рядом, с тревогой заглянул соратнику в лицо.

– Я в порядке, – выдавил Головешка, оглядываясь, чтобы посмотреть, как там восставший.

Но проход за их спинами затопила непроницаемая тьма, в которой ничего не увидела бы даже сова, и эта тьма понемногу густела, показывая, что заклинание набирает силу.

– Осталось последнее? – спросил Расин. – Тот вихрь?

Головешка поднялся с колен и заковылял следом за хадаганцем, мимо проплыли опирающиеся на мечи безликие статуи. Свет еще не поднявшегося над деревьями солнца показался болезненно ярким, и хотя эльф сощурился, из-под опущенных век потекли слезы.

Надо же, мало остального позора, не хватало еще и поплакать.

Вокруг пирамиды мело нечто вроде серой поземки, тысячи, даже миллионы хлопьев от крошечных, еле различимых, до крупных, размером с ноготь. Они летали по кругу, понемногу набирая ход, и чувствовалась в их движении исполинская, ни с чем не сравнимая мощь.

Головешка с этим заклинанием дела не имел, когда они явились сюда, успел только бросить на него единственный взгляд, а затем началась заваруха, после которой чары исчезли.

Да, жаль, что он не может применить тот способ, какой использовали поклонники Тэпа, и не только потому, что под рукой нет никого, готового на роль жертвы – нет, мало зарезать разумное существо, надо еще знать, как правильно использовать освободившуюся при этом силу.

А в этом деле некроманты-восставшие разбираются куда как хорошо.

– В чем проявляла себя эта пакость? – спросил Головешка.

– Останавливала, – ответил Расин. – Ты шел, даже бежал, но стоял на месте. И жгла. Вроде бы.

Интересно – преграда из хитро закрученных чар, что пожирает твое движение и превращает в собственное, и неважно, насколько ты шустр и силен, все равно она поглотит все без остатка.

Это как бежать в огромном колесе, пытаясь взобраться на его верхушку.

Сзади донесся глухой удар, и полог из тьмы, скрывавший вход в пирамиду, дрогнул. Эрэм, похоже, окончательно потерял голову, забыл о том, что он искусный и ловкий маг, и что грубая сила не всегда помогает.

– А ну-ка попробуем, – сказал Головешка, и зашагал туда, где колыхались на ветру деревья, вились над ними птицы.

Он прошел метр, а затем понял, что не перемещается, хотя

вроде бы и не шевелит ногами. Перешел на бег, но это помогло не больше, чем крыша из рыбацкой сети против сильного дождя. Кожу начало покалывать, и стало ясно, что да, нажмешь еще, заработаешь ожог.

Остановился, запыхавшись, и оказался на том же месте, где начинал.

– Ладно, попробуем иначе... – эльф потер ладони друг о друга и приступил к делу: разобраться, как сложены эти чары, где у них точка опоры, и какие имеются слабые места.

Вскоре он в очередной раз убедился, что заколдовывал пирамиду как минимум один из Великих Магов – все мощно и изящно, так что не подкопаешься, не найдешь висящего «хвостика» или небрежной связки.

Идти поперек такого – невозможно, если ты сам не настолько умел, чтобы удержать целый аллод.

– Шанс есть, – сказал Головешка, открывая глаза. – Если двигаться по спирали...

И шанс этот возник благодаря тому, что заклинание еще не набрало полной силы.

– Идем быстрее, – продолжил он. – Еще немного, и выход закроется.

В этот миг последовал новый удар изнутри по черной завесе, и статуи, охранявшие вход, дрогнули.

– Восставший злится, – сказал Расин.

– Это его проблемы, – буркнул Головешка, сдвигаясь с места.

Нужно соотнести свой шаг со скоростью вращения вихря, попасть между его струями, чтобы они не противодействовали, а несли тебя словно на крыльях, или хотя бы обтекали...

Сначала показалось, что ничего не получается, что они стоят на месте, но затем с радостью заметил, что пирамида отдаляется. Первый угол обогнули, находясь от нее уже метрах в пяти, у второго получилась заминка, когда в грудь ударило нечто вроде встречного ветра.

– Нажали! – рывкнул Головешка, надеясь, что хадаганец его услышал.

А вот и третий угол позади, и четвертый, глазам вновь предстал вход, у которого ничего не изменилось. Эрэм так и не сумел выбраться наружу, а им до спасительной границы, где заклинание теряет силу, остались считанные шаги!

Когда давление на спину и плечи исчезло, эльф пошатнулся и едва не упал.

– Выбрались, – проговорил он, сам не веря в то, что это у них получилось. – Выбрались!

Последнее слово Головешка прокричал, не скрывая радости.

– Да, милость Незеба, – подтвердил Расин.

Полог тьмы, закрывавший вход в недра каменного строения, выгнулся пузырем, словно изнутри пытался выбраться колоссальный червь. Сама пирамида качнулась, по стенкам побежали трещины, расщелины открылись в черной, точно оплавленной земле.

Эрэм, судя по всему, пустил в ход всю свою силу, без остатка.

Показалось, что еще мгновение, и древние камни не выдержат, раскрошатся в пыль. Из-под земли вырвалось надсадное гудение, похожее на шум крыльев шмеля размером со слона, но затем этот звук утих, расщелины одна за другой закрылись, трещины начали зарастать.

Черный пузырь втянулся обратно.

Заклинание, наложенное неведомо сколько веков назад, оказалось сильнее.

– Тронд был прав, – сказал Расин, глядя на пирамиду, закутанную в уплотняющийся на глазах кокон серого вихря.

– Что? – Головешка не сразу понял, о чем речь. – Хотя да... они оба остались там.

Гибберлинг, погибший под жертвенным ножом, в последнем предсказании не ошибся.

Эльф вытер с лица пот и огляделся: если честно, то все они остались здесь, и шумливый Велигор, и Ульфа с братьями, и те, кто пришел с Расином, двое орков и некромант Зэм.

Последний, конечно, не мертв, но с другой стороны, надежно заперт.

– Ну что же, мы живы, – сказал хадаганец. – Осталось решить, что делать дальше.

– Сожрать чего-нибудь, и побольше, – отозвался Головешка, у которого от голода сводило живот. – Там, в лагере, должны были остаться припасы, насколько я помню. Только если их никто без нас не приел...

В джунглях Асээ-Тэпх полно любителей закусить на дармовщинку.

– Я о другом, – Расин покачал головой. – Что делать вообще. Мне обещали... – короткая пауза, – ...изменить внешность, по настоящему. Чтобы враги не могли узнать.

– А кто твои враги? – поинтересовался Головешка.

Пока разговаривали, добрались до лагеря, и обнаружили, что повсюду виднеются отпечатки когтистых лап, вещи разбросаны, мешки разорваны, а мясо, оставшееся с последней охоты, исчезло бесследно.

Хотя наивно было надеяться, что на него никто не позарится.

– Чтобы им! – буркнул Головешка, имея в виду непрошенных

гостей.

– Поймаем кого-нибудь еще, – сказал Расин, и лишь затем, после еще одной заминки, ответил без особой охоты: – Комитет... Наверняка ты знаешь, что это такое.

Понятное дело, эльф знал, как и любой другой, хоть немного разбирающийся в том, как устроена Империя – жуткая, наполовину секретная организация, следящая за тем, чтобы все хадаганцы вели себя так, как положено, и думали, как надо, подчиненная исключительно верховному правителю.

Ранее Незебу, а ныне – Яскеру.

– Да, это серьезно, – сказал Головешка, нагибаясь, чтобы проверить свой мешок.

К счастью, участников набега из джунглей не заинтересовало ничего, кроме мяса – вещи на месте, и лямки не пострадали, а не такую уж и большую дыру можно и зашить. Жаль только, что неведомо куда сгинул меч, снятый с его пояса поклонниками Тэпа...

И ведь не спросишь, куда они его дели?

– Мне тоже кое-что обещали, кое-что такое, ради чего я не пожалею и жизни, – продолжил он.

– Понимаю, – кивнул Расин. – Также изменить внешность?

– Да, – Головешка поморщился. – Эта, как легко догадаться, мне не особенно нравилась... Слушай, а зачем тебе возвращаться в твой Хадаган? Поехали со мной в Лигу!

– И что я буду там делать? – спросил Расин, с мрачным видом взвешивая на руке клинок, что ранее принадлежал Кости.

– О, дело всегда найдется, интересное и выгодное...

После пережитого Головешке меньше всего хотелось ехать в Сиверию и жить там отшельником. Но он не допускал даже мысли о том, чтобы вновь назваться именем, от которого отказался три года назад, и вернуться к сородичам.

Уродливый эльф – не эльф, даже если ему самому плевать на свою внешность.

Это позор для дома!

Но сказав «не нравилась» насчет собственного облика, Головешка не покривил душой. Пройдя через мрак под древней пирамидой, через унижительную роль пешки в чужой игре и борьбу с невообразимо сложными заклинаниями, он понял, что более не беспокоится насчет того, как выглядит...

Это было странно, но немного приятно, словно со спины его сняли тяжелый груз.

– В Новограде постоянно нужны люди, и не только люди, что знают, с какого конца братья за меч, – сказал эльф, думая, что прихватить из оставшегося в лагере оружия: не идти же через

Асээ-Тэпх с пустыми руками. – А два бойца – это не один боец, это куда лучше, особенно если один из них еще и маг... Ну что, поедешь со мной на Кватох? Деньги на дорогу найдем.

– Почему бы и нет? – отозвался Расин после короткой заминки, и протянул руку.

Головешка ее торжественно пожал.

Они собрали вещи и двинулись через джунгли на север, в сторону храма Тенсеса и расположенного на краю Святой Земли канийского форпоста. Там нетрудно отыскать астральный корабль, идущий на любой из аллодов Лиги, в пределах которой никакой Комитет не отыщет Расина.

Ну а дальше... кто знает, что будет дальше? Может быть, новая игра...